

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**В.А. БОГОРОДИЦКИЙ
И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА**

**Труды и материалы
Международной научной конференции**

Казань, 18–20 ноября 2024 г.

Том 2

**КАЗАНЬ
2024**

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
В11

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
«Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2023–2030 годы»
(Государственный контракт № 112 ЭА/2024)*

**Под общей редакцией
Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец,
Э.А. Исламовой**

В11 **В.А. Богородицкий и современная лингвистика:** труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 18–20 ноября 2024 г.): в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – Т. 2. – 200 с.

ISBN 978-5-00130-877-5 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-875-1

Во второй том трудов и материалов Международной научной конференции «В.А. Богородицкий и современная лингвистика» включены материалы докладов, заявленных на секции: «Проблемы сопоставительной лингвистики», «Текст и дискурс. Вопросы лингвокультурологии», «Лингводидактическое наследие Казанской лингвистической школы. Преподавание русского языка как иностранного», «Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии», «В.А. Богородицкий и вопросы татарского языкознания».

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-00130-877-5 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-875-1

Агеева Анастасия Владимировна
Корепанова Полина Дмитриевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'373.45

Заимствование и ассимиляция глуттонической лексики во французском языке

*французский язык, глуттоним, иноязычная лексика,
заимствование, экзотизм*

Язык представляет собой систему единиц, развивающуюся в соответствии со временем, следуя своим внутренним законам и внешним факторам, т.е. тесно взаимодействуя с социумом, его ментальностью и культурой. Одним из таких факторов является межкультурная коммуникация, которая определяет векторы языковых контактов и способствует активизации в языке лексики иных этимологий. Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения основных закономерностей освоения иноязычной лексики на материале глуттонимов французского языка.

Материалом нашего исследования послужили данные сплошной выборки из интернет-источников (кулинарных блогов) на французском языке, напр., Les recettes de Mélanie (<https://lesrecettesdemelanie.com>), Audrey Cuisine – Le blog culinaire d'une gourmande (<https://www.audreycuisine.fr>), а также лексикографические источники: Centre National des Ressources Textuelles et Lexicales (<https://www.cnrtl.fr>), Trésor de langue française (<http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>).

Систематизация лексических единиц по лексико-семантическому принципу позволяет нам установить следующие группы иноязычий:

Режим питания и его компоненты: *breakfast, lunch, brunch, zakouski, soupe, salade, snack, fastfood.*

Первые блюда: *gazpacho, bortsch.*

Вторые блюда: *lasagna, paella, pizza, ravioli, kasha, bifteck, risotto, rosbif.*

Сладкое и десерты: *jam, cake, marmelade, pudding, tiramisu, strudel, muffin, crumble, cheesecake, chocolat, cookie, brownie, sorbet, halva, caramel.*

Напитки: *whisky, punch, smoothie, milkshake, coca-cola, kvas, vodka, képhir, mocktail, cocktail, cacao, sangria, rhum, vermouth, café.*

Соусы и закуски: *pesto, ketchup, houmous, guacamole, cracker, chips, nachos, sandwich, pickles, chorizo, mozzarella, choucroute.*

Мучные и хлебобулочные изделия: *focaccia, ciabatta, macaroni, spaghetti, pirojki, blini, koulibiac, tortilla, bun, nouille.*

Травы, специи и пряности: *curcuma, épinard, jingembre, basilic, sésame, vanille, safran, sucre.*

Овощи и фрукты: *orange, mandarin, aubergine, maïs, mangue, artichaut, ananas, avocat, abricot.*

Крупы: *couscous.*

Фастфуд: *hamburger, cheeseburger, hot-dog.*

Квантитативно наибольший процент иноязычной лексики фиксируется нами в рамках категорий «Сладкое и десерты», «Напитки» и «Соусы и закуски».

С точки зрения ассимиляции, мы можем выделить в первую очередь полностью ассимилированные единицы. Вслед за Н.В. Габдреевой, говоря об иноязычиях, в полной мере соответствующих формальным нормам языка-реципиента, обладающих устоявшейся семантикой и воспринимающихся носителями языка как исконные, мы отдаем предпочтение термину **заимствование** [Габдреева 2019].

Отдельным показателем полного усвоения лексемы можно считать ее деривационную активность в рамках принимающей системы. Так, слово *chocolat* [ʃokɔla] *m* относится к морфологическому классу имен существительных мужского рода, фонологически и графически отвечает правилам оформления французского слова, имеет семантическую структуру, включающую основное (*aliment composé essentiellement de cacao et de sucre* 'пищевой продукт на основе какао и сахара') и производное (*boisson préparée avec du chocolat en morceaux ou en poudre, dissout ou cuit dans de l'eau ou du lait* 'напиток, изготовленный из разведенного водой или молоком кускового или тертого шоколада') значения, а также устойчивую переносную сему (*couleur brun rouge foncé* 'коричневый цвет с темно-красным подтоном'). В разных значениях оно частотно фигурирует во множестве словосочетаний (*bonbon au chocolat* 'шоколадная конфета', *arg. boîte à chocolat* 'арг. гроб, *pop. [être] chocolat* 'разг. быть одураченным, *faire le chocolat* 'разг. притворяться наивным') и выступает производящей базой по отношению к целому ряду лексических единиц: *chocolaté* 'шоколадный', *chocolaterie* 'фабрика по производству шоколада', *chocolatier* 'шоколадье'.

Вторую категорию представляют лексические единицы, ассимилированные частично. К данной группе мы относим собственно **иноязычную лексику**, которая воспринимается носителями языка как неисконная [Агеева, 2023]: чужим может быть произношение *cake* [kɛk]) или орфография (*sandwich* [sãdwitʃ]). Элемент чуждости может заключаться в оформлении категорий рода или числа (*blini – blinis, pirojki –*

pirojki) или семантике слова (*maïs, houmous*). Рассмотрим типы иноязычной лексики исходя из ярусов системы языка, на которых ассимиляционные процессы в каждом конкретном случае протекают наиболее интенсивно:

1. Фонологический уровень. Акцентологические нормы французского языка требуют смещения ударения на последний слог (англ. *sandwich* ['sænwɪdʒ] – франц. *sandwich* [sɑ̃dwiʃ]), что в отдельных случаях может привести к редукции конечной послеударной гласной (исп. *vanilla* [vanija] – франц. *vanille* [vani]) [Агеева 2018]. Алломорфизм консонантных систем контактирующих языков может приводить к элиминации некоторых звуков; например, не представленная во французской фонологии фонема [h] опускается в таких словах, как *hot-dog* и *hamburger*: [ɔtdɔg], [ãburgœr]. Алломорфизм вокалических систем ведет, как правило, к модификации графического облика заимствуемой единицы: так, английское слово *roast-beef*, которое при заимствовании теряет дифтонг [oa] и долгую [i], адаптируется к нормам французского языка, превращаясь в *rosbif*, по такому же принципу английское слово *beefsteak* преобразуется в *bifteck*.

2. Морфологический уровень. Входя в состав нового языка, заимствованное слово подстраивается не только под фонетические, но и под грамматические нормы данного языка. Например, в английском языке отсутствует категория рода, поэтому англицизмы во французском языке приобретают данную грамматическую категорию: *le jam, le whiskey, la coca-cola*. При этом мужской род присваивается англицизмам гораздо чаще женского, который фиксируется окказионально.

Единицы, происходящие из близкородственных языков (испанского, итальянского), чаще всего сохраняют род прототипа: *la pizza, le risotto, la paella, le gaspacho*. Категория числа является общей практически для всех языков, однако способы ее оформления весьма различаются. В силу этого мы можем наблюдать практически полный спектр вариантов оформления категории, от полного совпадения форм *singularia* и *pluralia* прототипа и коррелятивного заимствования, напр., *le hot-dog – les hot-dogs, la paella – les paellas*, до опрощения морфемной структуры прототипа, уже содержащей маркер множественного числа, с его последующей репликацией средствами языка-рецептора: итал. *sing. il raviolo – pl. i ravioli* – франц. *pl. les ravioli / les raviolis*; рус. *sing. пирожок – pl. пирожки* – франц. *pl. les pirojki / les pirojkis*.

3. Семантический уровень. На этом ярусе возможны следующие основные пути развития структуры значений иноязычного слова:

– сохранение значения прототипа (*orange, mandarin, aubergine, épinard*);

– конкретизация или упрощение семантики иноязычной единицы на фоне прототипа, напр., иноязычное слово *pudding* используется англичанами для обозначения десерта, т.е. любого сладкого блюда, подаваемого в конце трапезы. Во Франции же этим словом называют только десерт, который имеет кремообразную текстуру;

– обобщение или расширение значения иноязычной единицы. Напр., в английском языке *snack* имеет значение ‘легкая закуска’, но во французском этим словом можно также назвать закусочную или киоск, где продают еду;

– семантический сдвиг, т.е. изменение значения лексемы. Так, слово *chips* во французском языке, как и в русском, используется для обозначения картофельных чипсов, в то время как в британском английском под этим словом понимают картошку фри (франц. *frites*), т.е. ‘длинные тонкие брусочки картофеля, обжаренные в большом количестве масла’.

В последнюю категорию – неассимилированных единиц – мы можем включить **ЭКЗОТИЗМЫ**, т.е. наименования реалий чуждой действительности, априори не имеющие французского эквивалента [Серебренникова, 2022]: *breakfast, lunch, brunch, borschtch, koulibiac, nachos, tom yam*.

Таким образом, на примере кулинарной лексики французского языка мы можем сделать вывод о широком вовлечении иноязычной лексики в общеязыковые процессы с целью ее полноценного включения не только в профессиональный вокабуляр, но и в лексическую систему языка в целом.

Литература

Агеева А.В. Глуттонический дискурс французского языка как отражение русско-французских языковых контактов: фонетико-графический аспект / А. В. Агеева, Ю. В. Смахина // Научный диалог. 2018. № 2. С. 9–16.

Агеева А. В. Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке / А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина, Н. В. Габдреева // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405.

Габдреева Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. М.: ФЛИНТА, 2019. 328 с.

Серебренникова Т.Г. Экзотическая лексика во французских тревел-блогах / Т. Г. Серебренникова // Язык: категории, функции, речевое действие. Мат-лы XV междунар. науч. конф. Москва-Коломна: МПГУ: ГОУВО МО ГСГУ, 2022. С. 130–134.

**Об одном типе интертекстуальности
(на примере произведений Дардманда и К. Шангытбаева)**

*интертекстуальность, продолжение текста, текст, претекст,
диалогическая связь*

Одним из самых упоминаемых терминов в современной филологической науке является интертекстуальность, которая присуща не только художественной литературе, но и во все сферы человеческой жизни.

Как мы ранее указали, в казахских художественных текстах интертекстуальность репрезентирована цитированием, цитацией, аллюзией, реминисценцией, пародией, символикой, продолжением (завершением) текста [Адилова 2015: 32]. Все они отражают семантико-структурные связи между текстами, занимая различные позиции в художественном тексте, т. е. встречаются в форме эпиграфа или как текст в тексте, отсылки к прецедентным феноменам, а также как структурная цитата.

В качестве одного из типов интертекстуальных связей можно упомянуть продолжение или завершение работ известного поэта или писателя другим автором. Можно сказать, что это явление, встречающееся в мировом литературном процессе с давних времен, получило широкое распространение в XX веке. Хотя он возник из-за популярности, известности произведений, которые привлекли внимание читателей, преследуя чисто коммерческую цель, создавая в нем потребность, мы должны рассматривать их с обеих сторон. Продолжение произведения, имеющего особое значение в личностном когнитивном пространстве автора, позволяет ему проявить свои творческие возможности, обеспечить в литературном мире память о любимом им писателе и произведении, а также позволяет читателю оценить лингвистические средства, т.е. вербальную структуру текста и такие экстралингвистические факторы, как эрудиция, общее кредо писателя.

В статье Н. А. Фатеевой [Фатеева 1998: 25] упоминаются такие поэты, как В. Брюсов, В. Ходасевич, Г. Шенгели, которые продолжили мотивы творчества А. С. Пушкина. В современном литературном процессе можно назвать продолжение романа американской

писательницы М. Митчел «Унесенные ветром» – «Скарлетт» А. Рипли и «Ретт Батлер» А. Рикпатрика.

В казахской литературе такой тип интертекстуальности встречается очень редко. В качестве примера можно привести стихи видного поэта Куандык Шангытбаева, который таким способом проявил дань уважения к своему духовному учителю, оказавшему на него большое влияние, – написал продолжение двустиший известного татарского мецената, поэта Рамеева Закира Садыковича, известного под псевдонимом Дардманд.

Однако следует отметить, что появились совершенно новые тексты. Хотя продолжены или завершены стихи на родственном языке, семантика текста на другом языке меняется, создавая впечатление, что оба автора, кажется, дополняют, уточняют друг друга.

В предисловии к такому циклу стихов, названных “Дәрдмәнднама: Қайым өлеңдер” и напечатанных в журнале “Жұлдыз” в 1993 году К. Шангытбаев подчеркивает: “В этом небольшом наследии Дардманда тридцать шесть бейтов (бәйіт), каждый из них состоит из всего двух строк – двустишия. Если вдумчиво вникнете, вы увидите, что они не похожи на традиционные для восточной поэзии бейты, которые выражают законченную мысль, наоборот, оставляют впечатление, что автор, зафиксировав свои красивые мысли в моменты наступившего вдохновения на бумаге, потом не смог вернуться к ним. По этой причине я мечтал попробовать развить и дописать незаконченные мысли своего учителя, перед которым преклонялся и благовел. С другой стороны, это казалось исполнением долга благодарного ученика перед учителем. Поэтому решил представить читателям свои стихи. Мәрһәмәт!» [Шангытбаев 1993: 25].

Казахский поэт в первых строках своего стихотворения переводит бейты учителя и развивает семантику своего произведения. В то время как у поэтов с разным жизненным окружением, кредо, социальным положением есть общее видение, присущее им обоим, семантика стихов казахского поэта дополняет, объясняет, интерпретирует предыдущий текст, которого взял за основу. К. Шангытбаев, сохранив размер каждого бейта, создал стихи, которые по объему и структуре, и содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой информации превосходят претекст. Например:

Авыз ачып сөйләрге тел қайрадым,
Өйрәнчек бала коштай, баш сайравым.
Дәрдмәнд.

Тілді безеп, айтар сөзді сайладым.
Бала тоты болып алғаш сайрауым.
Не деп бірақ сайрар екем, – білмеймін:
Ауылым бүгін – күңгір, күрсін, зар, уайым.

Көріп жатыр. Алып жатыр барлығын.
Күбір, сыбыр, қорқу, үрку – әр күнім.
Етек жиып, ес білгеннен түсіндім
Тағдырымның тапшы, талқы, тарлығын.

Енді ғана айтуға оны пұрсат бар
(Ұзағынан, ұзағынан, о Жаббар!)
Жау атанды жазықсыздан-жазықсыз
Көрбақтарға қор боп сорбақ, боздақтар.

Жатыр қанша тарландар мен бағландар –
Топырақ жетпей, тоңға оранып қалғандар;
Үн үзіліп, жыр жоғалып, ми қурап
Жатыр, жатыр қанша маңғаз Мағжандар!

Әкем жатыр, атам жатыр, нағашым...
Енді қалай қайта қазып аласың!
Қарғамаса, сілемесе болды ғой,
Сол тар кездің қол көтергіш баласын.

«Мәңгі-бақи жаса, жаса, Қолбасшы!»
Өлеңімнің сөзі еді бұл алғашқы,
Білмеппін ғой әр сөзіме бірақ та
Сұмдық іздеп сұқтанарын албасты.

Сұм мен сұмдық... Көрдім қилы қиынын,
Сондықтан да жүрдім солғын, бұйығы.
Қорықтым да қоқан-лоқы қоқидан,
Ұрандарға Құран-жырдай ұйыдым.

Жасымда мен солай жырлай бастағам,
Ұрлағам жоқ, көшіргем жоқ басқадан.
Ұлтым жайлы бірақ бір сөз айтпаған
Бұл қазақта бар ма мендей қасқа адам?!

Первая строфа стихотворения показывает текстовый континуум, чередуя грамматические категории глагола. В тексте на казахском языке континуум, в котором переплетается общее пространство и время, а также локальное пространство (*ауылым*) и время (*сегодня, каждый день*) поэта, выражен выразительным словом *тағдыр*, а его родной аул описан подчеркнуто эмоционально-экспрессивными синонимами, имеющими отрицательную семантику.

В континууме стихов настоящее и прошлое противопоставляются. Прошлое вербализовано дейктическими элементами (*его, того времени, так*), аллюзиями (*о которых теперь можно только говорить; сколько героев молодых – тех, кто не были похоронены в родной и остались в вечной мерзлоте; детей сурового времени; к лозунгам прислушался, как Корану*), автоцитатой («*твори навеки, твори, полководец!*»), лексемами, входящими в одно тематико-семантическое поле (*страх, печаль, зло*). В стихотворении, размер которого во много раз больше бейта, поэт оценивает свое прошлое с сегодняшней позиции и резюмирует его противоположным чувством признания и сожаления.

В этом приведенном примере и в остальных продолжениях всех 36 бейтов интертекст отличается от претекста как по объему, так и по семантике: автор развивает стихи своего учителя с точки зрения казахской национальной ментальности, создавая новый текст с помощью концептов, характерных для национального когнитивного пространства. Временная дистанция между претекстом и интертекстом исчезла из-за актуализации более поздним автором общечеловеческих ценностей в своем контексте. Несмотря на то, что между авторами двух текстов существует противоречие, дискуссия, позитивный взгляд поэта на автора претекста, породивший интертекст, сохранился. А это значит, что «Диалогические отношения формируются как внутри текста, так и между текстами, а высказывания при этом соприкасаются друг с другом на территории общей мысли» [Бахтин 1975: 299–309].

В целом, тексты казахского поэта К. Шангытбаева можно воспринимать как продолжение, дополнение бейтов Дардманда. Таким образом, интертекстуальность в их стихотворениях говорит об общечеловеческих ценностях, которые связывают поэтов двух родственных народов.

Литература

Адилова А. С. Көркем мәтіндердегі цитация құбылысы / А. С. Адилова. Алматы: Эверо, 2015. 252 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. Москва: «Худож. лит», 1975. 504 с.

Шангытбаев К. Дәрдмәнднама: Қайым өлеңдер / К. Шангытбаев // Жұлдыз, 1993.

Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. №5. С. 25–38.

**Metaphorical concepts in Turkic languages
(based on the Azerbaijani and Turkish Ashug poetry)**

metaphorical concepts, linguistics, Turkic languages, Ashug poetry

The tradition of competition persists today in Türkiye and Azerbaijan. M. Gasimli writes that “changes are carriers of the same poetic status and function throughout the history of most Turkic peoples. This artistic phenomenon, manifested in the forms of “atış”, “atışpa”, “atışma” in different parts of Turkish ethnography, is also known in Azerbaijani Ashug literature as “deyişme” [Qasımlı 2018: 347]. “Deyişme” is a competition in improvisation of poetry and singing among the Ashugs.

One of the most important characteristics that distinguishes the ashug from others as a master craftsman is his ability to compete in improvising poetry and singing with the Ashugs. Because it shows that he is ready to enter the field of speech, that he believes in himself, his words, his instrument and his art. That is, participation in a verbal competition requires preparation and skill. Ashug, entering the field of competition, must learn the science of both worlds. He should also study deeply religious, mystical and wise knowledge. Here, the ability to speak “spontaneously” in the style of poetry and answer questions is very important for ashug.

Analyzing the variants of Turkish Ashug poetry from a linguopoetic point of view, the content analysis of the samples we collected showed that this type of Ashug poetry can be divided into seven groups:

1. Deyişme (puzzles) to demonstrate Ashug’s knowledge of his craft;
2. Replacement shots;
3. Demonstrative “skirmishes” of words;
4. Grinding;
5. Game or arm wrestling;
6. Registration “skirmishes”
7. Written “skirmishes” [Artun 2009: 134].

The most common form of communication among Azerbaijani ashugs is closure or a question in poetry.

There are classic examples of blocked competitions in Ashug’s work. For example, the interrogative questions in the conversations of Gurbani and Dede Yadiyar, Abbas Tufarganlı and the city ashugs, Khashta Gasim and lezgi Ahmad, Ashug Valeh and Zarnigar Khanum are distinguished by their symbolic and semantic complexity. When ashug opens a question asked to him, he has the right to test the other side by the next closing of the question. Sometimes one of the ashugs whocompetitiond after the first draw,

sometimes after a question mark, is defeated. According to the rule, the mascot is taken from the loser.

The patient Gasim exposes himself bald in a conversation with the poet Zahid.

Gəl mənimlə meydan açma,başın düşər zavala,//Dilin açıb həzyan demə,daldalarda kamala,//Elə suallar verərəm qalarsan qalmaqala,//Kəl olanın qabağında gərək olsun kəl gərək (Poet Zahid)

Sən Zahidi yaxşı tanı,tanıyır ellər onu,//Doğru yoldan kənar gəzmə,əyri yolun yox sonu,//Xəyyat olub bicəcəyəm qamətinə bir donu,//Zayın çıxsın,gülsün sənə bu el,bu mahal gərək [Xəstə Qasım 2010: 143-144]

The conversation between Khasta Gasim and lezgi Ahmad is one of the classic examples of this genre. The “competition of metaphors” in conversation reveals the skill and experience of Khasta Gasim, his knowledge of the world of meanings.

Səyyad olub səhra gəzdim,tor qurdum tər lana mən,//Keçdi qışım,gəldi yazım, dönmüşəm gülşana mən,//Lovğalanıb öz-özünə,öymə kəndin qarşımda//Əgər düşsən,qər q olarsan,bənzəsəm ummana mən [Xəstə Qasım 2010: 144].

The patient Gasim wants to “scare” his opponent using the traditional method of harassment, using hyperbole and metaphors:

Sözlərinə cavab verrəm,mat qalarsan bu işə,//Şahmar kimi elə vurram,yanıb bədənini şişə,//Çətindir ki,şar havada tər lan üstə-yer işə,//Əzəlindən qul olmuşam ol şiri-Yəzdana mən [Xəstə Qasım 2010: 144]

Metaphors in the dialogue between Lezgi Ahmad ve Khasta Gasim.

Ləzgi Əhməd: Səndən xəbər alım, ay Dədə Qasım, \ O nədir ki, dürlüdürlü halı var? \ Nədən xəlq olundu ərşin ağacı? \ O nədir ki, toxunmamış xalı var?

Xəstə Qasım: Sənə cavab verim, ay Ləzgi Əhməd,\ Bahardır ki, dürlüdürlü halı var. \ Nurdan xəlq olunmuş ərşin ağacı, \ O buluddur toxunmamış xalı var.

Ləzgi Əhməd: O nədir ki, dayanıbdır dayaqsız? \ O nədir ki, boyanıbdır boyaqsız? \ O nədir ki, doğar əlsiz-ayaqsız, \ Üç ay keçər, ayağı var, əli var.

Xəstə Qasım: Göy bir çadır, dayanıbdır dayaqsız, \ Ayla gündür boyanıbdır boyaqsız, \ Qurbağadır doğar əlsiz, ayaqsız, \ Üç ay keçər, ayağı var, əli var.

The voice, speech, attitude, manners of the artist, which are a cultural phenomenon, from beginning to end become an effective fact, his tolerance to psychological stress, the degree of his compliance with this name are determined. At the same time, it seems that events are coming to a climax in the development of the plot. The most interesting issue that attracts

attention in the structure of the dialogue is not only the enumeration of facts and events, but one of the main factors is the observance of the order of the poem. More precisely, the other side reacts in the same way [6, p. 273], if the hooligan artist conveys his thought to the opponent in any form (combined, callous, muhammas, diwani) [Qasımlı, Allahmanlı 2018: 273].

Let us pay attention to the part of the conversation between the patient akhiskali Hasan and Usta Polad:

Usta Polad-O nədir ki,gedər,gəzər izi yox,//O nədir ki,söhbəti var,sözü yox.//O nədir ki,cəsədi var, gözü yox, // Nəyi gələr ölkəmizə şan verər?//(Xəstə Hasan)

O balıxdı, gedər gəzər, izi yox, // O yalandı,söhbəti var, sözü yox, // Oruc, namaz cəsədi var, gözü yox, //Adı gələr ölkəmizə şan verər [Şamil 2012: 155].

The questions are answered through existing metaphorical concepts in the memory and thinking of Ashugs who are carriers of Turkish ethnoculture, and create a metaphorical conceptual sphere in the whole competition space. It should also be noted that the basis of this metaphorical conceptual sphere is the basic metaphors characteristic of the Sufi worldview and the separation of the Ashug masters.

Some metaphors in conversation express a positive expression, and some express a negative one. But sometimes the semantics of a metaphor-competitions depending on the situation. That is, a metaphor with a positive meaning has a negative connotation, and a metaphor with a negative meaning has a positive connotation. These cases are used to give a more ironically expressive flavor.

In these competitions, all means of artistic representation are not limited to acquiring a certain frequency of processing, new semantic styles of expression appear, soulful and perfect artistic plates are revived. Due to the activity of the components that make up each stylistic figure, a charming poetic speech environment is determined. The sphere of activity of the linguistic unit, which plays a leading role in this process, reveals the originality of stylistic and poetic meanings. The signs of the creation of a poetic poem allow linguistic signs to acquire the character of an artistic device, to act as a poetic factor. In short, each skillfully used linguistic sign adds artistry to the overall text. In all cases, attachment to an artistic theme, subordination to the poetic expression of thought is found as the main sign of linguistic factors set in motion by the imaginative thinking of the Ashug.

Dialogues are one of the most common forms of Turkish Ashug poetry. These conversations clearly demonstrate the speaker's mastery of their content and language features. There are different types of dialogues in Turkish Ashug poetry:

a) The questions are answered through existing metaphorical concepts in the memory and thinking of Ashugs who are carriers of Turkish ethnoculture, and create a metaphorical conceptual sphere in the whole competition space. It should also be noted that the basis of this metaphorical conceptual sphere is the basic metaphors characteristic of the Sufi worldview and the separation of the Ashug masters.

b) Some metaphors in conversation express a positive expression, and some express a negative one. But sometimes the semantics of a metaphor competitions depending on the situation. That is, a metaphor with a positive meaning has a negative connotation, and a metaphor with a negative meaning has a positive connotation. These cases are used to give a more ironically expressive flavor.

c) Ashug Alasgar creates ideal artboards using associative and metaphorical concepts. Due to the activity of metaphorical concepts, an attractive poetic speech environment is determined. The signs of creating a poetic voice allow syntactic linguistic signs to acquire the character of an artistic device, to act as a poetic factor. In short, each skillfully used linguistic sign adds artistry to the overall text. In all cases, attachment to an artistic subject, subordination to the poetic expression of thought is revealed as the main sign of linguistic factors set in motion by the imaginative thinking of Ashug Alasgar.

d) In these competitions, all means of artistic representation are not limited to acquiring a certain frequency of processing, new semantic styles of expression appear, soulful and perfect artistic plates are revived. Due to the activity of the components that make up each stylistic figure, a charming poetic speech environment is determined. The sphere of activity of the linguistic unit, which plays a leading role in this process, reveals the originality of stylistic and poetic meanings. The signs of the creation of a poetic poem allow linguistic signs to acquire the character of an artistic device, to act as a poetic factor. In short, each skillfully used linguistic sign adds artistry to the overall text. In all cases, attachment to an artistic theme, subordination to the poetic expression of thought is found as the main sign of linguistic factors set in motion by the imaginative thinking of a Ashug.

e) Dialogues are one of the most common forms of Turkish ashug poetry. These conversations clearly demonstrate the speaker's mastery of their content and language features. There are different types of dialogues in Turkish Ashug poetry:

Celâlî: Ağ yarı yarı \ İki âşık geçti benim karşıma \ Biri diken bir güldür bunların \ Daha neler getirdiler başıma \ Biri zehir biri baldır bunların

Çağlarî: Ağ yar yarı \ İkisini gayet iyi tanırım \ Biri kızdır biri duldur bunların \ İkisinin ölçüsünü almışam \ Biri daldır biri koldur bunların

Ergül: Yar yarı İki âşık nedir, başladız söze \ Hangi diken hangi güldür bunların \ Çok şey getirecez senin başına \ Hangi zehir hangi baldır bunların.

The questions are answered through existing metaphorical concepts in the memory and thinking of Ashugs who are carriers of Turkish ethnoculture, and create a metaphorical conceptual sphere in the whole competition space. It should also be noted that the basis of this metaphorical conceptual sphere is the basic metaphors characteristic of the Sufi worldview and the separation of the Ashug masters.

References

Artun E. Türk Halk Edebiyatına Giriş. 5bs. / E. Artun. İstanbul: Kitabevi Yayınları, 2009.

Qasımlı M. Aşık şeirinin poetik biçimleri və çeşidləri / M. Qasımlı, M. Allahmanlı. Bakı: Elm və təhsil, 2018. 220 s.

Şamil Ə. Axısqalı Həstə Hasan (Şeirləri və şeirlərinin yaranması haqqında rəvayətlər) / Ə. Şamil. Bakı, Elm və təhsil, 2012. 248 s.

Xəstə Qasım. Bakı, Nurlan, 2010. 232 s.

**Поэтико-символический аспект черного и красного цветов
(на материале произведения Низами Гянджеви «Семь красавиц»
и поэзии Анны Ахматовой)**

цвет, символика, черный, красный, поэма, цветообозначения

Цвета – это явления, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Тем не менее, цвет служит не только средством эстетического восприятия окружающей среды, в которой живет человек: он также является важным инструментом самовыражения, отражающим его ощущения и понимание мира. «Поэтому цветообозначения как словесные знаки, номинирующие какие-либо цвета, представляют особые лингвокультурологические знаки большой смысловой емкости, национальной специфичности, а также необычайной культурологической насыщенности» [Зольникова 2009: 89]. Мир воспринимается человеком через разнообразие форм ощущений, которые обеспечиваются способностью различать всевозможные качественные характеристики окружающих объектов. Среди этих характеристик важное место занимают цветовые свойства. Природа цвета, его характеристика, эстетическое влияние на человека всегда привлекали внимание представителей различных научных дисциплин.

Понятие цвета является ключевым в понимании взаимодействия человека с реальностью. Формирование цветовой знаковой системы всегда тесно переплеталось с основными направлениями письменной и художественной культуры. В связи с этим цвет играет значительную роль в жизни как любого человека, так и общества. В повседневной жизни различные цвета и их комбинации активно используются как символы, заменяющие целые понятия. Не меньшую значимость цвет приобретает и в традиционных культурах. Цветовое окружение, формирующее представления людей о цвете, зависит от их исторического наследия и географического положения.

Как показали исследования, изучение цвета в отрыве от форм подразумевает исследование его как независимого элемента. В работе Р. Ивенса мы видим своеобразное отношение к цвету: «Звучание одной ноты не может сравниться по красоте с тем, как она звучит в составе аккорда, являющегося частью музыкальной композиции» [Ивенс 1964: 15].

С лингвистической точки зрения цвет также представляет особый интерес. Но его символическое значение, особенно в художественных произведениях, не менее значимо.

Сопоставительный подход помогает выявить сходства и различия в цветовых спектрах разных языков, а также раскрыть национально-специфические и лингвокультурные особенности цветообозначений. Он позволяет изучить понятийные модели восприятия и интерпретации мира в рамках отдельных языков. Этот метод, являясь продолжением когнитивного подхода, особенно актуален в условиях сегодняшнего интереса к развитию эффективного межкультурного взаимодействия.

Обратимся к сопоставительному анализу черного и красного цветов в азербайджанской и русской поэзии. В качестве сопоставительного материала нами будут использованы примеры из произведения великого Низами «Семь красавиц» и поэзия Анна Ахматовой. В произведениях обоих писателей цвету отводится значительное место.

Поэма «Семь красавиц» – четвертая часть знаменитого цикла Низами «Пятерица» – заметно отличается от остальных произведений. Помимо повествования о жизни и подвигах древнеиранского царя Бахрама, она включает в себя волшебные новеллы, рассказанные семью женами Бахрама, царевнами из разных уголков мира. Каждая из них живет в одном из семи дворцов, окрашенных в разные цвета, которые соответствуют дням недели. В поэме символизм и фантастические элементы новелл тесно переплетаются с описаниями реальной жизни. Цвета рассматриваются как системные соответствия планетам, а также расовым и климатическим принадлежностям на основе принципов «космического соответствия».

*– Выбор для закладки зданья все же был не прост,
Выждал зодчий сочетания благосклонных звезд.
Гороскоп сперва составив, зодчий-звездочет
Выбрал наконец счастливый первый день работ.* [Гянджеви 1991: 426]

Помещение каждой из царевен в шатер определенного цвета имеет космогенное значение. Черный цвет в поэме рассматривается как абсолютная истина.

*– Каждый из семи престолов свой имеет цвет,
Но среди них сильнейший – черный. Выше цвета нет.* [Гянджеви 1991: 428]

Из научной литературы нам известно, что черный цвет символизирует скорбь, печаль, смерть, но он также символизирует мудрость,

величие, а в поэме Низами основное символическое значение черного цвета – это значение абсолютной истины.

Что касается цветовой символики А. Ахматовой, то она носит своеобразный характер. Цветовая символика в поэзии А. А. Ахматовой стала объектом многочисленных исследований. В европейской культуре черный цвет традиционно ассоциируется с негативом и смертью. Однако в лирике А. Ахматовой он часто используется в описаниях пейзажей и земной реальности, при этом не приобретая негативного значения.

У А. Ахматовой цвет имеет конкретные предметные ассоциации. Исследование цветовых обозначений помогает выявить эмоциональные переживания поэта. В лирике Ахматовой черный цвет ассоциируется, прежде всего, с земным, материальным существованием. Он появляется в пейзажных зарисовках и отражает реалии окружающей среды

– *закрой эту черную рану, покровом вечерней тьмы*
– *Над черною бездной с тобой я шла,*
Мерцаая, зерницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочной-трепетной дали [Ахматова 1991: 5]

– *Черная вилась дорога,*
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил. [Ахматова 1991: 84]

Красный цвет символизирует жизнь, солнце и огонь, вызывая при этом противоположные эмоции – от любви до ненависти, от радости до гнева. В словаре символов Дж. Трессидера красный цвет определяется как символ жизни, страсти, силы и энергии «*Цвет жизни, огня, войны, агрессии, энергии, опасности, революции, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и модальности*» [Трессидер 2001: 167– 168]. В поэме Низами «Семь красавиц» красному цвету отведено особое место. В красный шатер он помещает славянскую царевну. Во вторник правитель посещает дворец с красным куполом и наслаждается обществом славянской княжны. Она рассказывает ему поучительную историю о сакральной символике красного цвета:

Красный цвет красою блещет, коей в прочих нет,
Этим лал ценней алмаза – алый самоцвет.
Золото «червонной серой» называешь ты;
Нет у золота одежды лучше красоты.

*Кровь, с душою связанная, оттого красна,
Что тонка, легка в полете, как душа, она.* (Гянжеви 2011: 547)

Как известно, красный цвет считается славянским цветом. Если обратить внимание на национальные костюмы славян, то мы явно видим присутствие красного цвета в одежде, в обиходе, в окраске домов. Славяне считали, что красный цвет оберегает их от сглаза. Поэтому помещение славянской царевны именно в красный шатер имеет символическое значение

Красный цвет в поэзии Ахматовой в основном связан с одним из основных символических значений – это символ страсти и любви. В основном красный цвет часто используется в синонимии со словами *красивый, прекрасный*, и поэтому для обозначения чего-то красивого часто используется слово *красный*. И в поэзии Ахматовой красный связан с красотой, с любовью. Очень широко цветовая символика использована в поэме «Реквием». В поэме красный и черный олицетворяют тревогу и передают душевное состояние героя. В стихотворениях также присутствует красный цвет как в своем значении передачи цвета, так и в символично-метафорическом значении.

*Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.* [Ахматова 1991: 89]

*Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.* [Ахматова 1991: 45]

Итак, подводя итоги, можем сказать, что с символической точки зрения данные цвета в поэзии обоих писателей употребляются одинаково.

Литература

Ахматова А. Сочинения: [в 2-х томах] / А. Ахматова. Москва: Правда, 1990. 447 с.

Гамидов И. Г. Философия грамматики афоризмов и пословиц / И. Г. Гамидов. Баку: Сабах, 2001. 271 с.

Грановская Л. М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVI–XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Москва, 1964. 23 с.

Гянжеви Н. Собрание сочинений (на русском языке): [в 3-х томах] / Н. Гянжеви. Баку: Азернешр, 1991. Том 2: 686 с.

Зольникова Ю. В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков / Ю. В. Зольникова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30. С. 88–93.

Ивенс Р. М. Введение в теорию цвета / Р. М. Ивенс. Москва: Иностранная литература, 1964. 441 с.

Оксанчук А. Е. Символьное значение компонентов идиом как источник знаний о национально-культурном мировидении / А. Е. Оксанчук // Язык образования и образование языка. Великий Новгород, 2000. С. 230–231.

Оленева Т. Б. Национально-культурная семантика слова «красный» (на материале памятников Киевской Руси) / Т. Б. Оленева // Язык образования и образование языка. Великий Новгород, 2000. С. 231–232.

Трессидер Дж. Словарь символов / Дж.Трессидер. Москва: Гранд, 2001. 444 с.

Цыганова С. А. Цветообозначения в фольклоре: символика, смысл, традиция / С. А. Цыганова // Mentalitat. Konzept / Gender... Verlag Empir ische Padagogik, 2000. С. 79–99.

Этические концепты в языковой картине мира

*этика, этический концепт, антропоцентрическая парадигма,
лингвокультурология, когнитивная лингвистика, языковая картина мира*

Новый подход к отражению природы этических ценностей в языке связан с их изучением в контексте антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, которая ставит человека в центр мироздания, рассматривая его как «меру всех вещей».

На сегодняшний день одна из наиболее подробно разработанных частей языковой картины мира представлена группой этических концептов. Интерес ученых к вопросу отражения системы этических ценностей в языке не случаен. Закрепленные в языке простые представления об этических нормах, с одной стороны, отражают ценностные ориентиры конкретной культуры, а с другой – формируют нравственное восприятие носителей языка. Основное внимание большинства исследователей сосредоточено на человеке, его чувствах и качествах, которые в совокупности формируют семиосферу его внутреннего мира.

Этика, как устоявшаяся область философского знания, предназначена для объяснения явления нравственной жизни общества и личности, а также для установления основных принципов и норм морали. Феномены морально-этической концептосферы исследуются философами с разных точек зрения, а также являются объектом когнитивных исследований в лингвистике, в рамках которых детально анализируются особенности их наименования и функционирования в естественном языке. Такие исследования имеют большую актуальность в нынешний период социального развития, когда особенно ярко ощущается угроза морального упадка в обществе.

Этика – это сфера, в которой наиболее ярко проявляется как преобразование культуры в языковую форму, так и преобразование языковых форм в культуру. Актуальность исследования ментальных образований, связанных с этикой, значительно возрастает в контексте современных когнитивных исследований.

Современные ученые-когнитологи проявляют интерес к этическим концептам из-за их этнолингвистической природы; их содержание определяется нормами существования общества и отражает знания о внутреннем мире человека [Маслова 2006: 117]. За ними скрывается

идеализированный мир, идея о том, каким должно быть положение вещей, которая не соответствует реальному состоянию дел в мире. Стремление коллективного разума уменьшить разрыв между реальностью и идеалом объясняет актуальность этических концептов в разные эпохи.

Этические концепты являются специфической подгруппой культурных концептов, отличающейся тем, что они отражают фрагменты картины мира с моральной точки зрения, сосредоточенные в антиномиях, которые выражают ценностное отношение к реальности.

Этические концепты, являясь сложными ментальными структурами, выраженными через язык, отражают ценностные ориентиры индивидуального и коллективного сознания. В них закодированы представления о мире, психология этноса, его мировоззрение и восприятие окружающей действительности, а также духовные ценности и специфические аспекты отношения к миру носителей языка.

Этические понятия – это категории, которые отражают нравственные отношения (поведение человека, оцениваемое с учетом действующих норм) и формируют мораль как одну из форм общественного сознания, охватывая все ее разнообразные аспекты. Они выполняют роль регуляторов поведения каждого индивида ради общего блага, и именно в этом заключается парадокс их сущности: они происходят из ограничения личных потребностей, которое становится препятствием для их удовлетворения.

Система этических представлений, заложенных в значениях слов и выражений, формирует целостную картину взглядов и становится обязательным ориентиром для всех носителей языка.

Нравственная саморефлексия каждого этноса находит свое выражение в его этических нормах. Языковая картина мира отражает процесс формирования и эволюции моральных ценностей конкретного этноса. Этика является тем самым пространством, где наиболее ярко проявляется как преобразование этнокультур в языковую форму, так и обратный процесс — преобразование языковых форм в культуру.

Семантика внутреннего мира человека, проявляющаяся через коллективно усвоенные и осмысленные значения, формируется благодаря ряду универсальных семантически отдельных констант, которые вместе составляют определенную семиосферу. Эти константы всегда ориентированы на смысл и связаны с человеком и его характеристиками: мышлением, сознанием, психикой, языком. Их значение зависит от социальной и психофизиологической структуры человека: оно возникает в специфическом семиотическом контексте в ходе социализации, а не передается генетически при рождении.

В отличие от внешнего мира, внутренний мир человека представляет собой замкнутую семиосферу, которая трудно поддается прямому наблюдению и проверке познающим субъектом. Внутренний мир человека включает в себя его психические компоненты: волю, характер, эмоциональные и интеллектуальные особенности, предпочтения, интересы, а также отношение к окружающим и к самому себе. Важное место в семиосфере внутреннего мира человека занимает его моральный и этический мир, включающий такие понятия, как долг, вера, совесть и другие.

Лингвокультурология – это научная дисциплина, которая исследует взаимодействие языка с культурой, этносом и менталитетом в процессе их использования.

Концепт—это словесное выражение символического образа идеального понятия, которое отражает ментальное восприятие носителей языка об объекте реальности и формируется в рамках традиций конкретной культуры [Болдырев 1994: 27].

Лингвокультурный концепт представляет собой ментальную единицу, ориентированную на всестороннее исследование языка, сознания и культуры. Это связано с тем, что концепт представляет собой вербальную ментальную единицу сознания, а культура определяет формирование концепта [Карасик 2002: 17].

Этические законы универсальны, однако этические концепты в различных языках обладают национальными особенностями. Этическая языковая картина мира отражается в основополагающих этических концептах культуры и определяет особенности этической культуры народа с точки зрения языка. Исследование языковых форм выражения этических ценностей дает возможность оценить особенности этического сознания и национальные черты этноса в целом.

Универсальные этнические представления о мире, проявляющиеся в этических концептах, закреплены в уникальных лингвокультурных структурах, характерных для различных языковых картин мира.

В ходе своей деятельности человек создает субъективное восприятие объективной реальности, в результате чего формируется мировоззрение конкретного этноса.

Этические концепты – это элементы индивидуального и коллективного сознания, которые обусловлены этническими, культурными и ментальными факторами, выраженные через знаки и составляющие языковую картину мира. Они включают в себя как познание и знания, так и волевые импульсы.

Языковая картина мира – это комплексный образ мира, который является итогом всей духовной деятельности человека и народа в

целом. Языковая картина мира – это не просто различия в восприятии действительности разными народами, а разнообразие способов осмысления мира через язык.

Этическая картина мира, будучи частью общей картины мира, воспринимается образно и эмоционально.

Этическая языковая картина мира отражает основные ключевые этические концепты культуры, вмещает в себя многовековой опыт этического осмысления разных поколений и раскрывает особенности этической культуры народа через язык.

Изучение этической языковой картины мира является лингвистической основой для понимания этической картины мира. Она создана с использованием языковых средств разных уровней — лексического, грамматического, синтаксического и стилистического, отражая особенности национального восприятия мира. Этические концепты можно исследовать отдельно, рассматривая их через призму фразеологии, метафор, словообразования, а также в контексте гендерных исследований.

Принципы функционирования этических концептов таковы: взаимное влияние этического и эстетического, наличие эмпатийного элемента в лингвоэтических конструктах и их эмоциональная составляющая.

Структурные компоненты этической системы, такие как человечность, почтительность, совесть, мужество, репутация, и в настоящее время остаются ключевыми элементами этнического самосознания, отражающими моральный облик личности.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальный уровень языка / Н. Н. Болдырев // Понятийный аппарат и практика конкретных лингвистических исследований: межвуз. сб-к науч. тр. Тамбов, 1994. С. 25–34.

Карасик В. И. Концепт как категория лингвокультурологии / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педуниверситета. 2002. № 1. С. 14–23.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие для студентов высш. учебных заведений / В. А. Маслова. М.: Наука, 2006. 296 с.

Word order as a syntactic and text phenomenon in Azerbaijani and English languages

word order, linguistics, text, Azerbaijani language, English language

Grammatical structure without words, word combinations, sentences with each other are not connected and as a result a ready-made opinion, express the desired. Therefore, in every language words, word combinations and sentences, from a grammatical point of view, must be connected, building at the disposal, passing through it, must be mastered, and also possessed the grammatical structure of all signs and carry. "It can be said that the grammatical structure forms the nervous system of the language, expresses and regulates the main processes and events in the language" [Abdullayev 1958: 37].

Unlike the Azerbaijani language, in English the attribute can stand both before and after the word being defined. The attribute in the sentence depends mainly on the subject, completeness, and the nominal part of the news. V. A. Alekseyeva argues that "The adverbial modifier is the most vague and mysterious of all the members of the English sentence" [Alekseyeva 2001: 89]. "The most important indicators of time are the adverbial modifier of time" [Mahmudova 2015: 18].

The main structural factor in English is the word order. This, of course, depends on the location of the sentence members. In communicative syntax word dentition, the main function of the sentence's actual division components – theme and rheme in general – was the division of concepts. In a transitional sentence, the initial element is taken as a theme, and the last element is taken as a rhyme.

The word order in text organization has both grammatical and stylistic functions. In a word, the order of words and direct connections, in creating components with each other grammatical connection helps, promotes emotionality.

As we know, the text is constructed and formed on the basis of sentences. This time we are talking not only about the structure of the text, but also about the correct presentation of the topic in the text. It depends on the patterns of sentence order and word order in the text. The syntactic role of word order is that it changes along with its grammatical function depending

on the position of the sentence members. In general, since the history of language, contradictory approaches have always prevailed in this area.

In modern linguistic theory, there are differences in the terminological aspects of this issue. The mentioned linguistic phenomena can also be called “actual affiliation” (V. von Mathesius, I. I. Kovtunova), “information structure” (P. L. Garvin), “functional perspective of the sentence” (Y. Firbas, F. Danesh, M. A. K. Khalidey), “logical-grammatical level” (V. Z. Panfilov), “semantic association” (K. G. Krushelnitskaya). Terminological diversity does not lead to sharp differences in the study of the lower and upper layers of speech.

In the theory of language, it is widely believed that:

- a) the word order is determined by the actual affiliation of the utterance;
- b) the word order is regulated by the historically established grammatical system of any language.

The word order in a sentence varies from language to language, and these differences are usually related to the type of those languages. It is clear that the word order in some languages is fixed and strictly regulated by intra-linguistic laws. The word order in these languages is directly involved in the formation of meaning, whereas in the languages of other groups the word order is unstable and does not have strict patterns. For example, in analytical-type languages, the role of word order is dominant, since in such types of languages it acts at the level of syntactic function. But in synthetic languages, the syntactic function of word order does not play a leading role in them due to the connection of words and the presence of other linguistic means for expressing ideas. So, if in analytical languages the word order is directly involved in the transmission of information and the expression of an idea, then in synthetic languages the stylistic factor occupies a central place.

Word order is actively studied in modern linguistics. Linguists have always been interested in the arrangement of components in the sentence structure in theoretical sources. Research conducted in the field of discourses is becoming increasingly relevant to the issue of ordering individual components in syntactic structures. In linguistic sources, this phenomenon is called “word order”. When the problem of word order is an integral element of the problem of syntactic units, it forms the basis of the general problem and acts as its invariant part. The word order is used to indicate the linear order of the elements of the syntactic structure, the arrangement of the constituent elements of the syntactic structure. Linear sequence relationships between components in the syntactic structures of individual languages are typical.

Word order is a syntactic and stylistic means of expressing subtle shades of meaning. Violation of the normative order of linguistic units in the act of speech has a dual nature. The violation of the word order in the language is the result of special emphasis on a certain word (syntactic segment), attracting the addressee's attention to one or another part of the addressee's information, creating all kinds of meetings with the thematic organization of speech.

References

Abdullayev Ə. Z. Müasir Azərbaycan dilində ədatlar haqqında / Ə. Z. Abdullayev. Bakı: "Azərbaycan məktəbi". 1958. № 1. Pp. 10–15.

Mahmudova Ş. A. Comparative Grammar / Ş. A. Mahmudova. Bakı: Elm və Təhsil, 2015. 245 s.

Алексеева В. А. Обстоятельство как семантическая составляющая предложения: сборник научных трудов / В. А. Алексеева. Москва.: МГЛУ, 2001. С. 89–90.

Методы эффективного изучения народов России на уроках страноведения

*толерантность, народы России, методика,
культурное обогащение, глобализация*

В современном мире, где глобализация и многонациональное взаимодействие становятся все более важными явлениями, изучение культур и народов других стран приобретает особую актуальность. Особое внимание уделяется странам с богатой и разнообразной историей, таким, как Россия, где сосуществует множество национальностей, каждая из которых приносит вклад в общую культурную мозаику.

В этом контексте методика преподавания страноведения, особенно в части изучения народов России, приобретает особую значимость. Эффективное преподавание этой дисциплины не только расширяет горизонты студентов, но и способствует лучшему пониманию и уважению к разнообразию культурных традиций и обычаев.

Изучение народов России на уроках страноведения может быть увлекательным и образовательным процессом, если использовать разнообразные методики и подходы. Вот несколько методик, которые можно применить для более эффективного изучения народов России:

Использование интерактивных материалов. Включение в уроки видеоролики, мультимедийные презентации и интерактивные карты для визуализации информации о различных народах России. Это поможет студентам лучше понимать географию и распределение этнических групп.

Гостевые лекции и интервью. Приглашение гостей из различных этнических групп для проведения лекций или интервью на уроках. Это дает студентам возможность задать вопросы и узнать из первых рук о культуре и традициях народов России.

Этнографические исследования. Поддержка учащихся в проведении мини-исследований о конкретных народах России. Они могут включать интервью, анализ литературных источников и полевые исследования.

Игры и ролевые игры. Организация игр, в которых студенты могут воплотить себя в роли представителей различных этнических групп. Это способствует лучшему пониманию культурных различий и сходств.

Использование искусства и музыки. Поддержка изучения культур народов России через музыку, народные песни и искусство. Это помогает оживить изучаемый материал и сделать его более доступным.

Межкультурные проекты. Организация проектов, в которых студенты могут сотрудничать с представителями разных этнических групп и обмениваться знаниями и опытом.

Сравнительное изучение. Сравнение различных аспектов культуры, традиций и обычаев разных народов в России

Использование учебных пособий и литературы. Использование учебных пособий и литературы, посвященных народам России, чтобы обеспечить информацией студентов и углубить знания.

Экскурсии и путешествия. Организация экскурсий и путешествий, чтобы позволить студентам на собственном опыте познакомиться с культурой и традициями разных народов.

Комбинируя различные методики, можно создать более полноценное и интересное изучение народов России на уроках страноведения. Важно подходить к этой теме с уважением к разнообразию культур и толерантностью к различиям.

XX век представлял собой нелегкую задачу, поскольку социокультурный облик многонационального российского государства представлял собой особое поле для исследований. В этом процессе есть доля нелегкого труда Н. Ф. Катанова. Н. Ф. Катанов был хакасским профессором, а также первым тюркологом среди тюркских народов, учеником основателя тюркологии В. В. Радлова и наставником таких выдающихся учёных, как Сергей Малов и Ахмет Зеки Велиди Тоган.

К сожалению, многие исторические труды о народах и странах были написаны с учётом политических интересов. Важно донести до всего мира и, что ещё важнее, до всех тюркских народов не отдельные фрагменты великой тюркской истории, а её настоящую картину.

Культурные связи между тюркскими народами, странами и этническими группами должны быть представлены в новых книгах, основанных на достоверной информации, и переданы университетским студентам и исследователям. Эти сведения важны для устранения культурных различий, возникших по историческим, политическим, географическим причинам, а также под влиянием зарубежных стран. Студенты, обладающие знаниями о своей истории и гордящиеся ею (независимо от изучаемой специальности), смогут в будущем способствовать развитию и укреплению культурных и художественных связей между тюркскими народами.

К. Насыйриның «Русча-татарча сүзлеге»ндә сүзләрне тәржемә итү принциплары

*К. Насыйри, русча-татарча сүзлек, лексикография,
тәржемә итү принциплары*

К. Насыйриның 1892 елда дөнья күргән русча-татарча сүзлеге XIX гасырның икенче яртысында төзелгән сүзлекләр арасында аеруча күренекле лексикографик хезмәтләрдән санала. Русча тулы атамасы – «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как термины». Ул 264 биттән гыйбарәт. “К. Насыйри бу сүзлекне турыдан-туры татарларга рус теле өйрәтү өчен белешмәлек, кулланма итеп төзөгән” [Хангилдин 1948: 82]. “Русча өйрәнүчеләргә берәз нәсыйхәт” исемле кереш сүзендә автор бу хезмәтенең 35 еллык эш тәҗрибәсе икәнлеген әйтә, “бу вакытка кадәр бездә тел өйрәнү юк иде”, – ди һәм рус телен өйрәнүгә карата киңәшләрен бирә.

«Русча-татарча» сүзлеккә 20 меңгә якин берәмлек алынган. Лөгательлектә сүзләр рус алфавиты тәртибндә урнаштырылып, шул чор орфографиясе буенча язылган. Тәржемә өлешендәгә сүзләр гарәп графикасында бирелгән. Китапның соңгы битендә һәр хәреф буенча сүзләрнең башланган бит санын күрсәткән таблица урнаштырылган. Шулай итеп, К. Насыйри сүзлекнең техник төзелешен дә заманындагы алдынгы үрнәкләр нигезендә, рус сүзлекләре төзелешенчә формалаштырган.

Лөгательлектәгә рус сүзләренең күпчелегенә, гадәттәгечә, татар телендәгә төгәл эквивалентлары бирелә. Мәсәлән: *благодарить* – *шөкер итмәк* [8]; *блеск* – *ялтыравык* [9]; *вода* – *су* [17]; *готовить* – *хәзерләмәк* [32]; *густой* – *куе* [34]; *пойти* – *бармак* [135]; *скворец* – *сыерчык* [184]; *уход* – *китү* һ.б.

Хезмәттә бер төркем лексик берәмлекләр гарәп сүзләре белән тәржемә ителә. Аеруча бу принцип үзенчәлекле термин-атамаларны тәржемә иткәндә кулланыла. Мәсәлән: *абрикос* – *зәрдалу* [5]; *анатомия* – *гыйльме тәшрих* [5]; *варенье* – *мәрба* [12]; *губерния* – *вилаять* [32]; *земной шар* – *кәррә’и әрд* [51]; *склонение* – *игъраблану* [185]; *канцелярия* – *мәхкәмә* [83] һ.б.

Тәржемәдә еш кына синонимнар кулланыла. Алар я татар сүзләре, мәсәлән, *синий* – күк, *зәңгәр* [184]; *сирота* – үксез, *ятим* [184]; *грабеж* – талау, *угрылык* [32]; *грубый* – тупас, *каты* [33]; *колбаса* – тутырма, *казылык* [63]; *флора* – чәчәк, *үлән* [216], *тина* – балчык, *дуен*, *душкын* [203] һ.б. яисә гарәп-фарсы сүзләреннән тора: *ангел* – мәләк, *фәрештә* [5]; *утрата* – тәләф, *исраф* [214]; *ученые* – голяма, *әһле гыйлем*, *әһле мәгърифәт* [215]; *фальшивый* – хыянәтле, *риялы* [215]; *фраза* – кәлям, *жөмлә*, *гыйбарә* [216] һ.б.

Лөгательлектә лексик берәмлекләр күп очракта татар һәм гарәп-фарсы сүзләре бергә килеп тәржемә ителә. Мисаллар: *алчный* – ач күзле, *хирыс* [5]; *аппетит* – ашыйсы килү, *иштиһа* [6]; *благо* – байлык, *нигъмәт* вә *изгелек* [8]; *близкий* – кариб, *якын* [9]; *также* – кәзәлик, *шулай ук* [202]; *толковый* – галим, *зирәк*, *гакыллы* [203]; *физиономия* – бит, *йөз*, *чәһрә* [215]; *учить* – тәгълим бирмәк, *укытмак*, *үгрәнмәк* [215]; *познание*, *знание* – мәгърифәт, *гыйлем*, *белү* [135] һ.б. Галимнең рус сүзләрен катнаш лексика белән тәржемә итүе аңлашыла да, чөнки, мәгълүм булганча, бу чор әдәби теленә язма тел үзенчәлекләре – киң күләмдә гарәп-фарсы сүзләрен куллану күренеше хас. [Хангилдин 1948: 83; Дмитриев 1948: 48]. Тәржемәдә катнаш лексика куллану нәтижәсендә рус сүзләре төгәл һәм анык тәржемә алган.

Сүзлектә без шулай ук рус алынмаларыннан торган тәржемәләрне дә күрәбез. Мәсәлән: *генерал* – *янарал* [29], *солдат* – *салдат* [191], *галоши* – *калуш* [29], *край* – *край* [69], *машина* – *машина* [78], *музыка* – *музык* [82], *нефть* – *нифт* [97], *носилки* – *лачинка* [98], *фитиль* – *филтә* [215] һ.б. Күбрәк жанлы сөйләм теле аша кереп, фонетик үзгәрешләргә дучар булган бу сүзләр, димәк, шул чор татар әдәби теленең сүзлек составын тәшкил иткән. Халык сөйләм телендә алар бүген дә шул рәвешчә кулланыла.

К. Насыйриның бу сүзлегендә киң кулланылган тагын бер принцип ул – сүзләрне аңлатып бирү юлы белән тәржемә итү. Автор бу алымнан “тәржемәдә килгән гарәп-фарсы сүзләре ияләшелмәгәнрәк булганда” яисә рус сүзләрен тәржемә иткәндә адекват мәгънәсен белдергән берәмлекләр табылмаганда файдалана. Мәсәлән: *акробат* – *аркан өстендә уйнаучы* [5]; *ампутация* – *адәмнең бер әгъзасын кисеп алу* [6]; *апрель* – *сәнәи шәмсиянең дүртенче ае* [6]; *ванна* – *мунчаларда коеныр өчен яки суга кереп ятыр өчен бер савытдыр*, *хуз* [12]; *выслеживать* – *кеше хәлен тикшерү* [26]; *ревизия* – *мәмләкәт халкының хисабән язуы*; *штукатурка* – *диварда сылаган балчык* [223] һ.б. Шулай ук тәржемәләр бик үк төгәл булмаган урыннарда, аларга тагын да ачыклык кертү максатыннан, автор жәяләр эчендә

аныклаулар, аңлатмалар биреп бара. Мисаллар: *благодарность* – *тәшәккер, шөкер (изгелек кадарен белүчелек)* [10]; *важничать* – *гажәблек итмәк (үзен олуг күрмәк)* [12]; *вдыхать* – *тәнәффес кыйлмак, суламак (сулышны эчкә таба тартмак)* [13]; *вена* – *тамыр (бәдәндәге тамыр)* [13]; *град* – *боз (боз ягмур белән белән явар)* [32]; *скотовод* – *хайван асраучы (ягъни хайван асрап кәсеп итүче)* [185]; *отпиливать* – *кисмәк (пычкы белән)* [115] һ.б. Кайбер сүзләргә озын-озын аңлатмалар бирелә. Мәсәлән, *размешивать* сүзе түбәндәгечә аңлатылган: “размешивать – катышдырмак (болгатып катышдырмак. Бәс ошбу сүзнең мәгънәсе ул сыек нәрсәне яки су белән гайре куе нәрсәне савытка салып кашык белән яки корыракны салып селкеп катыштырмак. Шөйлә ки, изелсен, уалсын, әжзәләре бер-берсенә яхшы катышсын») [170].

Мисаллардан күренгәнчә, бу юл белән тәржемә иткәндә сүзләрнең асыл мәгънәләре, нигездә, дәрәс аңлатыла. Әлеге сүзләрнең күбесе (акробат, амнистия, ампутация, штукатурка һ.б.) хәзерге татар әдәби теленең сүзлек составына керә һәм бүгенге сүзлекләрдә аларны тәржемә итүгә ихтыяж юк.

Гомумән алганда, сүзлектәге рус берәмлекләре барысы да диярлек татарчага бүгенге сүзлекләрдәгечә дәрәс тәржемә ителгән. Шулай да кайбер сүзләрнең тәржемәләрендә, бүгенге көн белән чагыштырганда, шактый зур аермалар бар. Шуларга мисаллар: *букет* – *бер тотам гөл* (ягъни бер кулга сыярлык; хәзер ‘*чәчәк бәйләмә*’ дип тәржемә ителә); *гармонический* – *хуш тавышлы* (хәзер ‘*гармонияле*’ дип бирелә); *мудрый* – *серле* [82] (хәзерге сүзлектә ‘*гакыллы, зирәк, хикмәтле*’ дип бирелә); *музей* – *гажәбханә* [82] (хәзер *музей*); *паровоз* – *ут арбасы* (хәзер ‘*паровоз*’); *терраса* – *баскыч-баскыч* яки *киртләч-киртләч* [203] (хәзер ‘*терраса, өйгә терәп эшләнгән түбәле жәйге корылма*’ дип бирелә); *фейерверк* – *ут уены* [213] (хәзер ‘*фейерверк*’); *чулан* – *кәжәнкә* [221] (хәзерге тәржемәсе – *чолан*, ‘*кәжәнкә*’ сүзе бүгенге көндә тау ягы тархан сөйләшәндә шул мәгънәдә кулланыла [Татар 1969: 272]; *так что* – *ушандак* [202] (хәзер бу сүз ‘*шулай булгач*’ дип тәржемә ителә, *ушандак* – архаик сүз); *уютный* – *урынлы* [213] (хәзер – *уңайлы, жайлы, жыйнак*) һ.б.

Әлбәттә, бу тәржемәләрне ялгыш дип әйтеп булмый. Әлеге сүзләр шул чордагы татар теленең лексик мөмкинлекләреннән чыгып тәржемә ителгән. Билгеле, аларның кайберләре хәзерге татар әдәби телендә кулланылмый, кайберләре диалектларда сакланып калган.

К. Насыриның «Русча-татарча» сүзлегенә – XIX гасыр ахыры әдәби телен чагылдырган кыйммәтле чыганак. Автор биредә сүзләрне тәржемә итүдә төрле принцип һәм алымнардан файдаланган. Алар

бүгенге көн сүзлек төзү принципларына туры килә. “Русча-татарча” сүзлек лексик берәмлекләренең саны, төре ягыннан да, ике телне чагыштырып барып, аларның үзенчәлекләрен күрсәтүдә дә рус телен өйрәнүчеләргә кирәкле нигез һәм белешмәләренә эченә алган мөһим хезмәт була.

Әдәбият

Батыршина Г. Г. Каюм Насыйриның лексикографик эшчәнлегенә / Г. Г. Батыршина. Казань: Изд-во. КГАСУ, 2007. 172 б.

Дмитриев Н. К. Каюм Насыйри – филолог / Н. К. Дмитриев // Каюм Насыйри: 1825-1845: Тууына 125 ел тулуга багышланган гыйльми сессия матер.: Мәжмуга. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 41-61.

Татар теленең диалектологик сүзлегенә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. 643 с.

Хангилдин В. Н. Каюм Насыйри әм татар лексикографиясе / В. Н. Хангилдин // Каюм Насыйри: 1825-1845: Тууына 125 ел тулуга багышланган гыйльми сессия матер.: Мәжмуга. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 78–91.

Оценочно-экспрессивный анализ текста по делам об оскорблении

лексика, оценочно-экспрессивный анализ, метод, оскорбление

В современном мире всё более актуальной становится проблема оскорблений в интернете. Чтобы определить эмоциональную окраску высказываний и выявить оскорбительные элементы, используется оценочно-экспрессивный анализ текста. Это важно для работы правоохранительных органов, судебной системы и платформ социальных медиа.

Основным методом при проведении судебной лингвистической экспертизы является лексический анализ. На уровне макротекста необходимо также учитывать и другие способы, такие как синтаксический анализ, грамматический анализ, стилистический и контекстуальный анализ.

Судебная лингвистическая экспертиза — это особый вид исследования, который проводится экспертами для анализа языковых материалов и решения юридических вопросов. Специалисты в этой области обладают глубокими знаниями в сфере лингвистики и коммуникации, а также умеют точно и верно интерпретировать тексты.

Процесс проведения судебной лингвистической экспертизы состоит из нескольких этапов. На подготовительном этапе определяются цели и задачи экспертизы, составляется план работы, а также сбор и анализ языковых материалов. При исследовании языковых материалов проводится детальный анализ текстов, изучение их лексики, синтаксиса, структуры предложений и контекста. По результатам анализа эксперты формулируют выводы, которые затем предоставляются в суде. На их основе составляется экспертное заключение. Заключительным этапом является выступление в суде. При необходимости эксперт может быть вызван для объяснения своего заключения и ответов на вопросы участников дела.

Судебная лингвистическая экспертиза применяется в различных областях права, включая уголовное, гражданское, семейное и административное. Её результаты могут иметь большое значение при раскрытии преступлений, рассмотрении дел об авторских правах, разрешении споров по контрактам и других юридических вопросов, требующих анализа текстов.

Судебная лингвистическая экспертиза текста имеет свои особенности. При детальном рассмотрении материала можно выделить характеристики:

1. Лингвистический подход. Он базируется на принципах и методах лингвистического анализа.

2. Связь с юридическими вопросами. Выводы эксперта используются для подтверждения или опровержения фактов, разрешения споров и толкования текстов.

3. Независимость и объективность. Экспертиза проводится независимым экспертом, не являющимся заинтересованной стороной.

4. Письменное заключение. Результаты экспертизы оформляются в виде письменного заключения, которое может быть представлено в суде.

5. Участие в судебных заседаниях. Эксперт может быть вызван для объяснения своего заключения.

Достаточно обширной является методология лингвистической экспертизы текста. Методы исследования речевых признаков оскорбления могут включать в себя теорию речевых актов, то есть анализ действий, совершенных с помощью слов. Важно обратить внимание на дискурсивный анализ, который состоит в изучении контекста коммуникативной ситуации. Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ определяет значений слов и предложений в тексте. При помощи компонентного анализа можно выявить оценочную часть текста. Метод лингвостилистического анализа основан на определении стилистически окрашенных единиц. На уровне функционально-стилистического анализа задается тон регистра общения. Еще одним немаловажным методом является грамматический анализ. Изучение грамматических значений на морфологическом и синтаксическом уровне помогает эксперту-лингвисту сделать объективное заключение по рассматриваемому делу.

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза представляет собой комплексный процесс, включающий подготовку, анализ, составление заключения и участие в судебных заседаниях, что позволяет решать различные юридические вопросы, связанные с языковыми материалами.

Оскорбление рассматривается как типичное преступление, направленное на унижение чести и достоинства личности. Оно считается завершенным в момент окончания действий, независимо от наличия вредных последствий. В некоторых случаях для определения наличия вреда требуется лингвистическая экспертиза.

Понятие «оскорбление» многослойное и включает социальные и психологические характеристики, выражая негативное отношение к личности.

Г. В. Кусов [Кусов 2004: 8] ввел термин «коммуникативная перверсия», описывающий речевые решения, нарушающие социокультурные нормы и наносящие вред социальной привлекательности личности.

Лингвистическая экспертиза помогает выявить коммуникативную перверсию и включает обнаружение нарушения правил легитимности в коммуникации, определение наличия мнения или утверждения в конфликтном высказывании, установление соответствия нарушения правовой норме и оценка влияния на социальную привлекательность лица.

Сравнение российской и зарубежной судебной лингвистической экспертизы включает правовой контекст, методологические подходы и роль эксперта в процессе. Рассмотрим некоторые отличия и сходства. Правовой контекст различается законодательными и процессуальными рамками. Методологические подходы варьируются от формальных и стандартизированных до гибких и экспертных. Роль эксперта в судебном процессе имеет важное значение, но различается по странам. Обучение и сертификация экспертов включают академическую подготовку, специализированное обучение и практический опыт. Международное сотрудничество и экспертные организации способствуют обмену опытом и стандартизации практик.

Таким образом, несмотря на общие черты, связанные с целями и методами анализа, существуют значительные различия в правовой базе, стандартах квалификации и процедуре проведения лингвистических экспертиз между Россией и зарубежными странами.

Литература

Кусов Г. В. Коммуникативная перверсия как способ правовой диагностики оскорбления / Г. В. Кусов // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: тез. докл. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2004.

Крупноклеточный дефицит при дислексии

дислексия, М-дефицит, окулография

Причин дислексии выделяют множество: от наследственной природы до когнитивных нарушений. Спорной в современном научном дискурсе является теория магноцеллюлярного дефицита.

В рамках нашего исследования важно разобраться со строением зрительной системы, а точнее с функциональным различием М- и П-путей. Магноцеллюлярный тракт, проходящий через большие клетки и направляющий сигналы в теменную кору, контролирует зрительное внимание, координацию движения глаз и идентифицирует объекты на периферии. Парвоцеллюлярный – через маленькие клетки направляет информацию в височную кору, анализируя параметры формы и цвета, стимулы в центральной части поля зрения [Левашов 2009]. Т.е. для первого пути важна фиксация динамики, а для второго – статики. Однако важно учитывать, что полноценное изображение возможно лишь при синхронной работе двух трактов, по этой причине достаточно трудно дифференцировать состояние каждого из видов клеток.

Дискуссионный характер теории строится на противоборстве двух точек зрения. Первая состоит в ее подтверждении, о чём свидетельствуют данные низкой контрастной чувствительности на частотах, характерных для М-клеток, постмортумы, отмечающие дезорганизацию в ЛКТ лишь в крупных клетках [Giraldo-Chica 2015], трудности идентификации движения [Pammer 2001], критической частоты слияния мельканий, скорости дрейфа [Manning 2022], нарушения функций мультимодального внимания [Johnston 2017]. Вторая – опровергает теорию М-дефицита при дислексии. Под сомнение ставится причинно-следственная связь между сформированностью навыка чтения и дисфункцией М-пути [White 2006], достоверность результатов исследований, использующих пробы недифференцирующие вклад М- и П-клеток, М-клеток и дорсального потоков [Skottun 2015], наличие взаимосвязи между чтением и когнитивными показателями [Piotrowska 2019].

Для проверки данной теории мы решили обратиться к методам окулографии и провести эксперимент на айтрекере EyeLink 1000 Plus.

Поведенческая часть включала в себя стандартизированную методику измерения навыка чтения (СМИНЧ) А. Н. Корнева, цветные

прогрессивные матрицы Равена, нейропсихологическое обследование по методике Т. В. Ахутиной в сокращенном варианте.

Трекерная часть представляла собой стимульный материал из 4 текстов, 2 из которых были статичны, а другие 2 – динамичны, различались тексты не только по формату подачи, но и по индексу читабельности, которые подбирались в соответствии с индексами СМИНЧа: 0,05 и 5,15.

После предъявления стимульных текстов задавались вопросы по прочитанному, которые составлялись самостоятельно.

На сегодняшний день 66 младших школьников приняло участие в исследовании: 36 человек составила группа контроля и 30 – дислексии. Анализировались данные длительности фиксаций, амплитуд и длительности саккад и пиковой скорости саккад.

Теория крупноклеточного дефицита патогенеза дислексии предполагает, что существует прямая взаимосвязь между способностью овладеть навыком чтения и восприятием движущихся объектов. Однако коэффициент техники чтения (КТЧ) при расшифровке динамического текста повышался у лиц со специфическим расстройством чтения, у нормотипичных читателей значимых изменений не было. Мы предполагаем, что это может быть связано с мобилизацией потенциала, вызванного стрессом и желанием дойти до конца быстрее, не боясь пренебречь качеством. Лица, не испытывающие сложности с чтением, сохраняют уровень, поскольку любой формат подачи стимула для них является комфортным. Указывает на нашу гипотезу и перевес прироста именно при работе с текстом со сложностью 0,05, что говорит об изначально низком уровне сформированности навыка (см. рис. 1).

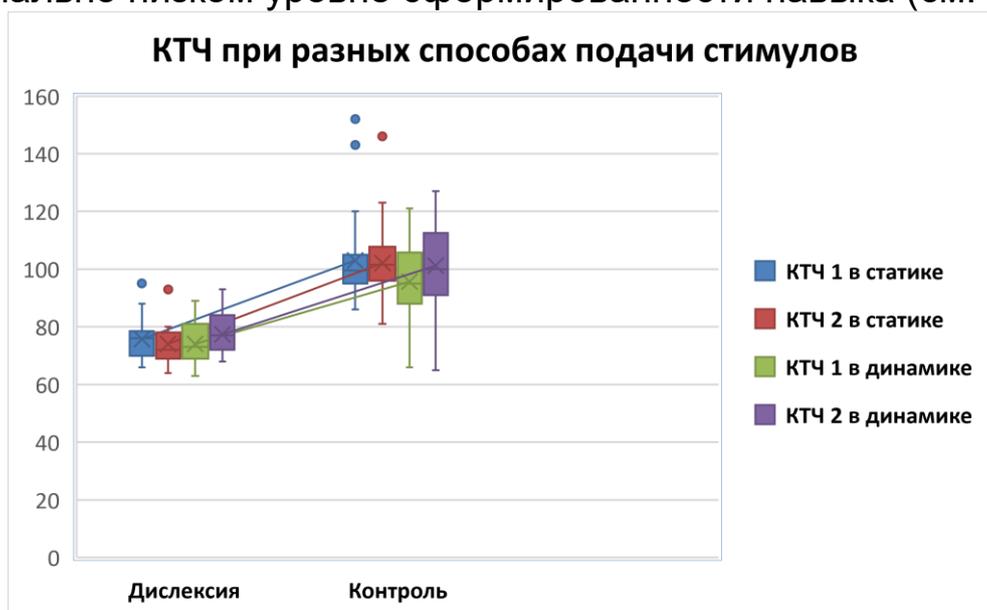

Рис. 1. Коэффициент техники чтения при разных способах подачи материала

Восприятие подвижного текста не является проблематичным, значит, дорсальный поток сохранен. Подтверждает и расширяет этот тезис рост длительности фиксаций в группе патологии с трудностями зрительного гнозиса при отсутствии изменений при нормотипичном развитии визуальной системы (см. рис. 2), т.е. страдают М-клетки, а не дорсальный путь.

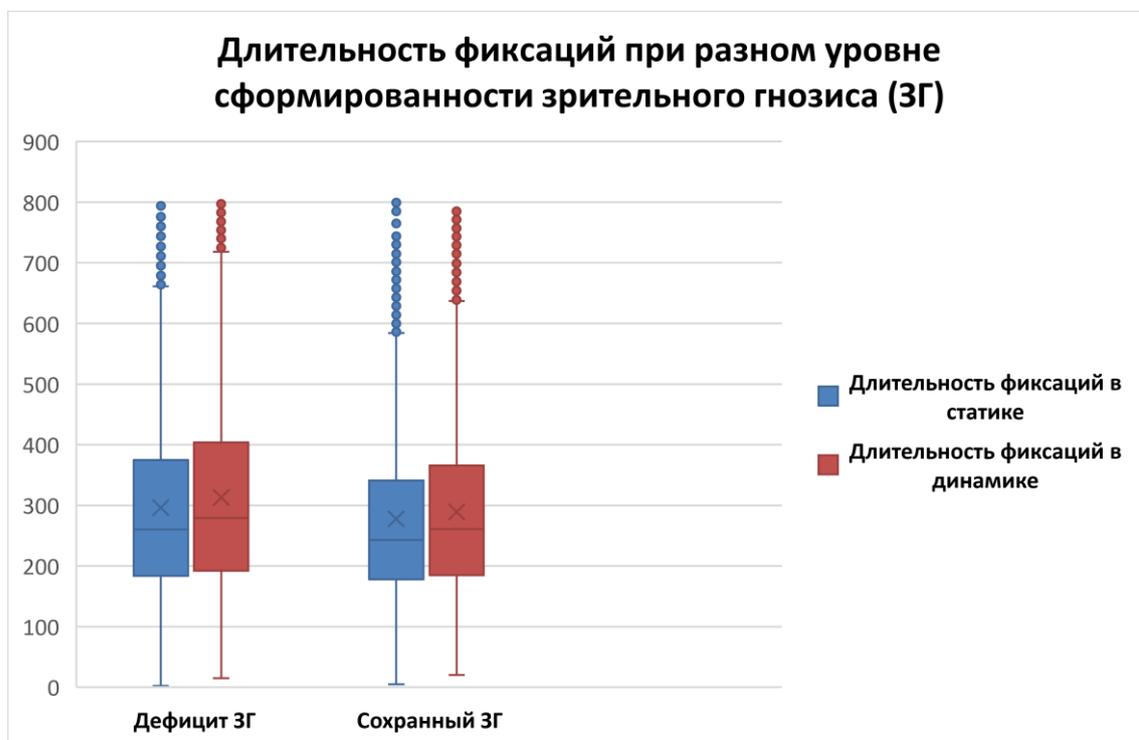

Рис. 2. Длительность фиксаций при разном уровне сформированности зрительного гнозиса

Корреляция наблюдается и при сопоставлении КТЧ и зрительного гнозиса, коэффициент Спирмена при $p=0,05$ составил $r = 0,325$ (индекс читабельности – 0,05) и $r = 0.5178$ (индекс читабельности – 5,15). Вторит этому сопоставление ЗГ и ответов на вопросы, коэффициент Пирсона показал $r = 0,3164$ ($p = 0,05$).

Таким образом, наше исследование отчасти объясняет разногласия касательно магноцеллюлярного дефицита при дислексии. Магно-клетки передают информацию об объекте на низких пространственных частотах и высоких временных, а дорсальный поток делает упор на восприятие движения.

Литература

Левашов О. В. Функциональная асимметрия магно- и парвоцеллюлярной систем (м и п) (фазической и тонической) при локальных

поражения мозга и при дислексии: нейробиологический подход / О. В. Левашов // *Асимметрия*. 2009. Т. 3. №2. С. 73–98.

Giraldo-Chica M. Morphological differences in the lateral geniculate nucleus associated with dyslexia / M. Giraldo-Chica, J. P. Hegarty, K.A. Schneider // *Neuroimage Clin*. 2015. V. 7. P. 830–836.

Johnston R. Visual perception in dyslexia is limited by sub-optimal scale selection / R. Johnston, N. J. Pitchford, N. W. Roach, T. Ledgeway // *Scientific reports*. 2017. V.7. P. 1–11.

Manning C. Visual Motion and Decision-Making in Dyslexia: Reduced Accumulation of Sensory Evidence and Related Neural Dynamics / C. Manning, C. D. Hassall, L. T. Hunt, A. M. Norcia, E.-J. Wagenmakers, M. J. Snowling, G. S. Evans, N. J. Evans // *Journal of Neuroscience*. 2022. V.42. Iss. 1. P. 121–134.

Pammer K. Isolating the M (y)-cell response in dyslexia using the spatial frequency doubling illusion / K. Pammer, C. Wheatley // *Vision Res*. 2001. V. 41. Iss.16. P. 2139–2147.

Piotrowska B. Beyond the global motion deficit hypothesis of developmental dyslexia: A cross-sectional study of visual, cognitive, and socio-economic factors influencing reading ability in children / B. Piotrowska, A. Willis // *Vision Research*. 2019. V.159. P. 48–60.

Skottun C. The need to differentiate the magnocellular system from the dorsal stream in connection with dyslexia / C. Skottun // *Brain and Cognition*. 2015. V. 95. P. 62–66.

White S. The role of sensorimotor impairments in dyslexia: a multiple case study of dyslexic children / S. White, E. Milne, S. Rosen, P. Hansen, J. Swettenham, U. Frith, F. Ramus // *Developmental Science*. 2006. V. 9. Iss. 3. P. 237–255.

Перевод и оригинал: методика сопоставления

*сопоставление оригинала и перевода, методика сопоставления,
подходы и методы сопоставления, качество и адекватность перевода*

В современном мире, где глобализация и межкультурная коммуникация становятся всё более важными аспектами жизни, проблема сопоставления оригинала и перевода приобретают особую актуальность. В связи с этим возникает необходимость разработки эффективной методики сопоставления, которая позволит выявить особенности и закономерности процесса перевода, а также оценить его качество и адекватность.

Важно отметить, что абсолютно точный перевод невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю [Аракин 1989], так и по количеству слов, не говоря уже о том, как сильно могут различаться культура, история и менталитет разных стран, что существенно влияет на перевод [Казакова 2002].

Цель данной статьи – представить план разработки и обоснования методики сопоставления оригинала и перевода. Методика будет основана на комплексном анализе структурных, семантических и прагматических характеристик последних. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- определить основные понятия и термины, связанные с методикой сопоставления;
- рассмотреть существующие подходы и методы сопоставления оригинала и перевода;
- разработать критерии и параметры для оценки качества и адекватности перевода;
- провести анализ конкретных примеров сопоставления оригинала и перевода.

Для начала необходимо определить основные понятия и термины, которые будут использоваться в дальнейшем анализе. К ним относятся оригинал, перевод, методика сопоставления, а также структурные, семантические и прагматические характеристики. Под ними принято понимать следующее: оригинал – это исходный текст, подлежащий переводу; перевод – результат процесса перевода,

представленный в виде текста на другом языке; методика сопоставления – это совокупность методов и приёмов, направленных на выявление особенностей и закономерностей процесса перевода; структурные характеристики – это особенности построения и организации текста; семантические характеристики – это значения и смыслы, заключённые в тексте; прагматические характеристики суть цели и функции текста, его воздействие на адресата.

Далее рассмотрим существующие подходы и методы сопоставления оригинала и перевода. Во-первых, это сравнительный анализ, под которым подразумевается сопоставление текстов на разных языках с целью выявления их сходств и различий. Во-вторых, контрастивный анализ, основанный на выявлении контрастов и несоответствий между оригиналом и переводом. В-третьих, функциональный анализ, который предполагает определение функций и целей текста в контексте его использования. И наконец, дискурсивный анализ, который связан с изучением текста как элемента дискурса, то есть совокупности текстов, объединённых общей темой или идеей.

Что касается оценки качества и адекватности перевода, в результате изучения различных источников мы пришли к пониманию, что она должна основываться на следующих критериях и параметрах:

1. Точность – соответствие перевода оригиналу в плане содержания и формы.
2. Полнота – передача всех основных идей и смыслов оригинала.
3. Ясность – понятность и доступность перевода для адресата.
4. Стилистическая адекватность – сохранение стиля и тона оригинала в перевод.
5. Функциональность – выполнение текстом своих функций в контексте использования.

Для иллюстрации предложенной методики сопоставления можно провести анализ нескольких примеров перевода одного и того же текста. Так, данная методика будет использована для анализа оригинала и одновременных переводов романа «Сияние» американского писателя-современника Стивена Кинга. Это позволит выявить особенности процесса перевода, а также оценить качество и адекватность полученных результатов.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная методика сопоставления оригинала и перевода основана на комплексном анализе структурных, семантических и прагматических характеристик текстов, что позволяет выявить особенности и закономерности процесса перевода, оценить его качество и адекватность, а также определить пути ее дальнейшего развития и совершенствования.

Литература

Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В. Д. Аракин. М.: Высшая школа, 1989.

Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian: учебное пособие / Т. А. Казакова. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. 320 с. (Изучаем иностранные языки).

Особенности употребления устойчивых сочетаний в заголовках СМИ

*устойчивые сочетания, публицистические тексты, пословицы,
фразеологизмы, крылатые выражения*

В заголовках публицистических текстов широко используются устойчивые сочетания, к которым относят фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения. Нередко данные единицы под творческим пером журналистов претерпевают семантические, структурные изменения и оживают на страницах СМИ в новых формах, приобретая новые смысловые оттенки, отражающие сущность описываемых в тексте явлений, процессов и др.

Актуальность данного исследования обусловлена, несомненно, важностью и значимостью СМИ в современном мире, а также тем, что путем использования устойчивых сочетаний ежедневно рождаются новые яркие, необычные заголовки, привлекающие внимание читателей. Необходимым является изучение и анализ особенностей употребления данных языковых единиц, активно функционирующих в заголовках публицистических текстов.

Объектом исследования являются устойчивые сочетания в заголовках статей на сайте общественно-политической газеты «Республика Татарстан» [Республика].

Предмет исследования – структурно-семантические особенности устойчивых сочетаний в исследуемых текстах.

Цель работы – выявить особенности использования устойчивых сочетаний в заголовках в указанном публицистическом издании.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить устойчивые сочетания в заголовках статей в газете «Республика Татарстан»;
- 2) систематизировать собранный языковой материал, отметив пословицы, фразеологизмы, крылатые выражения, устойчивые обороты (клише);
- 3) определить специфику трансформации устойчивых сочетаний;

4) выявить рубрики газеты, в которых использование исследуемых единиц является частотным.

Для решения поставленных задач использовались метод сплошной выборки устойчивых сочетаний и описательный метод.

Материалом исследования послужили 380 устойчивых выражений, которые были использованы в заголовках статей в разных рубриках («Село», «Здоровье», «Образование» и «Культура») местного издания «Республика Татарстан» за последние десять лет (с 2014 по 2024 годы).

Как известно, в лингвистике существует два подхода к описанию сущности термина «устойчивое словосочетание». Согласно первой трактовке данного термина к устойчивому сочетанию относят фразеологизм. По словам Н.М. Шанского, «в отличие от свободных сочетаний слов фразеологические обороты предстают перед нами как устойчивые сочетания слов, воспроизводимые, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [Шанский 1996: 26]. Широкое понимание данного термина предполагает отнесенность к устойчивым сочетаниям всех несвободных сочетаний (составные термины, пословицы, крылатые выражения). В ходе данного исследования термин устойчивое сочетание рассматривается в широком смысле, поэтому нами были рассмотрены фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения.

В результате исследования были выявлены следующие особенности употребления устойчивых сочетаний в заголовках исследуемого источника.

1. Было выявлено 55 фразеологизмов, 193 пословицы, 126 крылатых выражений. Соотношение устойчивых сочетаний, которые употребляются в исходной форме, и сочетаний, которые были трансформированы, представлено в следующей таблице.

Таблица №1. Количественная характеристика устойчивых сочетаний

Устойчивое сочетание	Количество неизменённых сочетаний	Количество трансформированных сочетаний
пословицы	155	38
фразеологизмы	49	6
крылатые выражения	36	90

2. В заголовках публицистических текстов употребляются как русские пословицы, так и пословицы других народов. Например: русские пословицы («*Без учёбы и труда не придёт на стол еда*», «*Весенний дождь растит, осенний гноит*», «*В ноябре снегу надует – хлеба прибудет*»), татарские («*Полюбишь работу – она вознаградит*»), удмуртские («*Кто помогает сразу, тот помогает вдвойне*»), еврейские («*Полная сума тяжела, но пустая тяжелее*»), чувашские («*И колесо не всегда по одной колее катится*»), дагестанские («*Начать без страха – всё равно что победить*», «*Начать без страха – всё равно что победить*»), китайские («*Нет трудных дел – нужны лишь усердные люди*»).

3. Тематика пословиц, использованных в заголовках, разнообразна. Так, в рубрике «Село» используются пословицы и фразеологизмы, отражающие разные черты характера русского народа:

- терпение («*С хотением и с терпением и гору своротишь*»);
- старание («*Старательный горы свернёт, старание железную верёвку оборвёт*»; *Старание и труд многое дают*»);
- трудолюбие («*Хорошо трудиться – будет чем гордиться*»; «*Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*»);
- взаимопомощь («*Кто друг другу помогает, тот врага одолевает*»; «*Друг друга поддерживают – победу одерживают*»).

Также употребляются пословицы, отражающие важность начала действия («*Правильное начало – половина дела*»); желания работать («*Была бы охота, заладится всякая работа*»); правильного распределения времени («*День прозевал – урожай потерял*»; «*Вовремя не построишь, так всё дело расстроишь*»; «*Вспашешь и посеешь в срок – будет урожай высок*»); роль удачи в работе («*Одна удача идёт, другую за руку ведёт*»).

4. Были выявлены разные источники крылатых выражений, использованных в заголовках текстов. К ним относятся:

- фразы известных людей: «*Толстой – это наше всё*» (фраза А. А. Григорьева «Пушкин – наше все»); «*Здравоохранение-2022: полёт нормальный*» (фраза Ю. А. Гагарина «Пять минут – полет нормальный»), «*Артист с большой буквы*» (фраза М. Горького «Человек с большой буквы» и др.);

- фразы из художественных произведений: «*На коронавирусном фронте почти без перемен*» (название Э. М. Ремарк «На Западном фронте без перемен»); «*Не хочу лечиться – хочу травиться*» (фраза «Не хочу учиться, хочу жениться» из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»); «*Ставить или делать – вот в чём вопрос*» (фраза из трагедии У. Шекспира «Быть или не быть – вот в чем вопрос»); «*Добрым*

молодцам урок» (фраза из сказки А. С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек. Добрым молодцам урок») и др.

– названия фильмов или фразы из них: «*В сто лет всё только начинается!*» (фраза из фильма «Москва слезам не верит»: «В сорок лет жизнь только начинается, это уж я теперь точно знаю»); «*В джазе только звёзды*» (измененное название фильма «В джазе только девушки»); «*Зрителям вход воспрещён, или Добро пожаловать в ютуб*» (измененное название фильма «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён») и др.;

– названия песен или фразы из них: «*Живописцы, окуните кисти в детство*» (фраза из песни Б. Окуджавы «Живописцы, окуните ваши кисти»); «*Нам песня верить и жить помогает*» (фраза из песни «Марш веселых ребят»: «Нам песня строить и жить помогает»); «*Жёлтой акации гроздь душистые*» (фраза из песни «Белой акации гроздь душистые»); «*На прививку становись!*» (из песни «На зарядку становись!»); «*Очи красные, воспалённые*» (из романса «Очи черные») и др.;

– названия телепередач: «*Играй, гормон!*» (измененное название телепередачи «Играй, гармонь!»); «*Глаголица ищет таланты*» (измененное название телепередачи «Алло, мы ищем таланты») и др.

Большой интерес представляют трансформированные устойчивые сочетания. Часто слово (или слова) в сочетании заменяются другими словами. Например, в заголовке «*Труд и зарплата – два родных брата*» первый компонент исходного сочетания *производительность* («Производительность и зарплата — два родных брата») был заменен на слово *труд*; в заголовке «*Береги шевелюру смолоду*» существительное *честь* («Береги честь смолоду») заменили словом *шевелюра* в статье, рассказывающей о причине выпадения волос.

Наблюдается два обратных процесса при изменении структуры устойчивых сочетаний. В одних примерах в его составе появляется новый, дополнительный элемент («*Дорогу – молодым и креативным*»; «*Мышка-полевка бежала, хвостиком махнула...*»), в других, наоборот, происходит сокращение исходной фразы («*Знать бы, где упасть*» от пословицы «Знать бы, где упал – соломинки бы подстелил», «*На выдумки хитры*» от пословицы «Голь на выдумки хитра»).

Как показало исследование, в заголовках публицистических текстов устойчивые сочетания проходят новый этап своего развития, на котором они могут как изменять свою структуру, так и приобретать новое смысловое содержание, что, несомненно, зависит от творческого мастерства журналистов.

Литература

Республика Татарстан. URL: <https://rt-online.ru/> (дата обращения: 01.11.2024)

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. 4-е., изд., испр. и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

К вопросу о семантических дериватах в современном русском языке

*семантическая деривация, синхронно-диахроническое
описание лексики*

«Достижения Казанской лингвистической школы по синхронно-диахроническому изучению русского словообразования наиболее полно и последовательно представляет научное творчество В. А. Богородицкого» [Щуклина 2023].

В своих исследованиях В. А. Богородицкий применял лингвокультурологический подход при анализе производной лексики. Ученый обращал особое внимание на номинативные единицы с модификационным значением, утверждая, что в данной группе производных слов сохраняется значение производящего, но при этом меняется восприятие предмета, а следовательно, появляются дополнительные оттенки, коннотации.

Такой взгляд на языковую систему был созвучен с представлением И. А. Бодуэна де Куртенэ, который отмечал, что в языке все меняется, так как он является частью природы, а природе не свойственна статика. Даже если нам кажется, что ничего не происходит, минимальные изменения есть всегда.

Богородицкий писал о значении слов следующее: «Значение же ... не есть нечто простое, но тоже – сложное, тоже – агрегат ассоциаций, слагающийся из множества элементарных представлений, которые могут относиться не только к окружающему миру действительности, но и к нашим внутренним состояниям [Богородицкий 1910: 241].

Итак, развитие лексического значения происходит на протяжении всей истории языкового функционирования, и результатом всевозможных трансформаций являются в том числе семантические дериваты, представляющие собой новые номинативные единицы, появившиеся в языке безморфемным путем.

Исследование семантической деривации помогает глубже понять непростые механизмы процесса познания мира человеком, а также попытаться выяснить причины той или иной интерпретации различных явлений.

В существительных, обозначающих человека, отражается отношение к человеку как совокупности физических и психических, социальных и культурных особенностей.

Лингвисты, которые занимаются исследованием семантической деривации с когнитивной точки зрения, подчеркивают систематичность семантических сдвигов и переносов.

Какой бы ни была семантическая история отдельных слов, сдвиги в их значении подчинены семантическим законам, определяемым когнитивными процессами мышления.

Деривационно-семантические модели, по которым появляются семантические дериваты на базе наименований лица в современном русском языке, включают в себя широкий пласт лексики, в том числе существительные, обслуживающие сферу медицины. Среди них можно выделить следующие:

- наименование лица, имеющего патологию (физические или психические отклонения) → обозначение лица (с дополнительной коннотативной окраской): *паралитик* – ‘разг. человек, страдающий параличом’ (БТСРС), *паралитик* – ‘перен. разг. тот, кто характеризуется слабостью или утратой каких-л. свойств, способностей’ (Ефр.); *алкоголик* – ‘тот, кто страдает алкоголизмом’ (Ефр.), *алкоголик* – ‘разг. пьяница’ (Ефр.); *безумец* – ‘разг. человек, лишившийся рассудка; сумасшедший’, *безумец* – ‘перен. крайне безрассудный человек’ (Ефр.); *дистрофик* – ‘разг. человек, больной дистрофией’, *дистрофик* – ‘об очень худом, тощем человеке’; *клептоман* – ‘тот, кто страдает kleptomанией – неконтролируемой тягой к воровству’, *клептоман* – ‘тот, кто имеет стремление к личному обогащению за счёт обкрадывания других членов общества’ (Ефр.) и т.д.

- наименование лица → наименование предмета: *инвалид* – ‘человек, утративший трудоспособность вследствие увечья, болезни или старости’, *инвалид* – ‘перен., разг., шутол. о старой, с изъянами от долгого употребления вещи’ и т.д.;

- наименование лица по роду деятельности, профессии → наименование лица по характеризующему признаку: *костоправ* – ‘обл. в старину в деревнях лицо, умеющее вправлять кости при вывихе’, *костоправ* – ‘ирон. плохой доктор’ (Уш.) и т.д.

- наименование лица с характерной внешней чертой → наименование лица (с дополнительной коннотативной окраской): *урод* – ‘человек с некрасивой, безобразной внешностью’, *урод* – ‘человек с какими-нибудь дурными, отрицательными свойствами’ (Ож.); *урод* – ‘жарг. мол. презр. о человеке, не имеющем собственного мнения, конформисте’.

В процессе исследования медицинской лексики выявлены и другие деривационно-семантические модели появления новообразований семантическим путем.

Новые номинативные единицы по представленным моделям появляются в результате различных семантических процессов, к числу которых следует отнести *модификацию* значения и *метафорический* и *метонимический переносы*. Разновидности модификации – расширение объема значения (обобщение); сужение объема значения (уточнение) и энантиосемия (развитие полярных значений).

Расширение наблюдается в лексемах *лекарь* – ‘устар. то же, что врач’ (БТСРС), *лекарь* – ‘перен. кто-л. или что-л., способное облегчить физические или нравственные страдания’ (Ефр.). Сужение значения представляет собой уменьшение семантического объема слова в процессе функционирования слова. Например, *хроник* – ‘спец. хронический больной’ (Уш.), *хроник* – ‘алкоголик, пьяница’ (Арго); *медбрат* – ‘медицинский работник мужского пола, обычно невысокой квалификации, принадлежащий к младшему медицинскому персоналу лечебных заведений, занимающийся гигиеническим уходом за больными и ранеными, а также уборкой помещений’; *медбрат* – ‘человек, который умеет хорошо делать инъекции’ (Словарь).

Примером развития полярных значений может служить лексема пациент: *пациент* – ‘больной, относительно своего врача’, *пациент* – ‘тот, кто намечен жертвой какого-л. обмана; неуважительно о любом человеке’ (Арго).

Таким образом, процесс номинации человеком окружающих реалий связан как с объективными, так и субъективными факторами. В связи с действием законов аналогии, ассоциации и унификации определенное восприятие объекта способно привести к образованию номинативных единиц за счет уже имеющихся в языке лексем в результате семантического развития слова.

Литература

Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. Изд. 3. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1910. 456 с.

Щуклина Т. Ю. Василий Богородицкий и вопросы русского словообразования / Т. Ю. Щуклина // https://vk.com/@ifmk_kfu-vasilii-bogorodickii-i-voprosy-russkogo-slovoobrazovaniya

Список сокращений

Арго – Словарь русского арго https://russian_argo.academic.ru/

БТСРС – Толковый словарь русских существительных
https://noun_ru.academic.ru/

Ефр. – Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

Ож. – Толковый словарь С. И. Ожегова <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>

Словарь – Словарь современной лексики, жаргона и сленга
<https://argo.academic.ru/>

Уш. – Толковый словарь Д. Н. Ушакова <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

Основные подходы к изучению иноязычной лексики в свете Казанской лингвистической школы

*Казанская лингвистическая школа, иноязычная лексика,
смешение, заимствование*

Проблема языковых контактов и заимствований является центральной в исторической лексикологии. Следует отметить, что выдающиеся умы и представители различных школ неоднократно обращались к вопросам взаимодействия генетически родственных и неродственных языков. Как справедливо отмечал И. А. Бодуэн де Куртенэ, “Нет и не может быть не смешанного языкового целого”. Это утверждение, которое сделал основатель Казанской лингвистической школы, справедливо практически для любого языка, в котором существует исконный пласт лексики и неисконный, то есть заимствованный. Казанская лингвистическая школа (КЛШ) является знаменитой научной школой в мировом языкознании, основанной в Казанском университете в XIX веке профессором И. А. Бодуэном де Куртенэ. В ней работали многие известные лингвисты, такие как Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, В. В. Радлов и др. Школа характеризуется единством теоретических принципов и подходов, оказавших значительное влияние на развитие мировой лингвистики XX века.

Одним из направлений исследования КЛШ является изучение заимствованной лексики различной этимологии. Основы языковых контактов, лингвистические и экстралингвистические факторы были изложены основоположником КЛШ И. А. Бодуэном де Куртенэ в статье “О смешении языков” [Бодуэн де Куртенэ 1901]. Термин *смешение* ученым трактовался в широкой и узкой дефинициях.

Практически параллельно проблему разрабатывал другой казанский ученый С. К. Булич. В статье “Заимствованные слова и их значение для развития языка” [Булич 1886] были определены такие важные для теории языковых контактов термины, как язык-источник, ассимиляция и др.

В настоящее время учеными КЛШ разрабатываются и уточняются такие аспекты этой проблемы, как:

1) Особенности рецепции единиц различных уровней в русской лексической системе.

2) Процессы, протекающие параллельно заимствованию (ассимиляция, опрощение, переразложение, субституции).

3) Соотношение коррелятивных пар *прототип – заимствование*.

4) Основные направления/векторы изменений в семантике заимствованных слов.

5) Особенности ассимиляции слов различной этимологии на материале различных памятников письменности в исторические периоды XVIII–XXI вв.

6) Определение критериев, позволяющих считать слово ассимилированным русской системой.

7) Новые единицы (грамматические модели), заимствованные русским языком в новейший период.

Среди работ представителей КЛШ, которые так или иначе касаются заимствований, можно отметить два больших направления.

Во-первых, эти слова изучались в общей массе заимствованных слов. Прежде всего это работы исторического характера, посвященные общим направлениям развития заимствованной лексики в связи с основными тенденциями развития языка, где изучаются такие проблемы, как определение источника иноязычной лексики, критериев ассимиляции, изменения значения слова в исторической перспективе. Статьи и монографии этого направления характеризуются тем, что рассматривают в одном ряду слова различной этимологии и подвергают анализу аспекты освоения такой лексики [Балалыкина 2023; Габдреева 2019].

По мнению других лингвистов (и это второе направление), изучение слов, заимствованных из одного конкретного языка, позволяет лучше и полнее объяснить пути их ассимиляции в языке-рецепторе, а также специфику освоения лексики. Так под руководством профессора Р. А. Юнаниевой сложилось направление изучения тюркизмов (Р. А. Юнаниева, К. Р. Галиуллин, Р. Г. Гатауллина, А. А. Киндеревич). Разработанная нами концепция и подходы в этом направлении [Габдреева 2019] позволили на протяжении последних десятилетий рассматривать механизмы миграции и освоения различных по этимологии пластов: англицизмов (Р. Р. Яхина), галлицизмов (А. В. Агеева), германизмов (А. Р. Хабибрахманова, С. В. Кочурова), арабизмов (Р. М. Светлова). В настоящее время бодуэновский подход рассмотрения лексической единицы одновременно как функционирующей и развивающейся реализуется на материале заимствований из китайского языка. Так исследуются русские переводы современной китайской прозы, в которых решается сопряженная с обозначенной темой проблема

элиминации лакун. Присутствие китайской лексики в русском языке весьма ограничено, исследований по этому направлению недостаточно. Еще более значимым является описание китаизмов, существовавших в русской системе некоторое время и в дальнейшем вышедших из языка или существующих на его периферии. Их судьба, траектория развития, лексикографическое описание и соотношение с исконными синонимами важны для воссоздания полной картины развития лексического состава.

Литература

Балалыкина Э. А. *Метаморфозы русского слова: учебное пособие* / Э. А. Балалыкина. М.: Наука; Флинта, 2023. 264 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. *О смешанном характере всех языков* / И. А. Бодуэн де Куртенэ. Санкт-Петербург, 1901. С. 12–24.

Булич С. К. *Заемствованные слова и их значение для развития языка* / С. К. Булич // *Русский филологический вестник*. 1886. Т.15. № 2. 18 с.

Габдреева Н. В. *Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография* / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалиева. М.: Флинта, 2019. 328 с.

Чешские экзотизмы: язык, культура и идентичность

экзотизмы, чешский, русский язык, переводная литература

В современном мире глобализации важность сохранения культурной и языковой самобытности возрастает. Многовековые традиции и богатое культурное наследие Чехии находят отражение в языке, который служит не только средством общения, но и носителем национальной идентичности. Чешские экзотизмы, представляющие собой уникальные слова и выражения, играют важную роль в формировании культурной самобытности. Они отражают исторические, социальные и культурные аспекты жизни чешского народа. Исследование экзотизмов позволяет глубже понять особенности чешской ментальности и культурного наследия.

Экзотизмы фиксируются в иностранных словарях, а также встречаются в переводной литературе на русский язык, играя роль культурных маркеров. Использование экзотизмов позволяет передать колорит и специфику исходного культурного контекста, обогащая язык перевода и давая читателям более глубокое понимание описываемой действительности.

Большой интерес представляет экзотическая лексика из чешской переводной литературы. Выборки, сделанные нами, позволяют представить следующий состав экзотизмов в лексико-тематических группах:

1. Чешская история, идеология и религиозные движения. Эта группа включает различные политические, религиозные и культурные формирования, которые сыграли важную роль в чешской истории в разные исторические эпохи.

Младочех – член чешской буржуазной партии младочехов. *Кто бы ни прикончил нашего Фердинанда, серб или турок, католик или магометанин, анархист или младочех, - мне все равно* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Табориты – название гуситов, по городу Табору, где была создана армия Яна Жижки. *Вскоре все звуки заглушил веселый крик таборитов, гнавших в лагерь к пылающим кострам мокрую, лоснящуюся скотину* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

Утраквисты (чашники) – представителя умеренного крыла гуситов, требовавшие причащения мирян под обоими видами: не только хлебом, но и вином (из чаши). *Имущество Вацлава из Газембурка не перешло к короне. Мы лишились его позже, стараниями утраквистов* (Милош Урбан. Семь храмов)

Чешские братья – после разгрома гуситского движения, в середине XV века, остатки таборитов объединились в особую религиозную общину – Общину чешских братьев. Эта организация продолжала антифеодалные традиции таборитов, но уже не носила боевого характера. *Здесь четыреста лет тому назад, когда стоял еще старый замок, жили паны Костки из Поступиц, верные защитники чешских братьев* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

Пражские компактаты – соглашение, заключенное в 1433 г. между чашниками и официальной Католической церковью. В частности, компактаты признавали причащение под обоими видами и свободу проповеди в духе гусизма. *Очень скоро там начали причащать под обоими видами и вдобавок провозгласили эти позорные компактаты* (Милош Урбан. Семь храмов).

Чешская беседа – чешское патриотическое общество, основанное в XIX веке. *Я с ним знаком по «Чешской беседе»* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

2. Наименования лиц. Эта группа включает различные наименования лиц, охватывающие социальные роли, представляющие важные аспекты общественной жизни, как в историческом, так и в культурном контексте.

Сардинщик – продавец с лотка рыбных закусок, сардинок, ходивший со своим лотком по трактирам. *За одним столом спал пьяный сардинщик* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Фарар – приходский священник в Чехии и Словакии. *Вршовицкий фарар еще спал и, когда его разбудили, начал браниться, решив спросонок, что его зовут с требой* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Дружечки – в Чехословакии девочки, участвующие в торжественных процессах, торжественных встречах. *Торжественные встречи теперь уже были не те, что вначале войны, когда отправляющиеся на фронт солдаты объедались на каждой станции и когда их повсюду встречали одетые в дурацкие белые платья дружечки с идиотскими лицами и идиотскими букетами на руках* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

3. Культура и традиции. Эта группа объединяет разнообразные аспекты культуры: кулинарные традиции, народные обычаи, танцы, одежду.

Тлаченка – род колбасы. *Балоун никак не мог отогнать от себя ту незабываемую яркую картину, как он прокалывает тлаченку, чтобы из нее вышел воздух, иначе во время варки она лопнет.* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Кнедлики – род клецек их мучного или картофельного теста, обычно с ягодной начинкой. *Куда приятнее чистить на кухне картошку, скатывать кнедлики и возиться с мясом, чем под ураганным огнем противника...*(Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Помлазка – в Чехии народный пасхальный обычай, когда парни и девушки стегают друг друга молодыми вербовыми ветками и откупаются писанками-краслицами. *В основе слова «помлазка» лежит «омлазени» – омолаживание. Девушек стегали для того, чтобы передать им свежесть и молодость молодого деревца, кроме того, помлазка является залогом хорошего настроения и здоровья женщины и девушки в течение целого года* (Лили Подобина. Чешские женщины).

Шляпак – чешский народный танец. *Пойду станцюю, – сказал он после пятой кружки пива, увидав, как пары пляшут шляпака.* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Сукня – старинная мужская и женская верхняя одежда из домотканого сукна. *Богатые люди украшали сукни каймой или меховой оторочкой. Женщины занимались хозяйством, пряли пряжу и ткали полотна, шили белье и одежду – рубахи, сукни, мужские и женские, штаны, плащи и тулупы.* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

4. Мера и валюта. Эта группа включает термины, отражающие исторические единицы измерения и денежные единицы, которые использовались в Чехии.

Геллер – Разменная монета Чехии, равная 1/100. *Свыше двадцати лет строились храм и монастырь, и дорого обошлись они королю; стоила, говорят, та церковь лишь на геллер дешевле, чем весь Каменный мост.* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

Коп – шестьдесят штук. *В Праге достаточно яиц не нашлось; в окрестностях их тоже не хватило, поэтому приказал Карл IV всем городам чешского королевства прислать в Прагу определенное количество коп яиц на постройку моста.* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

Гон – старинная мера длины. *Есть в лесу место, в тридцати гонах отсюда, в излучине Влтавы.* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

5. Мифология и фольклор. Эта группа отражает элементы фольклора и мифологии, связанные с чешской культурой и легендами.

Крконош – мифическое существо, горный дух, обитающий в Крконошских горах. *У двери стоял толстый пехотинец, обросший бородой, как Крконош* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Коуржим – название города происходит от чешского kouř <дым>, существует миф о построении этого города. *В тех местах остался Лех, построил городище, обнесенное валом, и назвал его «Коуржимом»* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

6. Места и символы. Эта группа включает важные культурные и исторические объекты Праги, которые ассоциируются с историей и культурой города.

Панкрац – тюрьма для политических заключенных в Праге. *Это панкрацем пахнет* (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

Староградский орлой – старинные астрономические башенные часы в Старом городе. *По всей Праге – в королевском дворце, в панских палатах и крестьянских хижинах, в корчмах и на улице, - всюду говорили, что тот новый старогородской орлой не похож на все башенные часы, но такой удивительный и чудесный, что, верно, такого нет в целом свете.* (Алоис Ирасек. Старинные чешские сказания).

Таким образом, чешские экзотизмы представляют собой не только лексические единицы, но и важные маркеры культурной идентичности. Экзотизмы, встречающиеся в языке переводной литературы, помогают создать более полное и насыщенное представление о культуре и языке Чехии. Они выступают не только как средство связи между поколениями, но и как уникальный способ передачи исторических и культурных реалий чешского народа. Исследование экзотизмов позволяет осветить богатое культурное наследие Чехии, раскрывая исторические, социальные и культурные контексты, которые формируют чешскую идентичность.

Литература

Бутина Р. М. Экзотическая лексика и ее роль в словарном составе языка / Р. М. Бутина, П. Л. Ким Юань // Русское и зарубежное языкознание. Вып. 4, Алма-Ата, 1970. С. 121–122.

Воронкова И. С. О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы» / И.С.Воронкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и международная коммуникация. 2006. № 2. С. 77–79.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. Москва: Наука, 1968.

Михайловская Н. Г. Варианты «безэквивалентной» (экзотической) лексики / Н. Г. Михайловская // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983. С. 120–139.

Самотик Л. Г. Внелитературные экзотизмы в русском языке: сферы использования / Л. Г. Самотик // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьевой. 2010. № 2. С. 160–164.

Самотик Л. Г. Экзотизмы русского языка / Л. Г. Самотик // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №1. С. 188–193.

Супрун А. Е. Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // Филологические науки. 1958. №2. С. 51–54.

Природа эмоций и проблема их выражения в татарском языке (на примере современной татарской прозы)

эмоции, эмоциональность, эмотивность, семантика, фрейм, контекст

Воспроизвести язык в его реальности и создать корректное описание языковой системы невозможно без учета эмоций. Отсюда следует, что в языковых единицах важен как логико-предметный, так и эмотивный содержательный потенциал.

Человек употребляет язык не только для организации и фиксации своих мыслей, но и для «выражения, возбуждения и вызывания эмоций» [Шаховский 1987: 7].

Выражение эмоций является биологической потребностью человека, поэтому изучение отражения эмоций в языке является весьма актуальной проблемой.

Специфика этой биологической потребности заключается в том, что эмотивная семантика языка является областью психосемантики. Это значит, что почти все слова языка могут стать в определенных условиях общения выражающими эмоции, то есть эмотивными. Нельзя забывать и про экстралингвистический фактор в языке, который выражает исторический бэкграунд нации, ведь без учета него изучение вопроса эмоциональности и формирования эмотивной лексики будет неполно.

В рамках данной работы мы будем рассматривать вопрос выражения эмоций в рамках художественного стиля, потому что для официально-деловой и научной литературы использование эмоциональных единиц функционально не оправдано.

В татарском языкознании проблема выражения эмоций на различных уровнях языка освещается в работах Г. Р. Галиуллиной [Галиуллина 2021], Г. К. Хадиевой [Хадиева 2021], Р. Р. Замалетдинова [Замалетдинов 2023].

В момент креативного переосмысления события человек сопоставляет свои эмоции с более-менее знакомым для него материальным миром. Поэтому эмоции относятся к духовному миру, но имеют тесную связь с материальным миром.

Научный уровень современных знаний позволил также разграничить эмоции и эмоциональность, определив последнюю как черту

личности, а эмоциональность – это чувствительность человека к эмоциональным ситуациям и его эмоциональные реакции на них [Шаховский 1987: 24, 36].

Эмоциональность в семантике языковых единиц преобразуется в эмотивность при помощи разных инструментов. Так, образность может быть одним из этих инструментов. При помощи образности передаются такие характеристики эмоций, как:

Температура: Ул чынлап та минем күңел түремне ачытып, яндырып торган беренчел вакыйга (Это действительно первое событие, которое ранило, обожгло мою душу) [Хәлим: 18].

Скорость: Ике арада яшен тизлегендә кабынып, йолдыз атылган мизгел эчендә юкка чыккан яшьлек мәхәббәте (Любовь молодости, вспыхнувшая со скоростью молнии и исчезнувшая за мгновение, как упавшая звезда) [Моталлапов 2014].

Цвет: Анда кара кан упкыны. Кан юшкыны (Там была темно-красная пропасть. Кровавый осадок) [Хәлим: 37]. Н

Вес: Жәмуга, мәсхәрәле карашын яшерә алмыйча, авыр елмаеп куйды (Джамуга тяжело улыбнулся, не скрывая ехидства во взгляде) [Имамов, 2012].

Объем: Үз эшемне бик яраттым. Әмма сагыну чире белән түзә алмас дәрәжәдә чирләдем. Саргайдым-киптем (Я любил свою работу. Но изнемогал от тоски по дому, что осунулся, похудел) [Хәлим: 32].

В данных примерах словосочетание күңел түремне ачытып, яндырып торган характеризует температуру, словосочетание яшен тизлегендә кабынып, йолдыз атылган мизгел эчендә – скорость, словосочетания кара кан упкыны, кан юшкыны – цвет, саргайдым-киптем – объем.

Эмоции могут быть измерены количественно; они редко проявляются, выражаются в единственном варианте и чаще всего реализуются пучком: группа гнева, группа радости, группа печали, группа страха [Шаховский 1987: 37].

Например: Авыр жыр. Йөрәкне актарып чыгара торган жыр. Бисмиллаһиррахман-иррәхим. Башладым. Хәерле сәгатьтә, туган кешеләр (Тяжелая песня. Песня, которая берет за душу. Во имя Бога, милостивого и милосердного. Я начинаю. Пожелайте мне удачи, родные) [Хәлим: 44]. В данном примере главный герой, который находится в детдоме, понимает, что возможность получить самую вкусную еду той эпохи, эпохи голодных военных лет – пряник, зависит от того, как он споет песню. В связи с этим герой испытывает волнение, страх, тревогу, беспокойство – то есть гамму чувств, связанных с волнением.

Специфичной для эмоций является и двойственность: любовь и ненависть, скорбь и ликование могут овладевать человеком одновременно [Шаховский 1987: 37]. Действительно, в данном контексте герой одновременно испытывает радость, ликование от предоставленного шанса заполучить самую вкусную еду, по словам взрослых, которую он в жизни не пробовал. Доказательством этого является еще и то, что он использует фразу с религиозным контекстом (бисмиллаһиррахман-иррәхим), произносимую мусульманами перед началом любого важного дела. Кроме этого, ребята, с которыми главный герой находится в одном детдоме, называются родными (туганнар). Это говорит о том, что несмотря на степень тяжести проблем, оказавшихся на плечах маленького четырех-пятилетнего ребенка, в его душе преобладают теплые чувства и присутствует любовь к миру.

На основе данного примера мы еще раз можем убедиться в том, что эмоциональность как чувствительность человека к эмоциональным ситуациям отражается в его речи. То есть эмоциональность является частью человеческого мышления.

Мышление связано с ассоциациями. Процесс понимания при этом сопровождается выбором из памяти подходящего семантического фрейма [Минский 1979: 129]. Например: 1. Беркем артыгын ашамый, аның артыгы юк та, эмма ул бар, жәмәгать, эмма ул, бисмиллаһ әйткәч, барыбызга да житә! (Никто не ел лишнего, в действительности лишней еды и так не было, но, друзья, после слов бисмиллях, всем нам хватало!) [9: 30].

В данном примере слово бисмиллях создает семантический фрейм, понятный только для носителей мусульманской культуры. Сказать бисмиллях – значит получить благословение. Это значит, сказав бисмиллях, человек понимает, что все у него будет хорошо. Здесь мы еще учитываем исторический контекст. Осознавая, что речь идет о голодных военных годах и данное воспоминание произносится от лица четырехлетнего мальчика, мы понимаем, насколько велика была жажда жизни в те годы. Возникает чувство уважения к автору и его современникам, не потерявшим человеческого лица, готовым поделиться друг с другом тем малым, что у них было тогда – одной ложкой меда. Неосознанно мы начинаем сравнивать свою сытую жизнь, уровень счастья и довольства жизнью, взаимоотношения с людьми с эпохой людей военных лет, и у каждого читателя могут возникнуть свои эмоции на этот счет.

Таким образом, у языковых единиц есть логико-предметный и эмоциональный потенциал. Чаще всего логико-предметный потенциал считается первичным, а эмоциональный потенциал – вторичным. Это

является правдой, но лишь отчасти. В официально-деловой и научной литературе использование языковых единиц с эмоциональным потенциалом действительно функционально неоправданно. Однако в художественных произведениях эмоциональный контекст является первичным.

Эмоциональность в семантике языковых единиц может преобразовываться в эмотивность при помощи образности. Иногда необходимо иметь представление о семантическом фрейме, возникающем в результате использования ассоциаций. Ассоциации, в свою очередь, возникают только при наличии информации об историко-культурном контексте. Таким образом, интеллект может предшествовать эмоциональности.

Литература

Галиуллина Г. Р. Гади сөйләм лексикасының хәзерге татар телендә кулланылышы / Г. Р. Галиуллина // Труды и материалы Казанского международного лингвистического саммита: в 2-х томах. Том 1 / под общей редакцией Р. Р. Замалетдинова, Ф. Х. Тарасовой, Е. А. Горобец. Казань, 2021. С. 325–327.

Имамов В. Утлы дала: тарихи роман / В. Имамов. Казан, 2012. 759 б.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: 1979. 154 с.

Моталлапов Ә. З. Гамь / Ә. З. Моталлапов // Казан утлары. 2014. № 7. Б. 3–25; № 8. Б. 63–89, № 9. Б. 74–109.

Хәлим А. Әти-әни, миңа ничә йөз яшь?.. / А. Хәлим // Казан утлары. 2024. № 1. Б. 7–80.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. 190 с.

Galiullina G. R. Phraseological units as means of expressing the emotivity in the Tatar language / G. R. Galiullina, G. K. Khadieva, Z. M. Mukhametgalieva, M. E. Dubrovina // Revista Entrelenguas. 2021. Vol. 7. Pp. 154–161.

Zamaletdinov R.R. Identifying the Features of Synonyms in the Definition of the Paradigm of «Wishing» in English Language / R. R. Zamaletdinov, E. N. Denmukhametova, R. S. Nurmukhametova, G. F. Zamaletdinova // Journal of Research in Applied Linguistics, Special Issue: Proceedings of the 3rd International Conference on Research in Applied Linguistics (ICRAL) – October 30, 2023.

Текст как основное средство межкультурной коммуникации при обучении РКИ

текст, межкультурная коммуникация, методы, средства обучения

Играя существенную роль при обучении РКИ, компетентностный подход подразумевает включение всех обучающихся в процесс сознательного овладения учебным материалом с целью формирования различных видов компетенций: языковой и коммуникативной. Поэтому основой всего учебного процесса является работа над текстом. Текст понимается в методической литературе как «продукт речевой деятельности, словесное произведение, реализующее поставленную цель» [Акишина 2002, 2: 34]

Являясь основным средством обучения, текст несет в себе информационную, развивательно-воспитательную и трансформационную функцию.

Предметом теории текста остается текст, а объектом «является коммуникативная деятельность человека посредством текста» [Земская 2010, 6: 17].

Посредством текста реализуется обучение аудированию, говорению, чтению, письму, различным языковым единицам, речевым образцам, а также фактам культуры. Поэтому обучающиеся должны не только изучать какой-то иностранный язык, но и приобщиться к национальным ценностям изучаемого языка, так как две национальные культуры никогда не совпадают полностью.

Существенные особенности наблюдаются при сопоставительном изучении языка и культуры. Цель такого обучения – «через изучение выраженной в языке национальной культуры обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации представителей конкретных языков и культуры». Поэтому в «мир изучаемого языка» рекомендуется включать элементы такого сопоставления.

Задача обучающего заключается в умелом соотношении контактирующих национальных культур [Щукин 2004: 7], в проведении, где это возможно, научно обоснованных аналогий и параллелей, в обучении иностранцев творческому владению знаниями в области русской культуры.

Для решения поставленных задач преподавателю необходимо проводить работу по следующим направлениям:

- пересмотр программных тем и их подробный анализ;
- комплексный подход к изучаемому материалу в условиях аспектного преподавания русского языка как иностранного;
- соизучение культур стран, участвующих в межкультурном диалоге, например Азербайджан – Россия;
- поиски новой технологии обучения в условиях диалога культур;
- взаимосвязь аудиторной и внеаудиторной работы с учетом региональной языковой среды;

Практическое применение текстов для развития межкультурной коммуникации при обучении РКИ требует конкретных методик, направленных на формирование языковых и культурных навыков.

Ниже предлагаются рекомендации, которые помогут в учебном процессе:

1. Выбор аутентичных текстов:

– Подбирайте тексты, которые понятны и интересны, например, рассказы, интервью или блоговые заметки.

– Используйте материалы, которые знакомы обучающимся: обычаи, праздники, известные личности, традиции и т.д.

Например, беседа по теме «Ваш любимый праздник» с целью активирования интереса и фоновых знаний.

2. Сравнительные дискуссии и ролевые игры:

– Используйте тексты, чтобы создать ситуации для сравнения культур, что способствует развитию навыков межкультурного общения.

– Проводите ролевые игры, в которых обучающиеся играют представителей русскоязычной культуры.

Например, подготовка текста о традициях и обычаях русского народа во время празднования Масленицы и обсуждение сходств и различий с праздником Новруз.

3. Проекты на основе текста:

– Дайте проектную работу на материале текста, такие как написание эссе или подготовка презентации о культурных ценностях и т.д.

Например, создание справочника для иностранных студентов с рекомендациями по адаптации в русской культуре.

4. Анализ лексики и стилистических особенностей:

– Проводите лексическую работу с целью использования новых слов и выражений в различных ситуациях и в зависимости от контекста.

Например, выбор текста с примерами разговорной лексики и замена данных выражений на научный и наоборот.

5. Критическое мышление через анализ текста:

– Подбирайте тексты, побуждающие анализировать и формировать собственное мнение по важным вопросам, касающимся культуры и общества, а также развивающие критическое мышление.

Например, подбор текстов на актуальные темы (живая планета, семья, информационный век и т.д.), их анализ и обсуждение

6. Знакомство с русской ментальностью через художественные тексты:

– Используйте классические произведения для изучения особенностей русского менталитета, таких как эмоциональность и склонность к размышлениям.

Например, обсуждение и сравнение отрывка какого-либо произведения русской литературы с азербайджанским менталитетом и культурой.

7. Подготовка к реальным ситуациям общения:

– Создавайте упражнения на основе текстов, приближенные к реальной жизни и действительности с целью эффективного применения языка в повседневных межкультурных взаимодействиях.

Например, составление слов-клише или фраз для ситуаций общения, а также разыгрывание ситуативных диалогов на различные темы: «В супермаркете», «Встреча в ресторане» и т.д.

Использование различных текстов и методических приёмов в обучении русскому как иностранному будет способствовать развитию лингвистической и культурной компетенции обучающихся, поможет лучше понять культурные контексты, развивая уверенность в общении с носителями русского языка и уважение к другой культуре, а также повысит качество межкультурного общения.

Литература

Акишина А. А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина. М.: Русский язык, 2002. 256 с.

Земская Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / Ю. Н. Земская. М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.

Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика / А. Н. Щукин. М., 2004. С. 103–104 .

Natural scientific and humanitarian discourse in the written heritage of “Baburnama”

*contextual thought, the author's outlook, humanitarian themes, literary discourse,
scientific discourse*

The founder of the Mughal dynasty in India, a descendant of Genghis Khan Zahir al-Din Muhammad Babur covers various topics in his writings, honestly describes events and tries to explain them clearly. Provides data on the peculiarities of nature and the people who lived there, the relationship between people, the nature and use of Customs and Customs. These data will be a valuable resource for historians, writers, linguists, specialists in the field of biology, geography, etc.

The text serves as a means of knowledge storage and transmission, a manifestation of culture, a product of a particular historical period, and a window into a person's life. It is acknowledged that one technique to immerse the reader in the language context is through a translated foreign text. Immersion in another cultural discourse through reading a literary text makes it possible to interpret the latter as a certain unit of communication [Hazratkulova 2023, 4: 187].

The linguist E. Benveniste classifies discourse from forms of oral speech to major oratory. It also closely links discourse with social and psychological factors [Benveniste 2010: 5].

Babur “Baburnama's” written heritage covers a wide range of discursive topics: natural sciences (medicine, biology, zoology, geography, mathematics, harvest, gardening, etc.) and humanities (history, literature, language, music, religion, architecture, etc.). In this article we note the author's writings, related to the field of literature from the point of view of humanitarian discourse, and in the natural science direction – Babur's thoughts on biology, medicine, meteorology.

The humanitarian and cultural discourse is reflected in Babur's explanatory and descriptive texts based on deep thoughts and a certain line of events in written memoirs related to literature, religion, language, music. *Literary heritage*. In “Baburnama” highly reflects very popular aspects of literature, including rhythm, stanza, quatrain. F. Blagova "Adds poetic quotations to the prose “Baburnama's” text containing information equal to the prose narrative [Blagova 1994: 108].

Babur managed to add new images to traditional Turkish poetry. Poetic images such as *the tsar and the slave, Homeland and yearning, power and poverty, Great Victory and prosperity* are embodied in Babur's works [Turakulova 2020: 540]. The artistic and literary discourse in "Baburnama" is recognized in the transmission of poems, ghazals and bayts of Babur, poems and proverbs of oriental poets quoted by Babur.

Nawroz ol 'idqa yavuuq kelip edi. Tafāvut bir-iki kün* edi. Ol taqrib bila bu ğazalnı aytıp erdim:

Yangi ay yar yüzi birlä körüp el šād bayramlar / manga yüz u qaşıngdın ayru bayram ayıda ğamlar.

Yüzi nawrozi, vaşlı 'ıdını Bābur ğanimat tut / ki mundin yaxsi bolmas bolsa yüz nawroz bayramlar [Baburnama 1993: 311].

The holiday prayers were performed on the banks of the Gumal. That year Nawroz was close to the holiday, two or three days difference. On that occasion I composed the following poem:

Happy is the festival for those who see the new moon and the beloved's face together. For me, separated from your face and brow, there is sadness in the festival moon. Seize the Nawroz of his face and the festival of union [Baburnama 1993: 311].

The content of this example is as follows: on the eve of Nauryz, Babur ordered a Gazelle. He describes the Nauryz holiday. The poem rhymes through the plural, common to the language of the Turkic peoples: *el šād bayramlar/bayram ayıda ğamlar/ yüz nawroz bayramlar.*

Babur's rubai on Islamic themes, lines of songs, poems and bytes corresponding to cultural events and holidays are also often found in the text of "Baburnama". We substantiate it with examples in the field of religious discourse.

Proverbs. In the course of the narration, he gives an example of proverbs of various contents related to the event, situation, and action of Babur and his entourage. *Bāvujūd, 'ajab malāmatî dur kim hameša el meni ğaybat qılurlar kim bayırıldın va Andijānıdın özgāni ri'āyat qılmas. Masal bar kim "Duşman ne demäs? Tüşkä ne kirmäs?"* [Baburnama 1993: 299]. That they always gossiped that I did not favor anyone except Andizhanis and old retainers! There is a proverb that says, "What will your enemy not say? What will not enter his dream?" [Baburnama 1993: 299].

Scientific discourse. From Babur's writings, it can be concluded that he used scientific terms wisely, that some terms can clearly explain concepts from a scientific point of view, that Babur can think and reason in a variety of directions. For example, having arrived in India, *Babur finds it difficult to adjust in terms of calendar, annual calculation and seasons.* Babur conducts

a comparative analysis and gives a clear definition of the astronomical times of Indian terms in Persian, Turkic languages for the reader:

Yana ol viloyatlarda trt fal tur. Hindustanda u fal bolur. Trt ay yaz dur, «trt ay bikl», trt ay q. Aylarining ibtidsi hilal aylarning istiqbldn dur. Har u ylda bir ayn bikl aylaria ziyada qlurlar; yana u ylda q aylaria ziyada qlurlar; yana u ylda yaz aylaria. Bularning kabisasi *bu dur. «Cayt, Baysk, Jet, Asr» tbistn muvfiq-i Ht «va Hamal va Sawr va Jawz»; «Sawan, Bhdon, Kuwar va Ktik» bikl muvfiq-i [Baburnama 1993: 619]. In our country there are four seasons, but in Hindustan there are three: four months of summer, four months of monsoon, and four months of winter. The months begin with the crescent moon in opposition. Every three years one month is added to the monsoon months, then three years later [a month] is added to the winter months, then three years later a month is added to the summer months. This is their intercalation. The summer months are Chait, Baisakh, Jeth, and Asarh, corresponding to Pisces, Aries, Taurus and Gemini. The monsoon months are Sanwan, Bhadon, Kuar and Katik, corresponding to Cancer, Leo, Virgo and Libra [Baburnama 1993: 618–619]. The given example proves that Babur had knowledge in the field of climate and meteorology.

Describing the Shah Sultans and providing information about the properties and knowledge, it can be noted that Babur also mentions philosophy and useful sciences in the humanities:

Hkmiyyt u 'aqliyyt u kalm 'ilmn xb bilr edi. Az alfzda kp sz tapp diqqat bila guftugu qlmaq aning ixtira' dur [BNt, 371]. He knew well the philosophical and rational sciences. He earned his nickname by fasting so much [Baburnama 1993: 371].

Another kind of scientific discourse is manifested in Babur's thought works concerning the fields of medicine and biology. *Bajawr va Swad va Kunar va ol navhsda bir boza qlurlar. Bir "kim" degn nem bar: otlar ildizidin va ba'zi adviyadn qlpturlar [Baburnama 1993: 533-535]. In the following example, we are talking about a liquid (boza) medicinal solution, about its creation. In Bajaur, Swat, Kunar and those regions they make a type of **beer** (in turkic boza). They have something called **km**, which they make from **herbal roots** and spices [Baburnama 1993: 533-535].*

In conclusion, "Baburnama" presents discourse through a clear lens of Babur's life path and experience, which plays an important role in gathering a valuable source of information about this era. The humanitarian discourse is characterized by the fact that Babur lives in a multicultural environment, is interested in art and literature, religious beliefs and practices. And scientific discourse is connected with Babur's knowledge in the field of biology, medicine, and meteorology. Thus, the linguistic use of Babur's

views, understanding and cognition in accordance with that era was determined in terms of the structure and content of the text.

References

Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics] / E. Benvenist Per. s fr. Izd. 4. URSS. 2010. 448 s. [in Russian]

Blagova G. F. «Babur-name»: yazyk, pragmatika teksta, stil'. K istorii chagatajskogo literaturnogo yazyka [language, pragmatics, style. On the history of the Chagatai language] / G. F. Blagova. M., 1994. 404 s. [in Russian]

Hazratkulova E. Otnoshenie k svyatym v tyurksko-persidskih istochnikah central'noj Azii [The attitude towards Saints in the Turkic-Persian sources of Central Asia] / E. Hazratkulova // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya. 2023. № 4(145). S. 155-167. [in Russian]

Thackston W. M. Jr. Baburnama: Chaghatay Turkish text with Abdul-Rahim Khankhanan's Persian translation. [Cambridge, Mass.]: Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1993. 902 p.

Turakulova O. A. «Poet v korolevstve, korol' v poezii (izuchenie rabot Zahiriddina Muhammeda. Babura na urokah literatury) [A poet in the kingdom, a king in poetry (studying the works of Zahiriddin Muhammad Babur in literature lessons)] / O. A. Turakulova // Intellektual'noe nasledie Zahiriddina Muhammada Babura i sovremennost': Sbornik statej i tezisov dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoprakticheskoy konferencii. M.: Probel-2000, 2020. S. 538-542. [in Russian].

**Лексико-фразеологическая семантика образа народного героя
в русской и узбекской литературе: на материале романов
Х. Тухтабаева «Золотая голова мстителя»
и В. Шукшина «Я пришел дать вам волю»**

*лексико-фразеологическая семантика, фразеологическая семантика,
образ народного героя, русская литература, узбекская литература,
роман, Х. Тухтабаев, В. Шукшин*

Образ народного героя занимает особое место в литературе многих народов, отражая идеалы, ценности и мировоззрение той или иной культуры. Народный герой воплощает черты, которые считаются достойными и значимыми для общества, и становится своеобразным символом борьбы за свободу, справедливость и национальную самобытность. Лексико-фразеологическая семантика, лежащая в основе создания таких образов, позволяет глубже понять культурные особенности и уникальные черты, присущие русской и узбекской литературной традиции.

В произведениях Хамида Тухтабаева «Золотая голова мстителя» и Василия Шукшина «Я пришел дать вам волю» образ народного героя воплощен через уникальные лексико-фразеологические особенности, которые отражают национальные культурные и исторические особенности русского и узбекского народов. Лексика и фразеология в обоих романах позволяют авторам не только передать характер и мировоззрение героев, но и создать выразительные культурные символы, понятные читателям обеих литературных традиций.

В произведении Тухтабаева фразеология носит оттенок восточной мудрости, наполненной фольклорными мотивами и образами, характерными для узбекской культуры. В речи героев встречаются устойчивые выражения, наполненные уважением к традициям, семье и мудрости предков. Это выражается в пословицах, метафорах и образах, подчеркивающих доблесть и долг перед родиной, народом и семьей. Например, употребление фраз, связанных с понятиями чести и справедливости, создает образ героя как защитника национальных ценностей.

В романе В. Шукшина, напротив, народный герой приобретает черты русского бунтаря, «правдоискателя», чья речь наполнена

грубыми, порой саркастическими фразеологизмами, типичными для русской деревенской культуры. В этом контексте фразеология также тесно связана с народными пословицами и поговорками, выражающими народную мудрость и иронию. Такой лексико-фразеологический стиль подчеркивает близость героя к простым людям и его стремление к социальной справедливости.

Шукшинский Разин несет не только идею бунта, но идею миростроительства на основе традиционных народных представлений и идеалов. Мифологема круга, занимающая в романе одно из центральных мест, имеет и социальный аспект - это казацкий круг, крестьянская община – круг как модель социального космоса. Сам Шукшин имеет четкую картину общинного мироустройства как самого справедливого. Критик В.Дубровская видит в «столкновении двух основных моделей мира: круговой и иерархической», в невозможности «совмещения этих...концепций ядро трагедии Разина, причину его неуспеха и краха стремления «дать волю» [Дубровская 1992: 98].

Лексика романа Тухтабаева обогащена историческими и культурными аллюзиями, отражающими элементы восточной культуры и народного эпоса. Это заметно в использовании слов, связанных с воинской честью, долгом и мезтью, что подчеркивает героический характер образа и историческую связь с народными освободителями. Такой герой видится как носитель древних традиций, олицетворяющий мудрость и силу народа.

У Шукшина, наоборот, герой говорит на простом, иногда нарочито резком языке, что подчеркивает его близость к простому народу и окружающей действительности. В его речи часто встречаются слова и выражения, связанные с сельским бытом, простыми жизненными реалиями. В этом прослеживается глубинная связь с народной культурой и русским эпосом, в которых герои стремятся к правде и справедливости, противостоят властным структурам.

Попытки Разина сыграть роль царя есть доказательство «несовместимости атамана и царского места», что отражает «несовместимость мифологического и государственного сознания» [Дубровская 1992: 102].

Фразеология у Тухтабаева и Шукшина также служит средством эмоциональной характеристики героев. В узбекском произведении фразеологизмы часто несут позитивный или торжественный оттенок, подчеркивающий уважение к героизму и самопожертвованию. В русском романе фразеология чаще наполнена ироничностью и сарказмом, что отражает особенности национального менталитета, стремящегося к правде через критику и насмешку.

Таким образом, лексико-фразеологическая семантика образа народного героя в произведениях Тухтабаева и Шукшина отражает характерные черты русской и узбекской литератур. С помощью лексики и фразеологии авторы создают узнаваемые образы героев, чьи поступки и речи глубоко укоренены в национальной культуре и ценностях.

Исследование лексико-фразеологической семантики образа народного героя на примере романов Х. Тухтабаева *«Золотая голова мстителя»* и В. Шукшина *«Я пришел дать вам волю»* позволило выявить особенности национального мировоззрения, проявляющиеся через литературный язык. Лексика и фразеология, выбранные для характеристики героев, глубоко связаны с культурными и историческими традициями каждого народа. Они передают не только индивидуальные черты персонажей, но и важные для народа ценности, такие как честь, справедливость и преданность своим корням.

Образ народного героя в узбекской литературе предстает как защитник и носитель древних традиций, что выражается в торжественной и уважительной фразеологии, наполненной мотивами мудрости и силы. В русском контексте народный герой изображен с характерными чертами правдоискателя и бунтаря, его речь наполнена ироничными, саркастическими фразеологизмами, отражающими национальную особенность стремления к правде через критику.

Литература

Дубровская В. Опыт анализа поэтики романа В.Шукшина *«Я пришел дать вам волю»* / В. Дубровская // В. Шукшин – философ, историк, художник. Вып. 3. Барнаул, 1992.

The concept of «beauty» in Azerbaijani and English phraseology and paremiology

*phraseology, paremiology, Azerbaijan language, English language,
typology linguistics*

The phraseological foundation of the language is the most pronounced layer in terms of the manifestation of national and cultural identity. Phraseology is understood as a set of stable phrases, regardless of their characteristic features. U.Ahmadova, in her article on the concept of “woman” in Azerbaijani phraseology and proverbs, writes: “The same sign can manifest itself in different micro-concepts, these signs are more clearly manifested in phraseological units and depend on many data, they differ in frequency and place of processing in different languages” [Ahmadova 2016: 16].

Considering two languages with different systems – Azerbaijani and English in the context of idioms, it can be noted that the evaluation of an object with external indicators differs in the similarity of quality and features.

1) The attractiveness of a person’s appearance is conveyed by the following phraseological combinations without specifying the reasons for its appearance:

– in English: «*easy on the eye, easy to look at*» («gözoşşayan», «gözə xoş gələn», «qəşəng xarici görünüş», «gül əndam»); «*ine as a May queen*» (Baharın gəlişinə kraliça qismində seçilmiş qız kimi gözəl); «*fine as fivepence*» (beş penslik qəpik kimi gözəl parlayır); «*fine as a carrot fresh scraped*» (yenicə təmizlənmiş yerkökü kimi gözəl) [Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2005: 89]; «*His sister was easy on the eye*» (Onun bacısı cəlbedici qız idi).

Unlike English, in Azerbaijani the subject is perceived in terms of charm and some kind of affection. This can be explained by certain ethnic characteristics: it is clear that, since the units in question were formed over a long period of time, they are closely related to the main characteristics, worldview and traditions of the ethnic group, reflect the mentality of the ethnic group, and therefore the understanding of beauty is associated with national characteristics and national roots. Since the assessment of beauty is more related to human beauty, or rather, female beauty, it is the national mentality that comes to the fore here, since for many centuries, as a result

of insufficient exposure of the female face in Azerbaijani society, ethical and aesthetic values come to the fore in its assessment.

In English, beauty often means that an object is attractive (*easy on the eye, easy to look at* - «gözoşşayan», «gözə xoş gələn», «qəşəng xarici görünüş», «gül əndam»), freshness (*fine as a carrot fresh scraped, like a fresh lemon on a dinner-table* - *təzə çıxarılmış yerkökü kimi gözəl, şam yeməyində təzə limon kimi*).

2) Clothing plays an important role in the perception of a person's appearance. This characteristic is expressed through its specific features:

– in the Azerbaijani language, stable compounds are used to characterize a well-dressed person, meaning “very well”, both positively («Gərdənə yaraşır qızıl həmayil»; «Yaraşır əndamına / Xub geydiyin sarı, gəlin»), negatively («bayram yumurtası kimi bəzənib»; «samovar kimi parıldayır») has a connotation.

– about dressing up in Azerbaijani «bəzənib-düzənmək», to become beautiful, the idea of decorating oneself is conveyed in English through the phrase «*to make oneself up*». In English «*to put up a good show*» (lazımi görünüş almaq) means to pull yourself together, keep your finger on the pulse, stand like a man; «*to be up to the mark*» (normaya, standartta uyğun gəlmək).

In English, there are a number of phraseological units with the metaphorical meaning «ürəyə yatan, gözoşşayan»: *heart palpitor, eye popper (catcher, filler), head turner, eye opener*. In these phraseological expressions, human beauty acts as a force that motivates the observer to certain actions.

– The Azerbaijani language also has the expression «gözəl danışmaq», which is used to describe a person who speaks fluently, speaks well and is saturated with language. In English, «*he / she speaks without a hitch*» is used here. “Fine words” in English correspond to the phrase “gözəl sözlər” in Azerbaijani.

– There is an opinion that the *beautiful (beauty)* is devoid of utilitarian value [Кондрашов 1999]. “Gözəl/Beautiful” in itself has no value other than eye pleasure. This saying can be simplified somewhat: since the concept of beauty in itself is quite complex and multifaceted, it can be assumed that it is formed as a result of perception by all sense organs and is formed in consciousness. That is why, although each nation has its own historically formed idea of beauty, each representative of the nation has its own, more or less different, individual idea of beauty. The observer is even ready to go through something to see (hear, feel) beauty. This positive connotation underlies the words «gözəgəlimli», «göz oxşayan».

However, we note that beauty can be characterized simply by expressing a negative attitude. The negative connotation does not come from the presence or absence of individual elements of beauty, here a literal assessment comes to the fore.

In the process of studying proverbs and proverbs in Azerbaijani and English, certain groups can be identified to assess the qualities of beauty.

1) It is better to have happiness, luck, success, intelligence than to have beauty: «*Dünyaca gözəlliyin olunca, zərrəcə bəxtin olsun*», «*Neyləyirəm gözəlliyi, gözəl baxtım olaydı*».

In Azerbaijani proverbs, beauty is contrasted with luck and happiness. In English, luck and happiness are preferred, and stupidity accompanies beauty. Interestingly, success and luck in English are preferable in relation to wealth than to beauty: «*Better be born lucky than rich*» (literally: *varlı doğulmaqdan, bəxtiyeyin doğulmaq yaxşıdır*). In Azerbaijani paremiology, this idea is emphasized more sharply: «*Neyləyirəm qızıl tası, içinə zəhər qusam*». It is true that luck and wealth are contrasted in this proverb; beauty does not come to the fore by itself.

2) It is impossible to judge and draw conclusions based on appearance: «*Beauty is but/only skin-deep*» (literally: «*Gözəllik yalnız üzdədir*»); «*Appearances are deceptive/deceitful*» (literally: «*Zahiri görünüş aldadıcıdır*»). In Azerbaijani paremiology, this idea is partially conveyed by the proverb «*Zahiri gözəllik müvəqqətidir*». But the meaning of this expression is broader and deeper: external beauty is not eternal («*Gedər bu gözəllik...*»), there are values that do not fade like beauty.

3) Everyone has their own definition of beauty: «*Tastes differ*»; «*Beauty is in the eye of the gazer/holder*»; «*Beauty is in the beholder's eye*». Azerbaijani proverbs have idioms similar in meaning. «*Qarğadan gözəl quş istədilər balasını göstərdi*»; «*Hər kəsin balası öz gözündə göyçəkdir*». As can be seen from these questions, it is assumed that in the cognitive space of Azerbaijan, beauty is unambiguously perceived in the personal conceptual sphere of each person, and individual perception is more important than national, generally accepted "standards".

4) Clothes adorn a person: «*Fine (arch. Fair) feathers make fine birds (arch. Fair fowls)*»; «*The tailor makes the man*»; «*Gözəllik ondur, doqquzu dondur*».

The proverbs that we refer to these groups intersect with each other in certain contextual senses (at the level of pragmatics) and can be attributed to several groups at the same time.

It should be noted that in Azerbaijani paremiology there are sayings associated with certain national traditions, worldview and mentality, and it is very difficult to find their equivalent in English. For example, «*Çadra altında*

hər arvad gözəldir», «Çirkin bürünər, gözəl görünər». In addition, in Azerbaijani proverbs and sayings, we can see that human beauty is associated with a certain age limit: «Cavanlıq (gənclik) gözəllikdir»; «Evin yaraşığı uşaqdır, süfrənin yaraşığı – qonaq»; «İstəyirsən qocalıqda hörmətin olsun cavanlıqda qocalara hörmət elə».

In both languages, it is emphasized that appearance is deceptive, and its assessment depends on a subjective opinion. However, although the word “beauty” is deceptive, both languages emphasize its importance.

References

Кондрашов В. А. Этика. Эстетика / В. А. Кондрашов, Е. А. Чичина. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. 512 с.

Əhmədova Ü. Azərbaycan frazeologizmləri və atalar sözlərində «qadın» konsepti / Ü. Əhmədova // Dil və ədəbiyyat. Bakı, 2016. № 2. Pp. 16–18.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Hornby, A.S. Comelsen, Oxford, 2005. 1920 p.

**Гаяз Исхакый әсәрләрендә фразеологик
берәмлекләрнең семантикасы**

*фразеологик берәмлек, фразеологик мәгънә, образлылык,
эмоциональлек*

Әдәби әсәрнең телен өйрәнгәндә, язучы кулланган тел-сурәтләү чараларын, аерым алганда, фразеологизмнарны тикшерү зур әһәмиәткә ия. Халыкның жанлы сөйләмәндә үткер сүзләр, афоризмнар, канатлы сүзләр, мәкаль һәм әйтемнәр, фразеологизмнар сөйләмне баекталар, аның эмоциональлеген арттыралар.

Фразеологик берәмлекләрне куллану сөйләмне образлы, бизәкле, тәәсирле итә, шуңа күрә язучылар аларны матур әдәбиятта яратып куллана, чөнки алар аша укучы күңеленә мәгълүматны тиешле дәрәжәдә, үтемле итеп житкерергә мөмкин.

Телдәге төшенчәләр бер сүз белән генә түгел, ә үзгәртүләргә бирешмичә, таркалмый торган тотрыклы сүзтезмәләр белән дә белдереләләр. Телдәге мондый сүзтезмәләрне фразеологизмнар дип атайлар. Тел берәмлекләре буларак, фразеологизмнар түбәндәге дифференциаль билгеләргә ия: а) сүзләрнең аерым булуы (кимендә ике сүз булу); б) компонентларның мәгънәви кушылуы; в) мәгънәнең һәм аны белдерүче лексик-грамматик чараларның тотрыклылыгы; г) сөйләмдә әзер килеш кулланылуы [Әхәтов 1995: 48-54].

Филология фәннәре докторы Г. Х. Ахунжанов татар тел белемәндә фразеологизмнарны идиома дип атарга тәкъдим итә һәм аңа түбәндәге билгеләмәне бирә: идиома – сүзлек берәмлеге сыйфатында теркәлә торган, кимендә ике сүзле һәм специфик мәгънәле тотрыклы әйләнмә [Ахунжанов, 1972: 6]. Ул идиомаларның 12 төрен күрсәтә, фразеологик берәмлекләр рәтенә афоризмнарны, канатлы сүзләрне, мәкаль һәм әйтемнәрне дә кертә, шуның белән фразеология төшенчәсен шактый киңәйтә.

Фразеологик әйтелмәләр – халык авыз ижатының бер төре, аларда халыкның тапкырлыгы, зирәклегә чагыла. Фразеологик берәмлекләр үткен һәм образлы сүзләрдән торалар, кыска һәм оста әйтеләләр, шунлыктан әдәби әсәрләрдә төп сурәтләү чараларынан саналалар. Алар әдәби әсәр стилиенә сәнгатьлелек бирүдә, фикерне тулырак ачуда зур роль уйнай.

Фразеологик әйтелмелер эмоциональ-экспрессив, төрле стилистик төсмерлергә, субъектив бәяләү элементларына ия булалар. Әдәби әсәрдә алар үзгәртелеп тә, үзгәртелмичә дә кулланылырга мөмкин. Үзгәртелмичә кулланылган очракта фразеологик берәмлек үзенә хас булган мәгънәсендә генә килә. Әмма язучылар ижатында фразеологик берәмлекләр үзгәртелеп, яңа мәгънә, яңа төзелеш белән дә кулланылырга, яңа эстетик һәм сурәтләр сыйфатлары алып, яңа фразеологизмга әйләнергә мөмкин [Губайдуллина (Зиннатуллина), 2001: 152].

Гаяз Исхакый фразеологик берәмлекләргә мәгънә һәм төзелешләргә ягыннан үзгәртмичә дә, үзгәртеп тә кулланган.

Мисал итеп, *таң калу* 'шаккату, гажәпләнү, хәйран калу', сүз *көрәштерү* 'бәхәсләшү, үзенә сүзен өскә чыгарырга тырышу', *эч пошу* 'борчылу, кайгыру' кебек традицион фразеологик берәмлекләргә китерергә була. Гаяз Исхакый аларны семантик яктан да, грамматик яктан да үзгәртмичә кулланган. Мәсәлән, "Мулла бабай" романында: *Шул сүзләргә ишетеп, таң калырга өлгәремәделәр ... . Бик озын, озак сүз көрәштерелде.*

Гомумхалык фразеологизмнар фондын Гаяз Исхакыйның үзгәртеп куллануы да күзәтелә:

1. Фразеологизмның лексик-грамматик ягы яңара, мәгънәсә һәм төзелешә үзгәрешсез кала. Язучы *аты-чабы чыгу* тизмәсен *исем-чабы китү, исем-жәбе китү* кебек формаларда кулланган: *Мин хәрап булдым, исем-чабым китте* [Исхакый, I: 62]; *Васфибану кыз булса да, Камәр кебек егет сөймәгәнгә күрә, исем-жәбе китмәгән иде* [Исхакый, I: 66]. *Көтә-көтә көтек булу* тизмәсен әдип *көтә-көтә көт булу* формасында кулланган: *Мин көтә-көтә көт булгач, Гөлгыйзар адресы берләп хат яздым* [Исхакый, I: 100].

2. Фразеологизм, лексик-грамматик бөтенлеген саклаган хәлдә, контекстта яңа мәгънә эчтәлегенә ия була. Мәсәлән, «Солдат» хикәясендә: *Шул тәрәзәнә кызын уйлап, ул кызының үзләренә авылларының фәлән егет берләп андый-мондый бармак селкешүләрен, күз кысышуларын гына хәтеренә китерде* [Исхакый, I: 334]. *Бармак селкешү* тизмәсә 'бер-береңне кисәтү, куркыту' мәгънәсен аңлата. Ә әлегә контекст эчендә ул, күз кысышу тизмәсә белән янәшә килеп, 'бер-берең нәрсәне дә булса яшерен аңлатышу, ымлашу' дигән мәгънәдә кулланылган.

3. Сурәтләр чарасы буларак фразеологизм үзә түгел, ә аның гомуми сурәте һәм эчтәлегә кулланыла: *Куштан булып, ил ашап йөрми иде* [Исхакый, Мирас, 1992, №11: 23]. Бу гыйбарә *Ил ашасын, йөз яшәсен* дигән тарихи әйтемгә нигезләнган. ... *Сәгыйдә бикә, бәгърем*

йемеше дип, ни сораса да һәрвакыт бирә иде [Исхакый, I: 134] мисалындагы *бәгырь жимеше* тезмәсе *Бала – бәгырь жимеше* дигән мөкальгә нигезлэнгән һәм *'бәгыремнән өзелеп алынган кебек үз, якын кеше'* дигәнне аңлата, аеруча бала иркәлэгәндә әйтелә.

Фразеологик әйтелмәләр кешеләрнең эмоциональ-эстетик кичерешләрен сурәтләүгә хезмәт итәләр. Гаяз Исхакый кулланган *йөрәк яну, йөрәк сикерү, эч пошу, үзен-үзе күрмәү, жанны кыйнау, күңел тарту, маңгай тире берлән жыю* кебек мисалларда процессның турыдан-туры үзе түгел, бәлки аңа охшатып абстракциялэнгән икенче бер хәлнең сурәте генә күз алдына китерелә. Мәсәлән, *йөрәк яну* тезмәсе *'борчылу, пошину, кайгыру'* дигәнне аңлата. Без *йөрәк яну* дигәндә, әлеге процессның турыдан-туры үзен түгел, ә кайгының иң зурысы, иң катысы *йөрәк яну* кебек чамадан тыш кыен бер эшкә охшатып сурәтләнделерелгән төшенчәне аңлыйбыз: *Камәр исәпләп-уйлап караса да, гаеп үзендә икәннән белгәч, йөрәге янып, эче пошып, үзен-үзе күрмәс дәрәжәгә йетеп, әллә ниләр кылырга теләсә дә, Вафадан ни төрле жай берлә булса да үч алырга теләсә дә, эш нәтижәсез кала иде* [Исхакый, I: 65]. «Бай угылы»нда *Кайгы өстенә кайгы, бусы шулай жанымны кыйнар микәнни!* [Исхакый, I: 142] жөмләсендә *жанны кыйнау* тезмәсе турыдан-туры кыйналу процессын түгел, ә рухи яктан газаплануны аңлата.

Фразеологик әйтелмәләрнең кайберләре бер контекстта фразеологизм булырга, ә икенчесендә булмаска мөмкин. «Кәләпүшче кыз»да: *Камәрнең бу сырхавы элгәреге сырхавына башка булмаса да, моннысыннан терелүен уйларлык түгел иде. Чөнки Камәр караган саен артка китә бара иде* [Исхакый, I: 74] мисалында *артка китә бара иде* – фразеологик әйтелмә, чөнки ул образландырылган, күчерелмә мәгънәдә кулланылган, Камәрнең сәламәтлеге начарлана баруын аңлата. «Солдат» хикәясендә *Әти кайтса, әни аш сала, солдатта әти дә ахшамнан кайтмас, әни дә аш салмас дип, тагы иске уйга кайтты, тагы балык башын чәйнәргә тотынды* [Исхакый, I: 332] жөмләсендә *балык башын чәйнәргә тотынды* фразеологик әйтелмәсе күчерелмә мәгънәдә килеп, солдатның элеккеге вакыйгаларны һаман да уйлап утыруын белдерә.

Гаяз Исхакый кулланган фразеологизмнар арасында беренче компоненты үзгәрешсез калып, икенче компонентны төзүдә гомумхаллык телендәге төрле лексик катлам сүзләре катнашкан һәм алар, ижтимагый төшенчәле сүзләр белән бер тезмәгә кереп, яңа төшенчә белдергән әйтелмәләр дә бар.

Гадәттә, мондый очракларда компонентларның икесе дә исем сүз төркеменә карый. *Мәдрәсә – гыйлем казаны, дин сакчысы* [Исхакый, I:

32] жөмләсендә *гыйлем* сүзе уку-укыту өлкәсенә, *казан* сүзе көнкүреш лексикага карый. Мәдрәсә сүзе белән янәшә килеп, *казан* сүзе үзенә төп мәгънәсен югалта, күчерелмә мәгънәдә кулланылып, *гыйлем казаны* тезмәсе '*гыйлем йорты*' дигән мәгънәне белдерә.

Бер әйбернең яки күренешнең билгеле бер үзенчәлекле ягын икенче бер әйбергә яки күренешкә охшатуны турыдан-туры констатацияләү нигезендә ясалган фразеологик әйтелмәләрне дә Исхакый ижатында очратырга мөмкин. «Мулла бабай» романындагы ... *ул гәнаһсыз таяк ашады* мисалында *таяк ашау* тезмәсе *кыен ашау, кыйналу, жәза күрү* дигәнне белдерә; *сүз ачу* – берәр темага я мәсьәләгә карата сүз башлау, бәхәс кузгату дигән сүз.

Мондый әйтелмәләрдә тирән тойгылар, хис-кичерешләр юк, аларда тик охшатуга нигезләнгән сурәтлелек кенә бар: *Хәлим бервакыт Рәшит байга шул тугрыдан сүз ачып, Рәшит абзый, форсаты гәнимәт белеп, эченнән генә «Алла теләсә, эләктерәмез» дип ...* [Исхакый, I: 45]. Әлеге фразеологик әйтелмәләрдә компонентларның мәгънәләре бер-берсеннән ерак торалар һәм алар үзара янәшә килеп, күчерелмә мәгънә белдерәләр. Тел-сурәтләү чаралары ягыннан бу фразеологизмнар метафорага якын.

Гаяз Исхакый әсәрләрендә кулланылган фразеологизмнар халык сөйләмә нигезендә ясалган һәм бу аның әсәрләренең халыкчанлыгын дәлилләүче фактларның берсе булып тора.

Нәтижә ясап әйткәндә, фразеологик берәмлекләр һәрбер язучының әсәрләрендә кулланыла, аларда уртак үзенчәлекләр һәм язучының үзенә генә хас индивидуаль фразеологизмнары да, әлбәттә, бар.

Алар һәрбер телнең үзенә хас милли үзенчәлекләрен, фразеологик байлыгын, тел-сурәтләү алымнарын чагылдыра, һәм шулар аша язучыларның тел үсешенә, гомумкешелек культурасына керткән өлешләрен ачыклау кебек мөһим мәсьәләләр алга килеп баса. Шунның өчен һәр язучының тел үсешенә керткән өлешен барлау, аларны туплау һәм махсус өйрәнүләр таләп ителә.

Әдәбият

Ахунжанов Г. Х. Татар теленең идиомалары / Г. Х. Ахунжанов. Казан, 1972. 119 б.

Әхәтов Г. Х. Татар теленең лексикасы / Г. Х. Әхәтов. Казан: Тат. китап нәшр.-ты, 1995. 94 б.

Губайдуллина (Зиннатуллина) Г.Ф. Языковые и стилистические особенности ранней художественной прозы Гаяза Исхаки: дис. ... канд. филол. наук / Г.Ф. Губайдуллина (Зиннатуллина). Казань, 2001. 249 с.

Исхакый Г. Мулла бабай / Г. Исхакый // Мирас. 1995. №11. 27 с.
Исхакый Г. Әсәрләр. 15 томда. 1 т. / Г. Исхакый. Казан: Татар китап нәшр.-ты, 1998. 400 б.

Языковые особенности поэзии Чолпона

*Джадид, просвещение, поэзия, творчество, язык, единство, эпоха,
мыслитель, родина, единство, смысл, труд, сема, лексема, внимание*

В поэзии современных мыслителей, живших и творивших в бурное время конца XIX – начала XX века, воспевались любовь, родина, свобода – все темы общественной жизни. Джадид посвятил свою жизнь творческой и общественной деятельности. Кроме того, в период своей творческой деятельности представители Джадида уделяли особое внимание проблемам литературного языка.

Язык поэзии Чолпона, одного из таких современных просветителей, отличается от поэзии других художников многозначностью.

При анализе формы и смысловых отношений лексических единиц в языке поэзии Чолпона можно выявить особенности каждой лексической единицы в его поэзии. Лексико-семантические особенности слова воплощают его лексический, грамматический и семантический аспекты.

Часто, описывая значение слова, учитывают его связь с предметом и понятием и то, как оно выражается в языке [Sodiqov 1981].

Лексическое значение трактуется как идеальное явление. Современная лингвистика ищет пути материализации этого идеального явления. Одним из таких способов является изучение лексического значения путем разделения его на смысловые части. Выделяемое таким образом явление называется семой.

Метод семиотического анализа первоначально использовался для объединения лексических единиц в разные семантические группы (тематические, лексико-семантические группы) [Tursunov 1992].

С точки зрения языкознания слово представляет собой единство произношения и значения. Однако, поскольку слово связано с предметами и понятиями, оно представляет собой восприятие чего-либо существующего в сознании человека, и это восприятие осуществляется с помощью мышления. Следовательно, слово может обозначать понятие, предмет, событие или знак. Лексическое значение слова связано со значением корня слова.

В содержательном плане языка основное значение слова называется термином «семема». В плане выражения это называется

лексемой. Планы выражения и содержание языка рассматриваются в состоянии взаимозависимости¹.

На основе изложенной точки зрения были проанализированы отношения некоторых лексических единиц языка поэзии Чолпона. Полисемия – это свойство слова иметь несколько значений. Языковые единицы имеют одно или несколько значений. Явление одного значения – моносемия, такая характерная языковая единица называется однозначной единицей [Yo'ldoshev 2002].

Явление полисемии, представляющее полную противоположность вышеизложенным представлениям, требует особого внимания.

Лингвист М. Миртожиев, монографически изучавший явление многозначности слов, пишет следующее: «Известно, что существует множество возможностей появления в языке многозначных слов, и сильно развитая полисемия в языке не создает никаких затруднений для обмена идеями. Ее развитие является результатом взаимосвязанного понимания предметного существования, сравнительного изучения и отражения прогресса в языке. То есть многозначность – признак цивилизации. Там, где развились наука, техника, культура и искусство, эта нация больше видит взаимосвязь объективного существования, больше сравнивает их друг с другом, больше говорит языком, находит противоположное» [Mirtojijev 1984].

Представляется, что многозначность – вполне закономерное явление в любом языке, и ее наличие способствует расширению выразительных возможностей речи. По контексту многозначное слово реализуется в конкретной речи со своим конкретным значением, то есть его многозначность не приводит к неправильному пониманию идеи.

Напротив, особенно в художественной речи, двусмысленность может служить своеобразным средством выражения. Когда общество вступает в период интенсивного развития, в языке может произойти специфическое развитие. В речи появляется новый пласт слов (неологизмов), они популяризируются. Если проанализировать поэзию Чолпона, то можно наблюдать большое количество многозначных слов.

В словарном запасе узбекского языка меньше слов с одним значением по сравнению со словами с несколькими значениями, то есть большая часть слов в нем относится к многозначным. Соответственно, полисемия – обширное явление. Основная особенность многозначного слова состоит в том, что частные значения слова объединены в одно основное значение (центр) и, естественно, находятся в пределах одной категории [Suyunov 2002].

---

¹ O'sha manba. 98-b.

Чолпон эффективно использовал в своей поэзии многозначные лексические единицы. Ясное доказательство можно увидеть в следующих стихах:

...Вы прошли Восток с головы до ног.
Когда-то у земли была своя голова,
Великолепное, славное, культурное место.
Это время, когда сладка почва прекрасного Востока...
Прошло много времени... [Cho'lon 1991].

Многозначность можно наблюдать не только в поэзии Чолпона, но и вообще в поэзии многих современных авторов.

Литература

- Cho'lon. Yana oldim sozimni / Cho'lon. T.: Cho'lon, 1991. 13-b.
- Mirtojiyev M. O'zbek tilida polisemiya / M.Mirtojiyev. Toshkent: Fan nashriyoti, 1984. 136-b.
- O'zbek tilining izohli lug'ati. T. 2008. T.: 332,465-b.
- Rahmonov V. O'zbek klassik adabiyoti asarlari uchun qisqacha lug'at / V. Rahmonov. T.: O'qituvchi, 1983. 182-b.
- Sodiqov A. Tilshunoslikka kirish / A. Sodiqov, A. Abduazizov, M. Irisqulov. T.: Fan, 1981. 95-b.
- Suyunov B. Omonimiyaning polisemiya dan farqi / B. Suyunov. Til va adabiyot ta'limi. 2002. № 3. 43-44-b.
- Tursunov U. Hozirgi o'zbek adabiy tili / U.Tursunov. T.: O'zbekiston, 1992. 66-b.
- Yo'ldoshev M. Cho'lon so'zining sirlari / M. Yo'ldoshev. T.: Ma'naviyat, 2002. 23-b.

Специфика обработки идиом детьми с сенсорной и сенсомоторной алалией

*обработка речи, идиома, сенсомоторная алалия, сенсорная алалия,
переносный план высказывания*

Восприятие речи – это неотъемлемая ступень процесса понимания речи и овладения языком, формирующаяся и протекающая в рамках онтогенетических закономерностей. Обработка информационного кода представляет собой переплетение акустических, слуховых, когнитивных механизмов, которые чаще задействуются одновременно. При нарушениях развития импрессивной речи (сенсорная, сенсомоторная алалия) даже на стадии практически полной компенсации продолжает страдать обработка единиц с переносным планом высказывания (идиомы, пословицы, поговорки).

Успешная интерпретация идиоматических значений фразеологических единиц (ФЕ) как в родном, так и в неродных языках определяется внутренними (имеющими отношение к самой идиоме и ее использованию) и внешними (связанными с теми, кто говорит на языке) факторами.

В исследование были включены 14 детей с частично скомпенсированной сенсорной и сенсомоторной алалией в возрасте от 12 до 15 лет (уровень речевого развития 3–4). Для предъявления были выбраны стимульные материалы, подготовленные в НИЛ «Нейрокогнитивные исследования» Казанского федерального университета Н. Н. Елисеевой, Е. А. Горобец [Елисеева 2017], прошедшие лингвистическую валидацию в выборке типично развивающихся детей. Согласно полученным в исследовании данным, а также данным по носителям других языков [Levorato 2004, Cain 2008], среди типично развивающихся детей к возрасту 12 лет 80 процентов информантов могут правильно определить идиоматическое значение выражения.

Группе исследования были предложены идиомы, характеризующиеся высокой частотностью:

а) по синтаксической аналитичности гибкие, по степени разложимости аномально разложимые: «*мухи не обидит*», «*в одно ухо влетело, в другое вылетело*», «*бежать сломя голову*»;

б) по синтаксической аналитичности гибкая, по степени разложимости неразложимая: «*считать ворон*»;

б) по синтаксической аналитичности замороженные, по степени разложимости неразложимые: «*глаза разбежались*», «*душа в пятки ушла*».

Вопрос задавался с пояснением, не изолированно (с учетом того, что у детей в анамнезе недоразвитие речи). Допустим: когда учительница тебе говорит «не беги сломя голову», она что имеет в виду? В каких ситуациях люди говорят: «В одно ухо влетело, из другого вылетело?». Если в классе учительница просит не считать ворон, что она имеет в виду?

Информантам предлагалось объяснить единицы самостоятельно, а не выбрать правильный ответ из уже готовых вариантов.

Получены следующие результаты. Идиома «*мухи не обидит*» из всех предъявленных является самой удачной для детей с нарушениями импрессивной речи. Из 14 информантов верный ответ дали 8 человек, то есть более пятидесяти процентов. Остальные варианты: прямой повтор «*мухи не обидит – значит мухи не обидит*», «*ну это мухи не обидит*», а также ложное толкование, обусловленное несформированностью восприятия логико-грамматических конструкций «*мухи не обидят человека, но от них грязь*», два отказа от ответа.

Идиома «*душа в пятки ушла*» была верно интерпретирована тремя подростками, относительно близким было толкование «*трусливая душа, потому что ушла*». Остальные объяснения представляли собой по большей части прямое толкование: «*душа пошла ногами*», «*душа ушла пятками*».

Идиома «*бежать сломя голову*» была интерпретирована верно пятью информантами, остальные варианты («*бежать и голову смять*», «*голову сломать*») свидетельствуют о склонности к прямому толкованию.

Идиома «*В одно ухо влетело, в другое вылетело*» была верно истолкована двумя информантами. Частотным является ответ «*муха*» (четыре человека). Другие варианты: «*мозги вылетели*», «*камнем в ухо ударил, потом в другое*».

Идиомы «*глаза разбежались*» и «*считать ворон*» оказались недоступны детям из группы исследования.

«*Глаза разбежались*» – варианты толкований: «*это про ноги*», «*кто очки носит*», «*по голове стукнули этого / выпали глаза*», «*так не бывает*», «*про кто без глаз*». Дети преимущественно воспринимали данную идиому как лишение глаз.

«Считать ворон», соответствуется, интерпретируется преимущественно как подсчет ворон: *«Раз ворон / два ворон / три ворон // это так»*, *«когда вот / ну / надо считать/ надо считать // а не надо считать / так не надо считать»*, в ряде случаев – как подсчет птиц.

Литература

Елисеева Н.Н. Восприятие идиом русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника / Н.Н.Елисеева, Е.А.Горобец // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. №4 (50). С. 16–21.

Cain K. To get hold of the wrong end of the stick: Reasons for poor idiom understanding in children with reading comprehension difficulties / K. Cain, A. S. Towse // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2008. Vol. 51. Issue 6. Pp. 1538–1549.

Levorato M. C. Reading comprehension and understanding idiomatic expressions: A developmental study / M. C. Levorato, B. Nesi, C. Cacciari // Brain and Language. 2004. Vol. 91. Issue 3. Pp. 303–314.

**Когнитивно-семантический анализ концепта
«количество» в английском и казахском языках**

*когнитивно-семантический анализ, выражения количества,
семантическое поле, фразеологизмы, менталитет*

За последние десятилетия языковедение уделяет большое внимание языку не только как средству человеческого общения, но и как основному источнику способа создания новых мировидений.

Когнитивно-семантический анализ концепта «количество» в английском и казахском языках сосредоточен на проблемах, связанных с изучением корреляций между языковыми явлениями и когнитивными структурами.

Проблема проведения когнитивно-семантического анализа концепта «количество» в английском и казахском языках сложна в силу того, что эти языки не являются родственными ни типологически, ни генетически.

Общеизвестно, что процесс концептуализации связан с формированием и структурированием полученных знаний об окружающем мире. Когнитивно-семантический анализ, к которому мы обращаемся в своей статье, позволяет углубить наше понимание структуры и содержания концепта «количество» в английском и казахском языках. В разные годы ученые обращались к исследованию поля «количество» в рамках господствовавшей в то время научной парадигмы.

Исследование концепта «количество» в современном английском языке проводилось З. Я. Тураевой, Я. Г. Биренбаумом, Н. М. Сайфуллаевым, Н. И. Лепской, В. В. Шевченко, С. Н. Степаненко и Н. А. Бесединой [Беседина 2010; Копыленко 1993; Лепская 1990; Сайфуллаев 1989; Степаненко 2006; Тураева 1985].

И. Ю. Кузина изучала особенности количественных отношений на разных языковых уровнях – от фонетического до синтаксического [Кузина 2014].

Вклад в исследование средств выражения количества в казахском языке внесли М. М. Копыленко, Р. А. Авакова и Б. Майданкызы [Avakova 2018; Hornby 1992].

Символикой числовых компонентов фразеосочетаний занимались В. В. Шевченко на материале английского и Р. А. Авакова, Б. Майданкызы на материале казахского языка.

В когнитивной лингвистике концепт "Количество" также изучали В. В. Шевченко, Н. А. Беседина и С. Н. Степаненко

Концепт "Количество" в английском и казахском языках может быть репрезентированным как простыми числительными, фразеологизмами, так и паремиологическими средствами.

В философской энциклопедии категория количества определяется как отражение общих качеств однородных объектов и явлений. Чтобы определить это, важно установить их однородность, прояснить, в каком аспекте они схожи. Во-вторых, следует выделить то свойство, на основании которого рассматриваемые объекты могут быть сопоставлены, а также отвлечься от других их характеристик.

Систематизируя средства выражения категорий количества можно выделить следующие ее виды:

1. Подчеркнутая единичность, выражается следующими лексическими средствами:

а) числительное бір 'один', 'one'. One in a million 'редкий, уникальный', all in one 'все в одном', one too many 'слишком много в контексте для описания лишнего выпитого алкоголя', at one stroke 'одним махом', one-way street 'одностороннее движение', one-track mind 'мыслящий в одном направлении', one-stop shop 'магазин, где можно купить всё в одном месте', one-hit wonder 'исполнитель одного хита', one of a kind 'единственный в своём роде', one step at a time 'по одному шагу за раз'. Бір үзім 'одна ломоть', бір Құдай біледі 'один Бог знает', бір айдам жер 'расстояние в один месяц пути', бір ауыздан 'единогласно', бір есебін тапты 'нашёл способ', бір ауық 'ненадолго', бір түйір 'один кусочек', бір сәтте 'в один миг', бір басы артық 'один лишний человек', бір көзден 'из одного источника'.

б) прилагательные тождественные числительному один: жалғыз 'единственный', исключительный 'бірегей', единичный 'бір ғана', целый 'бір бүтін', сольный 'жеке'.

в) интенсивы: тек қана 'только', дәл именно, тек бір 'исключительно один', бір өзі 'один сам', жалғыз ғана 'всего один'.

1. Точная множественность (точные числа): «Жеті рет өлшеп, бір рет кес» 'Семь раз отмерь, один раз отрежь', «Екі қолға бір күрек» 'Одна лопата на две руки', «Бір тал кессең, он тал ек» 'Срубил одно дерево — посади десять', «Бір оқпен екі қоян ату» 'Убить двух зайцев одним выстрелом', «Мың рет естігенше, бір рет көр» 'Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать', «Бір күнде екі батыр шықпайды» 'В один

день два героя не появляются’, «Жүз рет айтқаннан бір рет көрсеткен артық» ‘Лучше один раз показать, чем сто раз объяснить’.

2. Приблизительность: дай рублей двадцать, лет шестнадцати, дней на 10, штук десять карандашей, метров двадцать пять, часов на два-три, килограммов пять яблок.

Содержание концепта «количество» позволяет детально выявить анализ смыслов, формируемых посредством других лексических единиц различной частеречной принадлежности, обнаруживающих количественную семантику, следующим образом:

1. «Қамшының сабындай қысқа ғұмыр». Означает «жизнь, короткая как рукоятка кнута», указывая на короткую продолжительность жизни без точного числа лет.

2. «Мың жасаған». Означает «доживший до тысячи лет», что выражает восхищение долгой жизнью или прочностью, без буквального числа.

3. «Ат төбеліндей топ». Переводится как «группа размером с лоб лошади», намекая на маленькую группу, без точного числа людей.

А в английской литературе можно привести такие примеры:

1. «A drop in the ocean». Означает «капля в океане», подчеркивает ничтожное количество на фоне большого, не указывая точное количество.

2. «A dime a dozen». Обозначает что-то очень распространенное или в избытке, не указывая конкретное число.

3. «A handful of people». Означает «небольшая группа людей», где слово “handful” намекает на ограниченное количество.

4. «Not a soul in sight». Переводится как «ни души на виду», указывая на отсутствие людей без точного числа.

5. «A stone’s throw away». Переводится как «на расстоянии броска камня», описывая близость, без точного указания расстояния.

Таким образом, в английской фразеологии числовые компоненты используются не только для буквального выражения количества, но и для создания более сложных смыслов. Эти выражения отражают культурные особенности и мировоззрение англоязычных носителей, подчеркивая важность количества в символическом и метафорическом ключе, создавая при этом точные и образные описания реальности.

Следующее число представляет собой «один». «Все числа происходят из мистической, невыявленной и не имеющей измерения единицы «Священной точки» и «Высшей силы». Это число символизирует духовное единство, которое является общей основой для всех существ».

Число «два» – две половинки одного целого, что означает беспокойство и непостоянство. «Два обозначает конфликт и противовес или противопоставление, или мгновенное успокоение сил, находящихся в равновесии». Казахский язык содержит множество пословиц и фразеологизмов с компонентом «два». Например, *Хан жарлығы екі болмайды* означает что человек обязательно выполняет то, что он обещал.

У большинства народов число «три» имеет сакральный характер, что связано с мировоззрением древних людей. Например, в мифологических представлениях индоевропейцев число «три» описывает весь мир, окружающий человека: небо, землю и подземный мир. В казахской идиоме имеется множества идиом с данным числом. Например: *Үш ұйықтаса түсіне кірмеген* — не лезть в голову, не ожидать, что так произойдет.

Горизонтальная плоскость и стороны света представлены числом «четыре». В космогонических мифах четырехчленная модель действует в горизонтальной плоскости (обычно — север, восток, юг, запад), тогда как трехчленная модель соотносится с вертикальной осью (небо, земля, преисподняя). Идиомы казахского языка с числом «четыре» имеют символическое значение. Например, *Екі көзі төрт болу* означает «ожидать, переживать, то есть терять спокойствие».

Число «пять» символизирует целостность и порядочность. На Ближнем Востоке и на Западе число пять считается символом целостности человеческого тела и связано с религиозными обязательствами: существуют пять основных молитв и пять раз повторяющихся священных клятв. В казахской идиоме существует несколько идиом с числом «пять»: *Бес саусақ бірдей емес* — каждый человек индивидуален, не похожи, *беттің суын бес төгу* — «покрыть позором» и т. д. [Тураева 1985].

Языковые структуры казахского и английского языков схожи, но когнитивно-семантический анализ количественного поля выявляет различия в культурных и когнитивных моделях: в казахском языке выражения количества часто несут символическое значение, а в английском ориентированы на точность и практичность.

Литература

Беседина Н. А. Концептуализация количества в современном английском языке / Н. А. Беседина, С. Н. Степаненко // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. С. 20–29.

Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке / М. М. Копыленко. Алма-Ата: Евразия, 1993. 184 с.

Кузина И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (Введение в проблематику) / И. Ю. Кузина // Журнал Magister Dixit. 2014. С. 108–118.

Лепская Н. И. Категория количества: ее формирование в онто- и филогенезе / Н. И. Лепская // Структуры языкового сознания. М., 1990. С. 277–290.

Сайфуллаев Н. М. Логический анализ понятия количества / Н. М. Сайфуллаев. Душанбе: Дониш, 1989. 133 с.

Степаненко С. Н. Уровни языковой концептуализации количества в современном английском языке. Единство системного и функционального анализа языковых единиц / С. Н. Степаненко. 2006. С. 185-189.

Тураева З. Я. Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка) / З. Я. Тураева, Я. Г. Биренбаум // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122-130.

Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Шевченко. М., 2001.

Avakova R. A. Symbolic Meaning of Numbers in Kazakh Language Phraseology / R. A. Avakova, B. Maidanqyzy // Journal of Oriental Studies. 2018. №1 (84). 107 p.

Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. Oxford: Oxford University Press, 1992. Vol. I–III.

**Композиты с заимствованным компонентом в немецком языке:
морфологическая классификация**

*компози́ты, компози́тообразова́ние, вокабуля́р, гротескные формы,
слова-гибриды*

Любой язык представляет собой открытую систему, в которой изначально заложено обновление. Однако процесс появления неологизмов характеризуется исторической неравномерностью, поскольку связан с лингвистическими и экстралингвистическими факторами, то есть изменениями в социуме, развитием науки и техники, международными политическими, экономическими и культурными контактами. Эти факторы в совокупности с техническими и материальными новшествами не могли не сказаться на количественном росте современного немецкого вокабуляра, на формировании отдельных его участков.

Все новые факты и явления действительности, все изменения в окружающем человека мире вещей и идей непременно обозначаются – складываются их наименования, имеющие форму слов и словосочетаний. В зависимости от актуальности обозначаемых объектов и интенсивности упоминаний их новизна, первоначально фиксируемая обществом, исчерпывается, и они становятся словами общеупотребительными или обретают качество устаревших или редких слов – иными словами, устанавливается их функциональный статус.

Увеличение словарного состава происходит также и путем заимствований. В последнее время особенно это происходит за счет англо-американского словарного материала. В русском языке эта тенденция «не приняла таких гротескных форм, как в немецком» [Розен 2000: 7]. Активность немецкого словообразования существенно поддерживает экспансию англицизмов, стимулируя организацию англо-немецких и немецко-английских слов. В немецком языке подобных слов, так называемых гибридов, множество. Словообразовательные возможности данного языка практически безграничны, вследствие чего в актах речи возникает великое множество новых сложных цельноформленных единиц, не фиксируемых словарями, потому что они продукты одномоментного языкового творчества коммуникантов. Людвиг М. Айхингер пишет: «Словообразование приходит нам на помощь, когда нам не

хватает слов. Например, в случае если нам необходимо выразить определенные взаимосвязи в тексте или если в языковом сообществе возникает чувство, что в лексиконе языка не заполнено какое-либо интересное место» [Eichinger 2000: 28]. Лингвисты в большей или меньшей степени занимаются исследованиями сложных слов, которые называются композитами. В Германии областью композитообразования занимаются такие известные ученые, как Е. Доналис, Д. Эрбен, В. Флейшер, Б. Гершбах, Х. Херингер и другие. Несмотря на то, что существуют самые различные классификации композитов (в зависимости от подходов и критериев выделения), в немецком языке принято считать, что для синхронной лингвистики особенно важна классификация композитов по морфологическим и синтаксико-семантическим критериям. Кроме того, композиты можно классифицировать по формальным критериям – например, по количеству звеньев или наличию элементов соединения.

При классификации сложных слов, в основе которой лежит морфологический критерий, А. М. Искоз и А. Ф. Ленкова указывают, что композиты могут принадлежать к любому классу слов [https://studbooks.net/2100873/literatura/typu_kompozitov, 1].

Морфологически композиты классифицируются в соответствии с частью речи последнего элемента в сложном слове (называемого «вторым звеном», «основным словом», или «основанием»). Таким образом, композиты в немецком языке подразделяются на субстантивные, адъективные, нумеральные, вербальные, адвербальные и другие [Kana 2000: 26]. В рамках частей речи могут быть выделены различные подкатегории в зависимости от компонентов, которые составляют эти композиты. В немецком языке существуют различные вариации словосложения частей речи, так как в этой системе это основной способ словообразования, как уже неоднократно подчеркивалось.

В эмпирическом материале, который нами анализируется, выявлены заимствованные компоненты различной этимологии: это английские (*over, baby, back, banking, bar, account, acid, action, DAT, DVD*), латинские (*ad, addition, ad usum, adult, adverb, agitatio, agro, direkt*), греческие (*acryl, aero, bio, dermat, demo, chlor, gastro, gen, makro, manisch*), французские (*ballon, adresse, air, debüt, cabrio, chambre, chanson, chef, garage*) слова, компоненты, основы, аббревиатуры [Duden 2000; <https://dr-notes.com/duden-das-herkunftswoerterbuch-5-auflage-pdf-voi>].

Нужно отметить, что морфологическая классификация сложных слов в немецком языке ранее проводилась лексикологами, однако новизна нашего исследования заключается в том, что таксономия основывается именно на неисследованном материале; кроме того, сложное

слово содержит неисконный компонент различной этимологии. На основании сплошной выборки из словаря Дудена «Fremdwörterbuch», а также текстов публицистики и научного жанра нами было выделены следующие композиты с заимствованным компонентом в немецком языке в соответствии с морфологической классификацией:

1. Субстантивные композиты (Substantivkomposita) характеризуются наличием существительного в качестве основного или второго компонента:

Субстантивные композиты подразделяются на следующие подтипы:

1) существительное + существительное:

a. имя нарицательное + имя нарицательное: *Gameboy, Jobcenter, Ladyshave, Laryngospasmus, Laserstrahl*;

b. имя собственное + имя нарицательное: *Jamaikapfeffer, Jamaikakoalition, Japanologie, Pullmanwagen, Downsyndrom*;

2) прилагательное + существительное: *Bad Trip, Bad Bank, Yellow Press, Blackbox, Red Power*;

3) глагол + существительное: *Talkmaster, Showboat, Showbusiness, Scratchspieler, Callcar*;

2. Адъективные композиты (Adjektivkomposita) в своем составе содержат прилагательное:

Адъективные композиты подразделяются на следующие подтипы:

1) существительное + прилагательное: *bateriologisch, bakteriostatisch, cholostatisch, choreiform, chlorsauer*;

2) прилагательное + прилагательное: *marxistisch-leninistisch, chemisch-technisch, organisch-biologisch, medizinisch-technisch, brachykatalektisch*;

3) наречие + прилагательное: *downloadbar, linksextremistisch rechtsextremistisch*;

3. Вербальные композиты в качестве компонента имеют глагол (Verbkomposita):

Вербальные композиты подразделяются на следующие подтипы:

1) конфикс + глагол: *aerosolieren, autografieren, monogrammieren, kontrapunktieren*;

2) предлог + глагол: *ausagieren, abhorreszieren, abkonterfeien, aufstylen, ausbalancieren*;

Таким образом, на основе морфологического анализа сплошной выборки композитов с заимствованным компонентом в немецком языке по словарям Дудена, а также из онлайн-словарей и других источников (публицистических и научных текстов) можно сделать следующий

вывод: большую часть композитов составляют субстантивные, затем идут адъективные и вербальные.

В результате анализа более 10000 единиц, представляющих собой сложные слова, можно отметить, что заимствованный компонент, присоединяясь в соответствии с продуктивным способом сложения в немецком языке к основе, образует практически бесконечное число новых слов, которые увеличивают долю исконной немецкой лексики, поскольку в процессе ассимиляции происходят различные смены грамматических характеристик.

Литература

Duden Das Fremdwörterbuch/Ursula Kreif, Anja Konopka, Olaf Thyen. 10 Auflage, Dudenverlag, 2010. 1104 p.

Duden Das Herkunftwörterbuch, 5. Auflage [Электронный ресурс] URL: <https://dr-notes.com/duden-das-herkunftsworterbuch-5-auflage-pdf-voi> (дата обращения: 17.04.2024)

Eichinger L. M. Deutsche Wortbildung: Eine Einführung / L. Eichinger. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. 268 S.

Kana T. Wortbildung: Umriss der Theorie mit Aufgaben und Übungen / T. Kana. Brno: Masarykova univerzita. Elportál, 2012.

Розен Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е.В.Розен. М.: Издательство «Менеджер», 2000. 192 с.

Семантический и прагматический потенциал сложных слов в современном немецком языке/Типы композитов. URL: https://stud-books.net/2100873/literatura/typy_kompozitov (дата обращения: 17.04.2024)

Text and discourse: Using vocabulary in political discourse in English

*political characters, linguistic personalities, political discourse,
political speeches, interviews, and English lexicology*

1. Introduction.

Before the globalization of communication processes, which has become a new reality in the Internet age, the integrative use of foreign language vocabulary is one of the main expectations in text and discourse. It is known that having a sufficient political lexical base is the main condition for the use of political texts in English.

The authors determine the functions of English vocabulary as the nomination of urgent notions of global political communication. In this case, language creates the modern politician's image and presents the potential structure of discourse in speech.

One of the most crucial abilities needed in the context of the increased global information exchange is the ability to use vocabulary from other languages in conversation. Both linguistic and extralinguistic factors influence the necessity of a particular component in the foreign language system. Numerous objective reasons for learning and using a foreign language dictionary are significant, according to the analysis of scientific works. In this sense, as new ideas were adopted, university texts started to reflect the use of foreign political terms and their adoption in international discussions.

2. Essential vocabulary of political texts in the English language

Numerous authors have tackled the challenge of teaching socio-political vocabulary in English in the methodological literature of the past few years. In their research, V.Z. Demyankov and N. Fairclough describe the political vocabulary as commonly used political lexical units and terms and suggest its connection with other concepts in the political sphere, such as specific words or expressions, sometimes using political terms. An accurate dictionary, including proper names, place names, and numbers, provides them using a variety of political terms [Demyankov 2002; 1: 32; Fairclough 1997; 2: 264].

D. Graber and O. Feldman define the socio-political lexicon as a set of lexical units that name concepts of social, political, and social reality related to ideology (i.e., have ideologisation) and are used in almost all areas of

everyday communication [Graber 2003; 6: 33; Feldman 1998; 3: 215]. A political lexicon is a collection of concepts and information from "politics, economics, philosophy, history, social science, law, philosophy, political economy, literature, art, diplomacy, military defense, and cultural-educational spheres.

According to T. A. Filonenko, G. E. Jacobs, and J. Williams, teaching socio-political lexicon while considering the development of linguistic, discursive, sociocultural, and strategic competencies lays the groundwork for an efficient teaching organization [Filonenko, 2005; 4:24; Jacobs, 2003; 7: 396; Williams, 1995; 10: 121].

English language instructors themselves can organize the process of teaching the specialized language to students who study English for professional purposes in language faculties in a way that satisfies contemporary requirements by expanding their knowledge and proficiency in pragmatics, sociolinguistics, and other disciplines.

Using sociopolitical terminology is an important part of communication between young people and politicians. Students demonstrate efforts to understand the meaning of the socio-political vocabulary that is currently in use because it is acknowledged that it reflects the political structure. They are interested in how a modern politician's speech relates to students' language competencies. It is known that context is considered one of the main elements that influence how speech is formed. According to R. Fowler, context is a situation in which people communicate and rely on their mental models or ways of thinking [Fowler 1991; 5: 254].

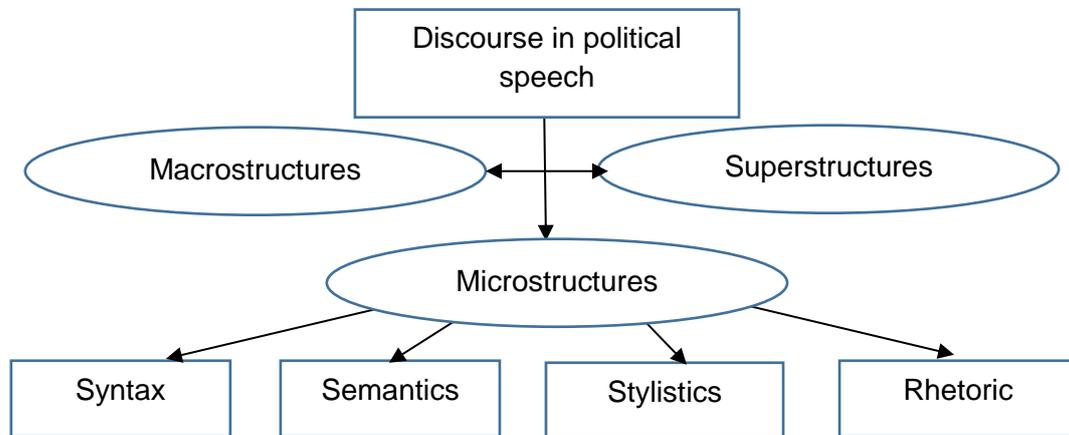
Selecting and comprehending the socio-political lexicon in terms of its accessibility, applicability, and frequency in various contexts is crucial. Finally, appropriate semanticization and a variety of activities that aid in the acquisition of these words should be used to teach the political context in English language instruction. Scientists interpret the text as a speech that is viewed as a deliberate social activity, a component of human interaction and consciousness mechanisms (cognitive processes), and a text that is related to extralinguistic, pragmatic, sociocultural, and other factors.

3. Discourse structure in speech

Discourse structure primarily concerns how a text is structured—essentially, the path a text takes from beginning to end. The word "*discourse structure*" refers to the organization of a whole text, such as the language used in a poem, newspaper article, or speech intended to be read aloud.

According to T. Pica (Picture 1), discourse in speech consists of macrostructure, superstructures, and microstructures that contain syntax, semantics, stylistics, and rhetoric [Pica 1984: 9: 21]. The syntax is about sentence structure with political terms, using active and passive, coherence,

and relevant pronouns. Semantics in emphasizing political issues is full of divisions of pros and cons, presupposition, hyperbole, blaming, and more details. Stylistics refers to choosing variations of words and lexis, and rhetoric drives using repetitions, metaphors, metonymy, and few terms in speech.

Picture 1. Discourse structures in speech (Pica, T.)

Conclusion.

In modern times, in the teaching of a foreign language, students should be able to obtain information from the processes of globalization taking place in the world and should have the ability to express their attitude on various issues correctly, adequately, and creatively in the specialized language. Effective use of socio-political vocabulary in the discourse proves the increased attention to this field. The study suggests that the effective use of journalistic discourse should be taken into account during the study of socio-political texts. Specialists working in the field of the English language should be able to reflect its linguistic, communicative, social, and social-political content in the speech process.

References

- Demyankov V. Z. Political discourse as subject of political philology, Political science. Political discourse: History and modern researches (pp. 32-43) / V. Z. Demyankov. Moscow: INION of the Russian Academy of Sciences, 2002.
- Fairclough N. Critical Discourse analysis / N. Fairclough, & R. Wodan // J. Van Dijk (ed.). Discourse as Social Interaction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
- Feldman O. Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere [Text] / edited by O. Feldman, C. de Landtsheer. L.: Praeger Publisher, 1998. 212 p.

Filonenko T. A. Genre and stylistic characteristics of an English-speaking scientific and methodical discourse (abstract of a thesis of cand. phil. sciences) / T. A. Filonenko. Samara, 2005.

Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. / R. Fowler. London: Routledge, 1991. 254 p.

Graber D. "Styles of image management during crises: Justifying press censorship / D. Graber // Discourse & Society. 2003. № 5. P. 33.

Jacobs G. E. Complicating contexts: Issues of methodology in researching the language and literacies of instant messaging / G. E. Jacobs // Reading Research. Quarterly, 2004. №39/4. P. 394–406.

Krashen S. Formal and informal linguistic environments in language acquisition and language learning / S. Krashen // TESOL Quarterly. 1976. № 10. P. 157–168.

Pica T. Second Language Acquisition, Social Interaction and the Classroom / T. Pica // Applied Linguistics. 1987. № 8/1. P. 3–21.

PC Wars. Politics and Theory in the academy / J. Williams. New York: Routledge, 1995.

Wilson J. Politically speaking / J. Wilson. Cambridge: Blackwell, 1990. Pp. 121–154.

К проблеме коммуникативно-ориентированного обучения русскому языку как иностранному

*русский язык, лексика, грамматика,
коммуникативная компетенция, контекст, ситуация*

Изменения в социально-экономической сфере Азербайджана оказали заметное влияние на преподавание иностранных языков, включая и русский язык. Эти изменения привели к трансформациям, направленным на развитие и адаптацию методики преподавания в соответствии с новыми реалиями и потребностями общества.

Современные изменения в образовательных, социальных и экономических условиях действительно привели к пересмотру целей и задач в преподавании неродных языков. В Азербайджане, как и в других странах, методисты и лингвисты ставят перед собой комплексные цели, которые направлены на создание эффективной и адаптированной системы обучения русскому языку как иностранному. Основные вопросы включают как общие цели, так и конкретные задачи на каждом этапе обучения, учитывая уровень владения языком и возраст учащихся. Вот несколько ключевых аспектов, которые сейчас выделяют специалисты:

1. **Развитие коммуникативной компетенции.** На всех уровнях обучения главной целью остаётся развитие умения свободно общаться на иностранном языке. Это включает навыки устной речи, понимания на слух, чтения и письма. Для этого вводятся задания, которые приближены к реальным ситуациям и учат применять язык в жизни.

2. **Адаптация к жизненным и профессиональным ситуациям.** Важной целью стало обучение языку для конкретных целей – будь то деловое общение, туристические поездки или академическая сфера. Эффективное обучение включает задачи, которые готовят студентов к реальным жизненным и профессиональным ситуациям.

3. **Интеграция с культурным контекстом.** Осознание культурных различий и знакомство с культурой страны изучаемого языка важно для полноценного владения им. В современных методиках много внимания уделяется межкультурной компетенции, пониманию культурных норм, особенностей поведения и менталитета, что помогает избежать недопонимания и барьеров в общении [Китайгородская 1993: 74].

4. Систематическое освоение лексики и грамматики. Для неродного языка особенно важна системность. На начальном этапе основной акцент делается на базовый словарный запас и простую грамматику. На следующих этапах – углубление грамматических структур и обогащение словарного запаса, что позволяет учащимся осваивать более сложные формы выражения мысли и понимать текст на более высоком уровне.

5. Использование современных технологий и мультимедийных средств. Интерактивные и цифровые технологии позволяют более эффективно внедрять язык в жизнь учащихся, особенно молодого поколения. Цифровые платформы, приложения для изучения языков и мультимедийные ресурсы делают процесс обучения более увлекательным и вовлекающим, помогая преодолевать языковые барьеры.

6. Поэтапный подход к достижению языковых уровней. Для каждого этапа обучения ставятся чёткие цели в соответствии с международными уровнями владения языком. Такой подход позволяет учащимся видеть свой прогресс и достигать поставленных задач постепенно, по мере повышения уровня компетенции.

7. Поддержка критического мышления и когнитивных навыков. Обучение иностранным языкам нацелено не только на язык, но и на развитие аналитических и когнитивных навыков. Это помогает учащимся глубже понимать тексты, выражать свои мысли и критически оценивать информацию, что особенно важно для учащихся продвинутых уровней [Маслыко 2004: 169].

Для достижения этих целей разрабатываются программы, которые включают последовательные задачи, ориентированные на возраст и уровень подготовки учащихся. На каждом этапе предполагается как развитие языковых навыков, так и более глубокое понимание культурного контекста, что помогает студентам становиться уверенными пользователями иностранного языка в различных сферах жизни.

Задача обучения любому иностранному языку (в нашем случае русскому), состоит в том, чтобы обеспечить наиболее быстрое и эффективное усвоение неродного языка как нового средства общения. В этом случае необходимо решить две проблемы: чему учить и как учить.

Минимизация языкового материала для целей обучения – один из основных принципов современной методики. Эффективное преподавание русского языка как иностранного требует, прежде всего, выявления наиболее употребительной лексики.

Выбор учебных материалов напрямую зависит от целей и задач каждого занятия, а также от грамматического и лексического материала, который будет изучаться на этом занятии. В таких ситуациях

преподавателю приходится проводить большую творческую работу по отбору наиболее подходящих существующих материалов и подготовке дополнительных материалов, в основном упражнений. В коммуниктивно-ориентированных курсах русского языка подход к грамматическому материалу отличается от традиционного. Главной целью здесь является не только формальное знание грамматических правил, но и их использование в реальных коммуникативных ситуациях. Такой подход позволяет учащимся интегрировать грамматику в процесс общения, делая её более функциональной и применимой. Основными особенностями этого подхода являются:

1. **Грамматика как средство общения.** Грамматический материал рассматривается не как самоцель, а как инструмент для выражения мыслей и идей. На каждом занятии вводится новая грамматическая конструкция, которая сразу же закрепляется в различных практических упражнениях, ориентированных на её использование в речи.

2. **Минимизация теории, акцент на практику.** Теоретическое объяснение грамматики сводится к минимуму. Внимание уделяется простому и понятному объяснению, чтобы учащиеся могли быстро перейти к практике. Основной акцент делается на тренировке конструкций в разговорной речи через упражнения, диалоги и ролевые игры.

3. **Постепенное наращивание сложности.** Грамматический материал вводится постепенно, начиная с базовых, наиболее употребительных конструкций. По мере освоения учащимися более простых структур, вводятся более сложные, что позволяет им строить полноценные высказывания.

4. **Интеграция грамматики с лексикой и тематикой занятия.** Новые грамматические конструкции вводятся в контексте лексических тем, которые соответствуют интересам и потребностям учащихся. Это помогает им воспринимать грамматику как неотъемлемую часть языка, а не как отдельный элемент.

5. **Использование ситуаций, приближенных к реальным.** Задания строятся так, чтобы побуждать учащихся применять грамматические конструкции в реалистичных ситуациях. Например, после введения грамматического материала о прошедшем времени студенты могут разыграть диалог о событиях прошлого дня или рассказать о своих выходных.

6. **Работа с ошибками через обратную связь.** В коммуниктивно-ориентированном подходе ошибки воспринимаются как естественная часть процесса обучения. Важна не столько их полная корректировка на начальном этапе, сколько мягкое исправление и

указание на ошибки в процессе общения, чтобы учащиеся могли учиться на своих ошибках.

7. Использование игровых и интерактивных методов.

Грамматические структуры закрепляются через игры, интерактивные упражнения и креативные задания [Акишина 1996: 58]. Это позволяет учащимся легче запоминать грамматику и уменьшает страх перед ошибками, делая обучение более увлекательным.

8. Контекстуализация грамматического материала: Обучение грамматике происходит в контексте повседневных тем (семья, работа, досуг, путешествия), что делает её использование более естественным и помогает учащимся быстрее перенести знания в реальные ситуации общения.

Таким образом, грамматика в коммуникативно-ориентированных курсах русского языка преподается как функциональный инструмент, который учащиеся осваивают через активное использование. В коммуникативно-ориентированных курсах русского языка используются различные виды упражнений, которые помогают формировать у учащихся всесторонние языковые навыки. Эти упражнения охватывают разные аспекты, такие как грамматика, семантика, разговорная речь, чтение и аудирование, и направлены на то, чтобы учащиеся могли применять русский язык в реальных ситуациях общения.

Литература

Акишина А. А. Игры на уроках русского языка / А. А. Акишина, Т. Л. Жаркова. Москва: Русский язык, 1986.

Китайгородская Г.А. Мосты доверия. Интенсивный курс русского языка. Учебник. Книга для преподавателей / Г. А. Китайгородская, Я. В. Гольдштейн, Т. Э. Смородинская. Москва: Русский язык, 1993.

Маслыко Е. А. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие. 4-ое изд. / Е. А. Маслыко, П. К. Бабинская, А. Ф. Бутько, С. И. Петрова. Минск: Вышейшая школа, 2004.

Сферы-источники прецедентных феноменов в речи студентов филологов: коммуникативный подход

прецедентные феномены, корпус источников прецедентных феноменов, социальная коммуникация, образовательная коммуникация, культурная коммуникация

Прецедентные феномены (далее ПФ. – М.М.) стали неотъемлемой частью современной коммуникации, они отражают ценности представителей разных социальных групп, являются маркерами их фоновых знаний и указывают на принадлежность к определенным субкультурам [Кушнерук 2006: 65]. Использование ПФ – один из оригинальных и в то же время экономичных по затрачиваемым на речепроизводство усилиям способ украшения собственной речи и привлечения к себе внимания со стороны собеседников. Корпус ПФ постоянно модифицируется, что может быть обусловлено изменениями, происходящими в сферах-источниках единиц прецедентности. Наиболее интересна в этом плане совокупность сфер-источников ПФ, используемых в устном студенческом общении, так как студенты относятся к числу тех социальных групп, члены которой наиболее оперативно реагируют на все изменения, происходящие в разных видах коммуникации и легко усваивают всё то новое, что впоследствии может пополнить арсенал ПФ.

Как правило, сферы-источники прецедентных феноменов изучаются на материале рекламного [Кушнерук 2006; Алексеева 2009 и др.], политического [Нахимова 2003; Кушнерук 2021 и др.], педагогического [Бирюкова 2005 и др.] дискурса. Специальные исследования, посвященные возникновению и функционированию прецедентных феноменов в студенческой устной речи единичны [Незнаева 2018]. Более того, в работах обычно рассматриваются явления прецедентности, сформировавшиеся на материале художественной литературы.

Материалом нашего исследования стала устная речь студентов Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Коммуникативный подход к исследованию эмпирического материала позволяет изучить рассмотреть. Сферы-источники ПФ рассматриваются нами с позиции актуальных для студентов коммуникативных видов деятельности: художественная, социальная и образовательная. Соответственно, представляется возможным

выделение трех базовых сфер-источников ПФ: художественная, социальная и образовательная.

В ходе исследования проанализировано 110 микродиалогов, в которых выявлены прецедентные единицы, относящиеся к следующим коммуникативным сферам и подсферам:

- художественная (52%):
  - кино- и мультипликационное искусство (33,7 %);
  - песенное творчество (11,8%);
  - художественная литература (7,3%).
- социальная (41,8%);
- образовательная (4,54 %).

Художественная сфера наиболее часто становится источником прецедентности, что позволяет сделать предварительные выводы о том, что художественная коммуникация занимает ведущую позицию среди других видов коммуникации, актуальных для студенческой филологической субкультуры. Состав данной группы ПФ не ограничивается произведениями художественной словесности (*Ладно хоть живой. А то он и так калеченый-малеченый; нам ведь не дано предугадать, как слово наше отзовется; это как круглый стол овальной формы*), в нее также входят текстовые реминисценции из жанров «игрового кино» (*Мы здесь ради мечты, за себя и за Сашку; он еще пришел в таком красном комбидресе // сам пошил?; как тебя занесло в испанский монастырь?*), мультипликационных фильмов (*хорошо, что мне всё объяснили, плохо, что я ничего не помню, но это, очевидно, уже мои проблемы; у нас с ежиком нет моего и его, у нас всё общее; я на острове своем тихо сам с собой вдвоем; ну жених!*) и песен (*дорогая, тебе не нужны такие отношения; как бы не старался, никак; надо было встать, хлопнуть по столу*).

Принципиально новым пространством для реализации ПФ в сравнении с культурной сферой является интернет, преимущественно социальные медиа, отличающиеся от традиционных СМИ возможностью совместного создания контента. Данный корпус источников выделяется стилистической и жанровой разнородностью, так как он представлен модифицированными высказываниями (*Страшно, очень страшно, если бы мы знали, что это такое, но мы не знаем, что это такое; зачем ты ему это показал?; я в этой жизни ищу только спокойствия и умиротворения*) и прецедентными именами (*мне нужен свой Сафонов*) из фрагментов интервью, новостных выпусков, политических дебатов, блогов, развлекательных роликов, видеорядов из социальных сетей известных публичных и медийных личностей

Образовательная сфера – самый немногочисленный по наполнению корпус источников. Несмотря на то, что большую часть времени студентов-филологов занимает процесс обучения, они редко используют его как пространство для пополнения ПФ. Данная тенденция обусловлена ограниченностью коммуникативных ситуаций, подходящих для успешной реализации прецедентных единиц из образовательной сферы. Названная сфера полностью представлена видеоизмененными высказываниями преподавателей, что также придает им узуальный характер (*Писец ошибся; сейчас я добыю молодого человека и всё; ты же знаешь, что спать ночью – это преступление для студента; ничего, мне, между прочим, тоже не свойственно христианское всепрощение; чтобы вы потом не мяукали*). Более того, образовательная коммуникация отличается наличием определенных рамочных условий, что препятствует частому использованию языковых единиц, выходящих за пределы языкового аспекта, в то время как текст-источник сопряжен с эмоционально-экспрессивной составляющей речи [Кириллук 2002: 70]:

Таким образом, в работе предпринят новый подход к изучению сфер-источников прецедентных феноменов, что позволило обратить внимание на не исследованную еще учеными, но значимую для студенческой субкультуры коммуникативную сферу – образовательную. К числу актуальных источников относится и сфера социальной коммуникации, опосредованной интернет-ресурсами, которая представлена разнообразными жанрами как традиционными, так и новым. Вместе с тем проведенное исследование позволяет говорить о том, что художественная коммуникация остается тем источником прецедентных феноменов, к которому студенты обращаются чаще всего.

Литература

Алексеева М. С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: дис. ... канд. филол. наук / М. С. Алексеева. Нижний Тагил, 2009. 236 с.

Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Кушнерук. Екатеринбург, 2006. 218 с.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. Екатеринбург, 2007. 207 с.

Незнаева О. С. Особенности функционирования прецедентных имен в речи студентов как символов прецедентных текстов и прецедентных ситуаций / О. С. Незнаева // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 2 (18). С. 153–157.

Подгорецки Ю. Социальная коммуникация – наука XXI века / Ю. Подгорецки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2. С. 157–163.

Шевченко Е. С. Художественная форма в социальной коммуникации / Е. С. Шевченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №1. С. 46–52.

Щербакова А. А. Производство искусства в системе общения / А. А. Щербакова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №47. С. 79–84.

Штерн О. В. История становления понятия «образовательная коммуникация» / О. В. Штерн // Научно-педагогическое обозрение. 2018. №2 (20). С. 152–160.

Шутенко А. И. Развитие образовательных коммуникаций в современном вузе / А. И. Шутенко // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 80–86.

Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Филология. 2012. №3. С. 160–172.

Some factors influencing the speech culture of the Azerbaijani language

Azerbaijani language, speech culture, development, influence, stylistics

The fact that language is a system of conventional signs confirms that it is considered as a source of ideas that shape thinking. From this point of view, it is wrong to refer to specific languages to learn a language, to talk about any language, because the language is common. Language is the key to thinking, a means of intellectual activity. Concepts formed in human thinking are refined and materialized through language.

The Turkic language family is one of the largest language families classified by genetic characteristics. As in other language families, the languages included in this family are very close to each other lexically, morphologically and syntactically.

The Azerbaijani language is included in the Oguz subgroup of the Oguz group of languages in the Turkic family. This language always has a special position within the group. The Azerbaijani language is closer to Turkish (Ottoman), Turkmen and Gagauz than to other languages.

Language is considered an integral part of culture. In general, culture is a set of spiritual and material resources that covers and serves all spheres of public life and is the result of human consciousness and activity. Thus, speech culture demonstrates our culture of oral and written communication. To do this, a person is required to speak correctly, accurately and meaningfully.

The main principle of speech culture is to follow the norms of the literary language, orthoepic in oral speech, orthographic in written speech, as well as lexical, grammatical and functional-stylistic norms in both cases. Although the norms of the literary language are stable over a certain period, in general they are changeable. And that is why the norms of the modern Azerbaijaniliterary language differ from the literary norms of, say, the periods of “Dede Gorgud”, Nasimi, Fuzuli, Vagif, Jalil Mammadguluzade, etc. These intellectuals have been fighting tirelessly for many years in the field of opening schools in Azerbaijan, writing textbooks for schools, solving the alphabet, spelling, and so on, despite all the pressure and restrictions, they also talked about practical issues of our language, vocabulary, style and

high school students have repeatedly stressed the importance of mastering the culture of speech.

M. F. Akhundov, in all his artistic and scientific works, expressed scientific opinions about the culture of speech, oratory, eloquence of speech, brevity and clarity of speech, stage speech, spelling norms of our language, and so on. At that time, the great thinker tried to prove both theoretically and practically that our language is a very rare and poetic language.

Two main aspects are necessary for a good speech presentation:

1) The richness of the language of each nation is a certain sound system, vocabulary, possibilities of word-making, a fixed grammatical system and democratized possibilities of expression.

2) The maximum level of training of a native speaker of this language is the skills and abilities to use the expressive capabilities of the language, that is, the perfection of the user of speech [Hasanova 2022: 45].

From the point of view of speech culture, the requirements for oral and written speech (compliance with spelling in the first case and spelling in the second) seem to be different, but in fact they are common: in both cases, compliance with the norms is assumed. To follow the historically established literary language (speech), and these norms, in fact, the typology has the same origin. It should be recalled that the spelling of the Azerbaijani language, as a rule, is based not on the historical and traditional, but on the phonetic principle.

It is clear then that the differences between the spelling and orthoepy of the language are incomparably smaller than in some languages (for example, English).

When determining the cultural level of speech, as already mentioned, the main requirement is compliance with the norms of the literary language. And this requirement is reflected in the concept of “correctness of speech”. However, there is a second concept that shows the special speech talent of an orator or writer - “speech expressiveness”. If “correct speech” is required from every cultured member of society, then “expressive speech” usually acts as a phenomenon of professionalism or skill.

The Azerbaijani language did not immediately reach its current level of development. It is a product of several centuries. In the early days, as in other languages, the vocabulary of the Azerbaijani language was poor and the grammatical structure was simple. However, as the historical development of our people progressed, the sound system of our language gradually became more fluent, the vocabulary was enriched, and the grammatical system was improved.

The Azerbaijani language, which has preserved its identity throughout history, gradually developed and became the national language in the XIX

century. During this period, the struggle against the independence of the Azerbaijani language intensified. However, the leading people of that time and the whole nation began to defend the national existence of the language.

A rich stylistic system has been created in the literary language of Azerbaijan since ancient times. Our literary language had different styles at different stages of its development. Over time, these styles have grown, enriched and improved. Currently, the literary language of Azerbaijan has the following styles.

Artistic style, scientific style, publicistic style, official style. These styles have both common and unique characteristics. “The artistic style fully meets the criteria of functional style. Therefore, it can be included among other functional styles of the literary language. Artistic style is a linguistic phenomenon with an independent and rich functional stylistic load. The artistic style is characterized by high imagery, emotionality and expressiveness in its features and characteristics. This style is closer to folk than other functional styles” [Gurbanov 2019: 203].

The artistic style occupies a special place in the literary language of Azerbaijan. This style is historically ancient and very massive in nature. The artistic style has been the basis of our literary language since its inception.

Scientific expression of thought is called scientific style. Scientific style is also called scientific language. There is no imagery and emotionality in the scientific style.

It includes the language of all scientific and methodological works. “Every member of modern society encounters oral or written texts of this style to one degree or another at different points in life. Therefore, mastering the speech norms of scientific and scientific-educational style are important components of the culture of oral and written speech. The development of the scientific style is connected with life and activity in various fields of nature and society” [Ismayilova 2016: 136].

Of course, speech culture should not create the impression of a formal or mechanical collection of sounds, words, sentences and functional-stylistic techniques or actions, no matter how correct, orderly, harmonious they may be. Because this speech is considered cultural speech, which is more or less based on a perfect culture of thinking.

In general, as important as the unity of reason and feeling is in a person’s thinking, so important is the share of informativeness and expressiveness or emotionality in his speech.

References

Həsənova N. M. Azərbaycan dilinin nitq mədəniyyəti. Dərs vəsaiti / N. M. Həsənova. Bakı: Bakı Dövlət Universiteti, 2022, 162 s.

İsmayılova M. A. Azərbaycan dili və nitq mədəniyyəti / M. A. İsmayılova. Bakı, ADPU, 2016. 308 s.

Qurbanov A. Ümumi dilçilik. III cild (3 cildə) / A. Qurbanov. Bakı, 2019. 512 s.

Национальная картина мира в методике преподавания РКИ

национальная картина мира, русский язык как иностранный

Изучая язык этноса, мы знакомимся с его культурой, так как язык – это часть духовной культуры народа. Язык и культура – два тесно взаимосвязанных понятия, которые нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Культура находит также непосредственное отражение в языке народа. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [Тер-Минасова 2004: 24].

Представители различных лингвокультурных сообществ по-разному воспринимают объективный мир, выделяя в предметах и явлениях признаки и свойства, существенные для представителя данной культуры. Однако указанные признаки могут быть несущественными для представителя другой культуры. Окружающая действительность воспринимается по-разному в различных языках, так как она концептуализируется представителями различных лингвокультурных сообществ сквозь призму своих культур.

Обучая русскому языку как иностранному, мы формируем навыки правильного восприятия национальной картины мира обучающихся. Национальная картина мира представляет собой систему базовых ценностей данного этноса: национальную идентичность, духовно-нравственные установки, особенности менталитета, семейно-бытовые ценности, особенности национальной кухни и т.д.

Наиболее значимыми в национальной картине мира казахов в вышеуказанном аспекте являются ключевые понятия, отражающие миропонимание и мировосприятие данного этноса. Это концептуальные понятия, несущие в себе культурно значимую смысловую нагрузку. Например, географические понятия: ұлы дала (великая степь), туған жер (родина), кең байтақ Қазақстанның жері (бескрайние степи Казахстана), сарыарқа, алтын арқа (золотая степь); жұсан (полынь), ақ селеу (ковыль), жәйлау, қыстақ; биологические: төрт түлік (четыре вида животных); бүркіт (беркут); барыс (барс); киік (сайгак); бозторғай (жаворонок); музыкальные, в том числе: казахские национальные музыкальные инструменты: домбыра, қобыз, сырнай, сыбызғы, жетіген,

асатаяқ и др.; казахские национальные кюи, терме; жанры казахского устного народного творчества: героические эпосы, казахские народные сказки, обрядовые песни; казахские национальные виды спорта: қазақша күрес, асық ойнау, көкпар, бәйге, садақ ату, құсбегілік, теңге ілу, аударыспақ и др.

5-е Всемирные игры кочевников, вошедшие в список культурного наследия ЮНЕСКО, направлены на развитие этноспортивного и этнокультурного движения и представляют собой богатый материал для изучения казахских национальных видов спорта.

В процессе развития такого вида речевой деятельности, как чтение обучающимся можно предложить чтение фрагментов из художественных произведений, которые содержат информацию о понятиях, раскрывающих национальную самобытность, ментальные особенности, духовные ценности казахского народа. Например, произведения казахской литературы, в которых находит отражение генетическая история, этническая память казахского народа: Ильяс Есенберлин «Көшпенділер», «Алтын орда», Зеин Шашкин «Ақтұяқ», «Теміртау», «Өмір тынысы», Дүкенбай Досжан «Жібек жолы», «Қымыз», «Көкпар», Бердібек Соқпақбаев «Менің атым Қожа», «Балалық шаққа саяхат» и др.

Персонные понятия «азамат», «адам», «жігіт», «батыр» в произведениях указанных авторов аккумулируют замечательные человеческие качества, присущие казахскому народу. Слова несут дополнительную культурно значимую смысловую нагрузку, характерную только для казахской культуры.

В текстах произведений часто встречаются исторические архаические, этнографические реалии, декодирующие культурную информацию: шаңырақ, киіз үй, кереге, уық, босаға, түндік, табалдырық. Поэтому художественные произведения являются транслятором национального культурного кода.

Казахская национальная одежда имеет особое значение в представлении языковой картины мира казахов: шапан, тымақ, бөрік, сәукеле, орамал, қамзол, кимешек, мәсі и др.

У любого этноса исторически сформировано специфическое поведенческое отношение к определенным продуктам и блюдам. Особое внимание в процессе изучения русского языка в Казахстане уделяется особенностям национальной кухни казахов.

Кумыс (выдержанное кобылье молоко), саумал (свежее кобылье молоко) имеет уникальные целебные свойства и считается национальным напитком казахов и даже национальным достоянием казахского народа. В казахской культуре широко известен праздник

қымызмұрындық – специальный праздник, который отмечали весной во время первой дойки кобылиц, гостей угощали первым кумысом. Жители аулов приглашали друг друга в гости. Раньше праздновали при выезде на жайлау. В казахской национальной кухне известны различные виды кумыса: уыз қымыз – кислый густой кумыс, полученный из молозива; сары қымыз – кумыс, который получают в середине лета, когда на пастбищах появляется густая сочная трава; түнемел қымыз – кумыс, выдержанный двое суток; құнан қымыз – кумыс трехдневной выдержки; бал қымыз (медовый кумыс) – кумыс с добавлением меда, сахара; дөнен қымыз – кумыс, выдержанный четверо суток; бесті қымыз – кумыс, выдержанный пятеро суток; асау қымыз – крепкий кумыс, выдержанный более пяти суток; жуас қымыз – кумыс минимальной выдержки или с добавлением саумала (свежего кумыса); қорабалы қымыз – кумыс, который готовят, добавляя ежедневно в кумыс саумал (свежее кобылье молоко); сірге жияр қымыз – кумыс, который собирают несколько дней во время последней осенней дойки. Большой интерес представляет казахская национальная посуда: астау, тостаған, келікелсіп, зерен, тегене, саптаяқ, ожау, күбі и др. Так, у казахов насчитывается более тридцати видов названий посуды, в которую наливали кумыс.

В процессе преподавания русского языка как иностранного можно предложить информацию о традициях в национальной кухне казахского народа. Например: сарқыт беру (гостинец), ерулік беру (пригласить на обед новых соседей), сыбаға беру (отдать долю, часть мяса), ас қайыру (благодарение за угощение), ауыз ашар (ужин во время мусульманского поста), нан ауыз тию (отведать хлеба, пиццу), жеті нан, жеті шелпек (семь лепешек), көңіл шай (потерявших близкого человека приглашают на чай в знак утешения), тәтті шай (сваты после женитьбы молодых приглашают друг друга в гости), келін шай (приглашение молодой невестки на чай) и др.

Национальная кухня казахов интересна своими ритуалами. Например: бас беру. Уважаемому человеку, гостю преподносят голову барана. Синонимичным является знак «шеке беру» (преподнесение головы лошади). Обычно этот ритуал совершается зимой. На зиму казахи традиционно забивают лошадь, так как особо ценным мясом у казахов считается конина. В связи с этим можно назвать древнюю казахскую традицию, которая популярна и в наше время – «соғым сою». Ритуал распределения мяса у казахов имеет сакральное значение. Уважаемый гость, получив голову барана, отрезает уши и отдает детям, оставшуюся часть вручает кому-нибудь из присутствующих. Процесс деления мяса был строго регламентированным и зависел от статуса гостя.

Например, в казахской культуре известен гастический знак «жездеге төс беру» (подношение грудинки зятю). Кроме этого, у казахов существует традиция табақ тарту (подношение блюда с мясом). Известны различные виды данного блюда: бас табақ (блюдо подается пожилым людям, особо уважаемым гостям, в него кладут лучшие куски мяса: бас, қазы, жал, жая), жай табақ (простое блюдо подается молодым людям, в него кладут бедренную кость, лопатку, берцовую кость, ребра), қос табақ (подается сватам, в него кладут то же мясо, что и в бас табақ), сый табақ (блюдо для почетных гостей), жеңге табақ (блюдо, предназначенное для жены старшего брата), жезде табақ (это блюдо в знак уважения специально для мужа старшей сестры готовили свояченицы), беташар табақ (блюдо готовят специально для джигита, который первым открывает лицо невесты), бала табақ (блюдо, предназначенное для детей) и др.

Таким образом, обучая русскому языку как иностранному, мы должны формировать представление о национальной картине мира казахов, знакомя обучающихся с базовыми ценностями народа, проживающего в стране изучаемого языка.

Литература

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. Москва: МГУ, 2004.

Влияние китайских заимствований на современный русский язык: активные процессы словотворчества

китайские заимствования, русский язык, словотворчество

Важнейшим признаком любого языка является его развитие, которое проявляется в таких лингвистических процессах, как образование новых слов и значений, лексическая и семантическая архаизация, заимствование [Габдреева 2023: 6]. В последние десятилетия наблюдается активное заимствование восточной лексики в современный русский язык, китайские слова занимают в этом процессе особое значение, что отражает изменения в культурных и экономических связях между Россией и Китаем. Наше исследование направлено на анализ новых заимствований и их влияние на лексическую систему русского языка. С ростом экономических отношений и культурного обмена между Россией и Китаем наблюдается увеличение числа китайских заимствований в русском языке. Эти заимствования не только обогащают лексику, но и создают новые словотворческие процессы.

Целью данного исследования является выявление и анализ новых китайских заимствований в русском языке, а также изучение их роли в процессе активного словотворчества. Это включает в себя изучение семантических и функциональных изменений, которые происходят с китайскими заимствованиями в русском языке, а также их интеграцию в различные сферы русской лингвокультуры.

Объектом исследования является широкий спектр явлений, которые номинируются при помощи китайских заимствований в современном русском языке. Это не только лексические единицы, но и процессы, которые способствуют их интеграции, адаптации и функционированию в различных социокультурных контекстах. Кроме того, исследуются внешние факторы, такие как культурные и социальные тенденции, межкультурная коммуникация, политические и экономические отношения между Россией и Китаем, которые оказывают влияние на формирование и развитие лексического состава русского языка.

Исследование будет основано на анализе лексических изменений в русском языке с использованием методов контент-анализа, сравнительного анализа и корпусной лингвистики. Будут рассмотрены

примеры заимствований из различных областей, таких как экономика, культура и повседневная жизнь.

Новые слова часто образуются путем калькирования или адаптации китайских терминов, что позволяет интегрировать новые концепты в русскую языковую систему. Например, слово *гаолян*, м. [кит. *gao liang* буквально высокая трава] — однолетнее растение сем. злаковых, применяется в качестве кормового растения в Китае, Корее, Японии, в южных районах России и на Дальнем Востоке; зерно перерабатывается в крупу, муку, спирт, солома используется для изготовления циновок и др. плетеных изделий [Егорова 2014: 143].

Заимствования из китайского языка не только обогащают лексику, но и влияют на культурные представления и менталитет носителей русского языка. Например, слово *фун-шуй*, м. [кит. *fengshui*] — даосская практика символического освоения пространства [Шагалова 2011: 355]. Философия фэншуй утверждает, что расположение и декоративное оформление помещений могут повлиять на финансовый успех, здоровье, любовь и общую удачу человека. В основе фэншуя лежит идея того, что энергетическая структура пространства влияет на эмоции, мысли и поступки людей.

В связи с изменениями в мировой экономике русские слова «Пояс и путь» приобрели новые значения. "Пояс и путь" (一帶一路) — это инициатива, предложенная Китаем в 2013 году, направленная на развитие международного сотрудничества через экономические проекты, которые объединяют страны вдоль исторического Шёлкового пути и морских торговых маршрутов.

Результаты исследования показывают, что китайские заимствования не только обогащают русский язык, но и способствуют созданию новых словосочетаний и выражений. Это также указывает на растущий интерес к китайской культуре и философии среди русскоязычного населения.

Таким образом, данное исследование имеет важное значение для понимания динамики развития русского языка в условиях глобализации. Оно подчеркивает необходимость учета влияния других языков на национальную лексику и может быть полезно для лексикологов, культурологов и преподавателей русского языка.

Литература

Габдреева Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. М.: Наука; Флинта, 2023. 326 с.

Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.

Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1500 слов / Е. Н. Шагалова. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.

Османов Данила Дмитриевич
Мардиева Ляйля Агьдасовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 811.161.1: 81.38

Функционально-стилевой синкретизм текста на упаковке

*стилевой синкретизм, рекламный стиль, текст упаковок,
языковые средства*

Вопрос о месте рекламы в функционально-стилевой системе русского языка относится к числу дискуссионных. Одни ученые относят рекламу к публицистическому подстилю, другие – к самостоятельному функциональному стилю. Причем сами рекламные тексты могут быть представлены самыми разнообразными видами и жанрами. Особого внимания заслуживает текст на упаковке, который существенно отличается от иных рекламных текстов.

В работе выдвигается следующая гипотеза: в текстах на упаковках представлен стилевой синкретизм, отражающий взаимодействие рекламного и официально-делового стилей.

Для выделения того или иного типа речи в самостоятельный функциональный стиль необходимо выделить его стилеобразующие факторы – определенные характеристики и условия употребления языковых средств в общении. На основе такого рода факторов традиционно выделяют пять функциональных стилей русского языка: научный, художественный, официально-деловой, публицистический, разговорный [см., например: Крылова 1979: 53; Бельчиков 2012: 53; Мартинович 2012: 81]. Некоторые ученые считают необходимым выделение религиозного [Крылова 1979: 53], технического, эпистолярного [Ефимов 1969], научно-популярного [Гвоздев 1965: 33] в самостоятельные стили. Анализ характеристик и условий употребления текстов, нацеленных на привлечение внимания потенциальных покупателей и побуждения их к покупке товара, позволяет говорить о правомерности мнения тех ученых, которые признают, что в системе функциональных стилей реклама занимает свое место, не являясь разновидностью публицистического стиля речи [см., например: Кара-Мурза 2010: 229–230; Мартинович 2012: 85].

На основании изучения специальной литературы, посвященной исследованию рекламных [Кара-Мурза 2010; Медведева 2023, Мартинович 2012] и официально-деловых [Сологуб 2013; Растамханова

2018] текстов, были установлены языковые особенности каждого из указанных текстов. Результаты отражены в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1. Языковые средства рекламного и официально-делового стиля

Языковые средства	Рекламный стиль	Официально-деловой стиль
Лексические	Лексемы с широкой семантикой, образные и экспрессивно окрашенные единицы языка, в том числе и сленг; специальная терминология, связанная с видом рекламируемого продукта, тропы, окказиональная лексика	Собственная деловая лексика, канцеляризмы, штампы, сложносокращенные слова и аббревиатуры; отсутствие каких-либо тропов, синонимов и других средств украшения языка; заимствования и калькирования
Морфологические	Преобладание личного местоимения 2-го лица мн. ч. <i>вы</i> и указательных местоимений; частотность употребления прилагательных и числительных	Распространенность имен существительных, частотность ряда форм в родительном падеже, использование наименований должностей и профессий преимущественно в мужском роде; достаточное количество кратких форм прилагательных либо прилагательных в значении существительного, составных, отыменных предлогов, употребление неличных форм глаголов, глаголов 3-го лица в страдательных конструкциях; отсутствие личных местоимений и личных форм глаголов
Синтаксические	Неполные предложения и эллиптические конструкции; стремление к упрощению синтаксических конструкций, частотность простых, повествовательных, невосклицательных предложений	Прямой порядок слов, наличие однородных членов предложения и уточняющих конструкций; большое количество страдательных, неопределенно-личных и безличных конструкций; отсутствие вопросительных и восклицательных предложений
Иные	Наличие фонетических и графических средств для актуализации той или иной информации	Четкое членение текста: выделение каждого важного тематического блока в отдельный абзац

На основании изучения языковых средств эмпирического материала (текста упаковок энергетических напитков) были сделаны следующие выводы:

1) исследуемый текст состоит из двух неравноценных в стилистическом отношении частей – лицевой и оборотной;

2) лицевая часть текста упаковки нацелена на воздействие, ее информативная функция сведена к минимуму и представлена исключительно в наименовании напитка. Именно название товара (прагматоним) позволяет выделить напиток данного бренда от других подобных;

3) задача оборотной части текста упаковки – дать покупателю исчерпывающую информацию о представляемом товаре: месте и времени его производства, составляющих напитка и т.д. Причем данная часть текста содержит ту информацию и в том порядке, который регламентирован соответствующими ГОСТами. Эта часть текста нацелена исключительно на информирование.

Стилистический анализ показал, что различие целевых установок предопределяет различия в выборе языковых средств, следовательно, и стилевую неоднородность двух частей текста на упаковке. Результаты данной части исследования суммированы в Таблице 2.

Таблица 2. Характерные языковые особенности двух частей текста

Языковые средства	
на лицевой стороне упаковки	на оборотной стороне упаковки
<ul style="list-style-type: none"> – лексический повтор; – стилевой контраст, а именно намеренное столкновение научной лексики с книжными или жаргонными словами; – тропы (как правило, метафоры); – наименования экзотических растений; – использование сложносокращенных слов в целях экономии речевых ресурсов и сжатости изложения; – частотность имен существительных (показатель именного типа речи); – лаконичность синтаксических конструкций; – обязательное наличие «несловесной» части 	<ul style="list-style-type: none"> – специальные термины, – штампы, – аббревиатуры, – заимствованная лексика, – активность имен существительных, – обилие цепочек родительных падежей, – использование неличных форм глаголов и возвратных глаголов в страдательных конструкциях, – прямой порядок слов, – обязательность однородных членов предложения, – предпочтительность односоставных определенно-личных предложений, – отсутствие вопросительных и эмоционально окрашенных предложений.

Отраженные в таблице результаты анализа языковых особенностей лицевой и оборотной частей текста упаковки позволяет говорить об их стилистической разнородности. Тем самым подтверждается выдвинутая гипотеза о синкретизме исследуемого вида текста: в нем представлены черты как рекламного, так и официально-делового стиля речи. Однако они не взаимодействуют в пределах одного текста; синкретизм рождается двучленной структурой текста и их разнонаправленным стилистическим вектором.

Литература

Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. М.: АСТ-Пресс, 2012. 422 с.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. М.: Просвещение, 1965. 408 с.

Ефимов А. И. Стилистика русского языка / А. И. Ефимов. М.: Просвещение, 1969. 262 с.

Кара-Мурза Е. С. Реклама: жанр, функциональный стиль, дискурс? / Е. С. Кара-Мурза // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. 2010. № 14. С. 220–231.

Крылова О.А. Основы функциональной стилистики русского языка / О. А. Крылова. М.: Русский язык, 1979. 224 с.

Мартинovich Е. А. Рекламный текст в аспекте проблемы функционального стиля / Е. А. Мартинovich // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21. С. 81–85.

Медведева Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. М.: ЛЕНАНД, 2023. 306 с.

Растамханова С. Н. Жанровое многообразие и подстили официально-делового стиля / С. Н. Растамханова // Форум молодых ученых. 2018. № 1. С. 927–932.

Сологуб О. П. Изучение официально-деловой речи: прошлое, настоящее, будущее / О. П. Сологуб // Медиалингвистика. Вып. 1. Славянская стилистика. Век XXI: сборник статей под ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Ю. М. Коняева. 2013. С. 260–271.

General characteristics of using the audio and visual methods in the university English classroom

language teaching, visual method, audio method, functional skills

The audio-lingual method (also called because an earlier name, the aural-oral method, was difficult to pronounce), functional skills, a new key or American form of language education, was regarded as a "scientific" method of language instruction.

Robert Lado – the author of the audio-lingual method, was born in Florida in a Spanish family who returned to Spain before Lado had an opportunity to learn English. When he returned to the United States at the age of 21, he began studying English for the first time, providing him with a unique perspective on second language acquisition and the distinctions between Spanish and English. Lado developed an interest in contrastive linguistics due to this experience, which he pursued at the University of Michigan's English Language Institute (ELI) under the direction of structural linguist Charles Fries. A frantic effort had been made to develop aggressive language study programs as part of the military effort. Leonard Bloomfield, a well-known linguist, was recruited to help with the situation. Fries and Lado took up the task, each contributing his unique expertise to the project: Fries' interest in language structures – or patterns – and Lado's idea that linguistic variations were the source of learning difficulties. Another factor was related to the development of behaviorist psychology, which formulated the theory that all behavior (including language) was learnt through repetition and positive or negative reinforcement [Skinner 1957]. According to Murphy and Baker, "spoken precision in emphasis, rhythm, and intonation was emphasized through imitative-intuitive practice, which was consistent with Skinnerian Behavioral Psychology ideas". [Murphy 2015: 58].

The beginning of World War II, which prompted the need to send vast numbers of American soldiers to various regions of the world, was the third significant historical event that contributed to the audio-lingual approach. As it turned out, they needed at least basic verbal communication skills. Observation, imitation and repetition appeared to be well-suited to teaching large groups. Thus, this early version of audiolingual was popularly referred to as the "army method". Lessons in the classroom focused on students' correct imitation of the teacher as the language model. Students were expected to

produce the correct output, and as a result, much attention was attributed to correct pronunciation. The audio-lingual method sees language as a process of habit formation [Larsen-Freeman 1975]. Only by repeating the input material many times will the students learn it, and the habit is formed. The stronger the habit, the better the results of learning. Errors, therefore, are not allowed and should be, by all means, prevented. The assumption behind the method is that each language constitutes a different linguistic system. Thus, any interference between the native language and the target language should be eliminated, as it hampers the process of learning.

The process of learning itself should resemble the acquisition of the native language. Rules are not taught because they will be figured out later from the structures and examples. Speech is primary and should be learnt first, resulting from the natural order of native language acquisition. The written form comes after the speech has been mastered. The skills follow a natural order: listening, speaking, reading and writing. Since the principal stress falls on speech and any mistakes ought to be immediately corrected, pronunciation receives vital importance in the learning process. Both the direct and the audio-lingual methods (ALM) bear many similarities, as they are based on imitation of the model provided either by the teacher or the recorded material. However, in the audio-lingual classroom, the teacher uses phonetic information and transcription as well as charts that demonstrate the production and articulation of sounds. The drill is the most common technique used in the method. The audio-lingual method largely replaced the grammar-translation method, which had focused on reading and translating texts and in which explicit grammar rules were at the core of each lesson. In the grammar-translation method, word by word decoding of texts was promoted, not much language input was provided, and conscious control of grammar was expected with low productive competence levels. ALM was used in combination with a British language teaching technique (Structural-Situational) that used an early service list of general English vocabulary considered the top 2,000 English words in terms of frequency use and productivity. Both the audio-lingual and structural-situational techniques concentrated on situational dialogues and sentence pattern practice; however, ALM was stricter in terms of precise processes and procedures, such as rote memorizing and repetition of dialogues, pattern practice, and drills. As the name indicates, the audiolingual technique concentrated on language learning by listening to and repeating (saying) conversations and exercises that demonstrated linguistic patterns in the target language, the target always specified by an idealized native-speaker standard.

Lado invented the word "Mim-Mem" to define the practice of mimicry and memory, mimicking and learning dialogues and other sentence-based

patterns to develop automaticity in language usage. Language patterns, which ALM proponents felt indicated ways of thinking about the world, were used to teach the culture. Utilizing current technologies, particularly language laboratories and audiovisual equipment was judged beneficial to teaching and learning, and technology assured the methodology's scientific appeal [Lado 1958: 31]. Regarding pronunciation, the technique of minimal-pair drill based on the concept of the phoneme as a minimal distinctive unit of speech is extensively used in the audio-lingual classroom for both sound recognition and imitation [Lado 1958]. As the first step, students recognize the sounds and differentiate between them. Consequently, they concentrate on their production of the sounds. The decline of Audiolingual came in the 1960s with criticism that referred to both its theoretical foundations and the practical results. The latter was very disappointing when confronted with the expectations, as students could not put the learned structures into use in real-life situations and found the method of learning unattractive and dull. The theoretical foundations based on the structuralist language and behaviorist learning theories were attacked as unreasonable and lacking sound grounds. Language is not a habit structure. Expected linguistic behavior characteristically involves innovation, formation of new sentences and patterns in accordance with rules of great abstractness and intricacy [Chomsky 1959]. With these words, Noam Chomsky rejected both structuralism and behaviorism. He revolutionized linguistics with his theory of transformational grammar which advocated that "the fundamental properties of language derive from innate aspects of the mind and from how humans process experience through language" [Richards/Rodgers 1960: 42]. Only by repeating the input material many times will the students learn it, and the habit is formed.

Set up exercises for class

Listening teaching method based on Constructivist Learning Theory. Constructivist learning theory emphasizes the four elements in the learning environment: situation, cooperation, conversation and meaning construction. The following puts forward the listening teaching methods in audiovisual speaking for the four elements:

Situational creation

Audiovisual and oral classes are mainly carried out in the voice room or multimedia classroom. Teachers can effectively use multimedia resources to create a real language scene for students, vividly reflect the original English and the rich culture of English-speaking countries, and fully mobilize students' interest and enthusiasm in language learning. The purpose of situational creation is to enable students to construct information related to the theme of listening materials before listening and activate students'

relevant vocabulary and cultural background knowledge to reduce students' anxiety in listening.

Situations can be generated in a variety of ways, including:

1. The teacher's presentation will display some selected materials related to the theme of this unit, such as pictures, animations, videos, film and television clips collected on the network, one by one through the large multimedia screen.

2. In student presentation, the teacher specifies relevant topics and guides several students to cooperate in making English courseware, animation or English video around the topic so that students can construct knowledge related to the topic in the process of preparation. The creation methods of the above scenarios can be either one or a combination of the two, which should be designed according to the theme and the degree of students. This kind of content foreshadowing is very useful for the later students to hear. Teachers give students guidance and help, and students will not feel unprepared like traditional listening teaching. In the process of listening, students should understand the listening content and construct the meaning according to the situational cues created by teachers and their own experiences.

Collaboration

Using scaffolding in scaffolding teaching mode to guide students to actively participate in learning, teachers put forward questions based on listening content so as to maintain effective interaction between teachers and students, students and students, which reflects the characteristics of collaborative learning. In this process, teachers play a leading role, participate in consultation, and encourage and monitor students' discussion and practice. Teachers should provide certain learning materials for students' active construction, design corresponding problem situations, inspire students' thinking, provide students with necessary clues, promote students' knowledge construction and help students carry out meaningful learning. In this teaching activity, teachers should not only mobilize students' individual learning enthusiasm but also urge cooperation among group members. Students and students should establish a learning environment of mutual help. In such a learning environment, they exchange information, views and actively discuss with each other. Such cooperative learning cultivates students' cooperative ability and group consciousness.

Conversation

In audiovisual and oral teaching, listening runs through all the time. In the audiovisual process, let students construct language and cultural knowledge in a specific context, so as to achieve the purpose of freely expressing relevant topics. Therefore, in the process of audiovisual and oral

teaching, the conversation is one of the effective ways to test students' audiovisual. According to students' different English levels, you can choose the following ways to have a conversation: 1. After listening to the short dialogue, you can choose 1-2 groups of students to dub the dialogue or imitate the dialogue. By imitating the content and phonetic characteristics of the dialogue, let the students construct the language expression and phonetic characteristics in the same situation, including mood, tone, stress, etc.

What kinds of dialogues to use

Dialogues can fall into many different categories. For this article, I am going to limit them to just two:

– Regular daily conversations, or the kind of verbal exchanges which people tend to repeat in their daily lives. These will contain, among other things, fundamental greetings and farewells, shopping chats, and information requests.

– Improvised conversations, or ones that may start off conventional but become unpredictable due to the human contact of the individuals speaking. These could include debate, discussion, argument, and the exchange of ideas.

Standard everyday dialogue practice

From past phrases form work, an ordinary dialogue may quickly develop. Teacher may offer this debate in a variety of ways, from a written handout to visuals, sock puppets to repetition exercises - whatever method works best for your teaching style [Larsen-Freeman 1975: 18].

These dialogues should be kept short and sweet, with each student producing three to five phrases. As an example:

S1: Hello and good afternoon.

S2: Good day.

S1: How much do the potatoes cost?

S2: 300 tenge per kilogram.

S1: Oh, no! That's a cheap! I'll take three kilograms please.

S2: Okay. That works out to be 900 tenge.

S1: You've arrived.

S2: And now for your change. Thank you very much.

S1: Thank you very much! Goodbye.

S2: Farewell.

In this conversation, it is clear that easy substitutions may be made: potatoes can be replaced with pears, tenge can be replaced with dollars, and 300 can be replaced with whatever amount seems reasonable. Students might also be encouraged to utilize other welcomes and goodbyes that they are familiar with or have just learned. This form of communication may be broadened by providing S1 with a shopping list and S2 with a pricing

list. With a few props, you've got yourself a role play. The same technique may be used when purchasing rail tickets, mailing a parcel, requesting directions to a local landmark, and so forth. As a trust booster, the structure of the trade should stay consistent, while the substance of the transaction may be modified with easy substitution.

2. Role play: after completing all the listening content, the teacher asks the students to form different learning groups to play different roles and experience the situation of the theme. Express what you hear and use what you have learned to integrate listening and speaking. Role play can create a close to real language environment.

3. Group discussion: the group discussion is divided into concluding discussion and expanding discussion. The concluding discussion is the discussion on the conclusion of the dialogue or chapter, and the expanding discussion is the summary discussion on the dialogue and chapter without a conclusion. Ask the students to make a comprehensive analysis of the knowledge points heard, and then publish the conclusions after the group discussion. Let students construct theme-related English knowledge in collaborative learning. In this way, students not only learn language knowledge but also improve their listening and speaking ability and the courage and ability to participate in communication activities.

4. Group debate: for individual listening materials related to the topic, students can be organized to have group debates. Before the debate, teachers should show students relevant language and cultural background knowledge. This point is also emphasized by constructivism, that is, social interaction is of great significance in learning. We should pay attention to socialized learning and pay attention to the sociality and culture of learning. Through the understanding of background knowledge, students can put themselves in a position to discuss and analyze problems, debate and promote the construction of systematic language and cultural knowledge.

Based on the facts regarding the effectiveness of the use of AVM to improve students' speaking skills, the researcher has some suggestions for teachers, students, other researchers, and schools as follows. For teaching-learning to run well in class, teachers should know the potential and characteristics of their students in order to choose an appropriate technique to use in their speaking classes. Teachers must be creative and imaginative in order to pick and apply appropriate resources for their pupils. Good materials are those that are difficult, communicative, and fascinating when dealing with real-life circumstances. Students should overcome their anxiety about speaking English and adopt a more positive attitude toward their speaking abilities. Making errors is a necessary aspect of learning, and students should not be concerned about making them since they can learn from them.

Students need to keep practising and make quite a lot of faults in order to learn more quickly. Students should understand that communicating is not tough because there are several methods to talk as long as they are prepared to practice on a regular basis. Researchers interested in doing comparable studies should pay close attention to selecting films that can meet the aims of speaking skills. The outcomes of this study are likely to serve as a springboard for future studies in the same subject. There are several films available on the internet that may be utilized to educate speaking in particular. There are over a thousand films of speakers speaking on a great variety of topics on www.TED.TALKS. Also, the winning speeches from the Toastmasters' World Speaking Competitions are great for speaking classes see www.toastmastersinternational.org. Schools are expected to improve the quality of teaching-learning by giving teachers more opportunities to develop better speaking skills. It is hoped that schools will give more attention to speaking skills for daily life than to the marking of speaking tests.

References

- Chomsky N. Review of verbal behavior in language / N. Chomsky. 1959.
- Lado R. English pattern practices: Establishing the patterns as habits / R. Lado, C. C. Fries. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958.
- Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching / D. Larsen-Freeman, M. Anderson. Oxford University Press, 1975.14 p.
- Murphy J. M. History of ESL pronunciation teaching. The Handbook of English Pronunciation / J. M. Murphy, A. A. Baker. United Kingdom: Wiley-Blackwell, 2015. Pp. 36–65.
- Richards/Rodgers. Approaches and Methodologies in Language Teaching. Cambridge University Press. 1960. 55 p.
- Satybayeva A. Қазақ тілін өзгерту әдістемесі / A. Satybayeva. Astana, 2008. 51 p.
- Skinner B. F. Verbal Behavior / B. F. Skinner. New York: Appleton-CenturyCrofts, 1957. 15 p.

Романов Алексей Аркадьевич
Абросимова-Романова Лариса Алексеевна
Тверской государственный университет
УДК 81'42

***Угрожать, просить, настаивать: прагматическая специфика
иллокутивного потенциала дискурсивных практик
обыденно-бытовой коммуникации
со значением «убеждающий уговор»***

*агрессивно-дискурсивная практика,
дискурс-конструкт, дискурсивная эристика,
иллокутивный потенциал, менасивная перебранка,
репутационный капитал*

Стремительное развитие общественных отношений между членами социума и рост коммуникативно-интерактивных потоков различной направленности обусловили интерес к феномену агрессивных практик в социально-бытовой сфере общества, что повлекло за собой функциональный всплеск порождения новых форм бытовой коммуникации со значением «убеждающего уговора».

Феномен «убеждающего уговора» представляет собой коммуникативно-интегративный, конструктивный комплекс дискурсивных вербально-авербальных менасивных практик со значением «угрозы», «устрашения», «запугивания», «настаивания», реализуемых инициатором «убеждающего уговора» с бескомпромиссного воздействия адресата, чтобы тот, находясь под давлением такого «убеждающего» воздействия, согласился «подчиниться» и выполнить предложения, рекомендации или требования инициатора без потери своего «репутационного статуса» [Романов 2024; Романов 2024а] или «автономности» [Болл 1993].

Регулятивно-дискурсивные практики широко и активно используются, например, в коллекторской деятельности, направленной на возврат кредиторам просроченной – денежной или какой-либо иной, подкреплённой договорными обязательствами со стороны заёмщика – задолженности.

Регулятивные регламентивы (также – регламентивы) как вербально-коммуникативные практики коллектора, реализующего агрессивные, менасивно-деструктивные, вербально-авербальные действия, характеризуют самого коллектора как активного участника, инициатора и каузатора коммуникативно-дискурсивного взаимодействия с

должником (также синонимично: адресатом-должником, недобросовестным плательщиком, недобросовестным заёмщиком или ответчиком). Коллектор, выступающий, как правило, в роли инициатора взаимодействия, осуществляет вербально-авербальное воздействие (точнее, причиняет воздействие) «от имени кредитора или лица, действующего от его имени и (или) в его интересах с учётом требований, предусмотренных частью 2 статьи 6 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», принятого 21 июня 2016 года Государственной Думой и одобренного 29 июня 2016 года Советом Федерации Российской Федерации.

В нормативной базе обозначены институциональные нормы отношений и формы вербально-авербального поведения между всеми действующими участниками социально-регламентивного взаимодействия или общения. С учётом обозначенных институциональных норм отношений и форм вербально-авербального поведения важно иметь в виду, что вербально-менасивная компонента «убеждающего воздействия» представляет собой проявление одного и того же менасивно-эристического феномена, или дискурсивной эристики.

Эристика, согласно А. Шопенгауэру [Шопенгауэр 1900], представляет собой искусство вести спор до полной победы с использованием для этого всевозможных и доступных средств доминирующего давления на своего оппонента, которые (средства) содержат элементы менасивно-директивного (т.е. побуждающего, принуждающего к согласию) убеждения. В связи с этим эристичность дискурсивного конструкта со значением «убеждающее воздействие» проявляет себя не только в дискурсивных практиках коллектора, но также и в дискурсивных практиках его оппонента, выступающего в роли клиента-задолжника.

Чаще всего свойство эристичности реализуют как коллектор, так и его собеседник-клиент в своих дискурсивно-менасивных практиках-посланиях со значением настаивания, угрозы, устрашения или запугивания, которые, помимо всего прочего, обладают дополнительным деструктивным свойством «вирусной меметичности» [см.: Романов 2002: 4–7; Романов 2024].

При этом деструктивный характер убеждающих дискурсивных практик «вирусной меметичности» направлен либо на «сатисфактивно-дискурсивное взаимодействие», либо на подрыв в правовом и публичном информационном пространстве «репутационного капитала»

атакованного адресата как несговорчивого оппонента или как ненадёжного клиента, неспособного выполнять условия подписанного договора [см.: Романов 2024а; Романов 2024].

Воздействие «вирусной меметичности» активно проявляет себя в процессе регламентивного взаимодействия коллектора с проблемным (например, недобросовестным) плательщиком через свойства диффузности (размытости, нечёткости) когнитивных мерностей самого потенциала иллокутивной доминанты комплексного коммуникативно-когнитивного конструкта (КДК) «убеждающий уговор», размывая и смешивая соотношения иллокутивных параметров (или потенциалов) дискурсивных практик, содержащих в себе одновременную реализацию иллокутивных сил директивности, солидаризированной регламентивности и менасивности.

Исследуемый языковой материал показывает, что мета-предикатом, формирующим вершину фреймовой конфигурации КДК «убеждающий уговор», чаще всего выступает предикат «солидаризироваться».

Объём иллокутивного потенциала данного предиката и его прагматическая направленность обусловлены содержанием дискурсивного взаимодействия как минимум двух участников относительно уже некоторого сложившегося положения дел, которое затрагивает интересы участников обозначенного взаимодействия.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что, как правило, реализация функционально-семантического объёма иллокутивного потенциала отмеченного вершинного мета-предиката опирается на функционально-семантические свойства (параметры, признаки) полииллокутивной репрезентативной функции, направленной на вовлечённость («затронутость») интересов говорящего субъекта и интересов его собеседника (т.е. конкретного участника по взаимодействию) в специфике содержания сложившегося положения дел (или процесса, состояния), которое актуализирует непосредственно сам говорящий субъект в роли коллектора или клиента-задолжника. При этом вовлечённость интересов не должна каузировать (создавать) ситуацию принуждения или демонстрации «власть над».

Целесообразно и продуктивно создавать ситуацию реализации фактора «власть для» разрешения проблемы как с учётом интересов другого, так и во благо своих коммуникативных задач, чтобы заинтересовать клиента-должника и взаимодействовать с ним на уровне согласованного (синергического, непротиворечивого, соучастного) обмена действиями-практиками.

Другими словами, синергичность дискурсивного взаимодействия позволяет ставить клиента-должника в заинтересованную зависимость

продуктивно решать проблему для двух сторон, а не создавать для него ситуативное положение абсолютно зависимого участника. Представляется, что дискурсивная синергичность между коллектором и клиентом-должником суть взаимная заинтересованность в разрешении проблемы, которая позволяет избежать ситуации «менасивной перебранки», в которой практики уговора, предложения, совета быстро превращаются в реальные угрозы и оскорбления.

Как показывает исследуемый материал, «менасивная перебранка» порождает сначала «коммуникативное рассогласование», а затем заканчивается, как правило, коммуникативным провалом или коммуникативным разрывом. «Менасивная перебранка» может служить сигналом того, что реализация коллектором фактора «власть над» становится доминантной стратегией его вербального поведения. В этом случае клиент-должник теряет доверие не только к коллектору, и к формату дискурсивной реализации функциональных условий предикатной вершины «солидаризироваться», которая образует / задаёт фреймовую конфигурацию всего когнитивно-дискурсивного конструкта или КДК. Потеря доверия к коллектору означает, что клиент уже не ждет (ожидает) помощи в решении своей трудной ситуации. Потеря доверия подрывает властные полномочия коллектора.

Литература

Болл Т. Власть / Т. Болл // Полис. 1993. № 5. С. 36–42.

Романов А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А. А. Романов. М.; Тверь: Институт языкознания РАН; Тверской государственный ун-т, 2002. 191 с.

Романов А. А. Медийные практики дискурсивно-менасивной эристики в контексте информационных противостояний и противоборств / А. А. Романов, Л. А. Романова // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Романова. М.: Флинта, 2024. С. 211–264.

Романов А.А. «Убеждающий уговор» как коммуникативно-регламентивный тип социальной дискурсии / А. А. Романов, Л. А. Романова // Дискурсология: язык, культура, общество: сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции с международным участием (10–11 апреля 2024 года, г. Луганск) / А. А. Романов, Л. А. Романова. Луганск: Издательство ЛГПУ, 2024а. С. 65–73.

Романов А. А. Коммуникативные практики убеждающего уговора в регламентивном типе социальной дискурсии / А. А. Романов, Л. А. Романова, Е. В. Малышева // Мир лингвистики и коммуникации:

электронный научный журнал. 2024. № 1. С. 1–24. Режим доступа:
<http://www.tverlingua.ru> (дата обращения 20.10.2024 г.)

Шопенгауэр А. Эристика. Уловки / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр А.
Искусство побеждать в спорах / пер. Н.Л. д' Андре. СПб.: Склад в книж-
ном магазине Ф. И. Митюрникова, 1900. – С. 3–27.

Discussions on the ways of word formation in agglutinative languages

*typological linguistics, agglutinative languages, affixes,
word formation*

The topic included in the title of this article worried linguists back in the middle of the 20th century, but there are still “white spots” in it that require the active intervention of specialists. For example, speaking about the norms of the functioning of affixes in the Azerbaijani language, scientists note their diversity. F.A. Ganiyev symptomatically expands this issue with the capture of many languages of the Turkic group into his orbit, arguing that the diversity of suffixes or affixes in them “separates the opinions of modern linguists about word formation in general” [Ганиев 2005: 14]. Following him, we could note that word- and phonetic formation in the Azerbaijani language is essentially an independent discipline with its own problems.

It is characteristic that discrepancies are also observed in the aspect of correlating the problem we have posed. For example, some scientists refer them to the field of “pure” lexicology, others to the category of purely morphology. There are also researchers who combine these two scientific disciplines. This is the world-famous turkologist N. A. Baskakov, who refers both word- and form formation to “lexical morphology”. He also believes that in these phenomena, the “set of morphemes” should be put at the forefront, moreover, those that, according to his assumption, are associated precisely with the “stock, but not the structural morphological level” [Baskakov 1979: 57].

It is significant that F. Fortunatov, A. Potebnaya joined the discussion at the time, and after them other, more modern linguists, who were mainly interested in the following question: is there a fundamental difference between the forms of word formation and inflection? If so, then within what specific limits? Which terminology is most suitable for both the first and second language phenomenon? Nowadays, most scientists agree that the main watershed runs between individual lexemes outside of their connection with the whole phrase/sentence (forms of word formation), as opposed to a related phenomenon when such a connection is visible (inflection).

Nowadays, most of the Turkic scientists, discussing affixes in agglutinative languages, include word formation in morphology, more precisely, in

grammar. This is the most common point of view. By the way, in Azerbaijani, as well as Turkish, word formation is studied most often from morphological position, including suffixes in inflectional languages and the semantics of affixes in agglutinative ones in the semantic field of research. Moreover, unlike the Azerbaijani language, Turkish, which is largely related to it, nevertheless suffixes are divided into separate groups (classes) depending on the attribution of a particular lexeme to the generating or arbitrary basis of verbs or names.

Modern Turkology dictates its own rules and requirements for them. Namely, word formation is analyzed together with inflection. But this is the position of some scientists (A. Baskakov, F. Fortunatov), who considered this situation almost a panacea for such a focus of research. Others (V. Guzev, G. Melnikov), on the contrary, advocate the differentiation of these concepts and therefore quite naturally separate word formation from inflection. Therefore, their study should be separate.

If we take into account the factor according to which categorical judgments (with rare exceptions) almost always abhor the clarification of scientific truth, then personally we also tend to consider the second point of view more correct.

At least, it is more reliable and appropriate. Indeed, a number of linguistic norms can be interpreted in different ways. So in our case, one form can be correlated with word formation, and the other with word modification, respectively. For example, in the agglutinative Tatar language there is the word “tengere”, which, loosely translated into Russian, sounds like the sacred expression “воспарить в небо” or more mundane: “находящийся в небе”. Linguist O. Betling, focusing on the suffix “-gi” in its composition, considers this form to be word-formative from the original form – the infinitive “находиться”. In contrast, V. Guzev considers it inflectional.

The discussion in modern cognitive linguistics is by no means idle, because in some cases the methods of word formation are not only purely grammatical, but also lexico-semantic. The essence of the matter lies in the fact that suffixes or affixes in agglutinative languages, on the one hand, are capable of changing the grammatical form, and on the other hand, they make certain changes in the lexical order. It is not difficult to prove this by appealing at least to the above example.

Thus, the infinitive “находить” (or with the reflexive particle “находиться”) refers to verbs with a place specification. The present participle formed from it is abstract and not only complicates the form itself, but also, with a certain enrichment, strengthens its meaning. Let’s put it this way, it is being modified towards a lexical and semantic meaning. Thus, the

grammar and semantics of the word follow as if in a single fairway. One feature organically complements the other.

The discussion in this vein is noticeably complicated by the presence of the opposite phenomenon described in our theses. A. H. Girfanova gives a typical example in one of his articles. She writes about the so-called collateral suffixes, which give impetus to the lexical meaning on its initial basis. As an example, she cites some lexemes from the group of Turkic languages, when the collateral forms of affixes or suffixes combine features of both word-formation, grammatical, lexical, and inflectional. Four signs in one composition, which might seem to overload traditional approaches to word and form formations, but nevertheless present in individual lexemes as a fact, a given.

It turns out that this phenomenon is sometimes observed in some modern agglutinative languages. Namely, as A. H. Girfanova points out, in “Turkology” “algulu” means “to bring down”, “irgulu” - “to throw”, or “to rush”. At the same time, the suffix “-n” in a similar combinatorics to “sizgirinu” is “whistling”, “koenu” is “bathing”, “çişenu” is “undressing”, “kaginu” is “flapping a wing” [Гирфанова 2022: 3–4].

It is not difficult to see how big the semantic “spread” of words in their semantics is here. The same suffixes “-il-” and “-n-” with the help of almost identical collateral forms make significant changes to both grammar and vocabulary, each time denoting a different lexeme. In turn, the recognition of the examples given by A. H. Girfanova of several interconnected four signs (we pointed them out above), in our opinion, aims modern linguists not only at their unification, but also separation. In other words, they can and should be analyzed separately, in each case highlighting individual and specific features.

It is clear that this is a modern view of this problem. But it is significant that more than half a century ago, N. A. Baskakov, mentioned by us, guided scientists to this kind of decision and discussion. He was one of the first to pay close attention to the need to “establish acceptable boundaries between inflection, formalization and word formation” [Баскаков 1979: 7]. As you can see, the foundation was laid back in the 1970s, but the issue remains important and relevant today.

References

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации) / Н. А. Баскаков. М., 1979.

Ганиев Ф. А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование / Ф. А. Ганиев. Казань, 2005.

Гирфанова А. Х. К проблеме слово-и формообразования в языках агглютинативного типа / А. Х. Гирфанов // Вопросы тюркологии. 2022. № 3. С. 3–9.

Солнышкина Марина Ивановна¹

Андреева Мария Игоревна^{2,1}

Воронин Константин Валерьевич¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

² Казанский государственный медицинский университет

УДК 81`42

Функционал RuLingva для анализа текстов РКИ

*учебный текст, РКИ, сложность текста,
текстовый профайлер, RuLingva*

Представленное исследование имеет целью продемонстрировать функционал автоматического анализатора RuLingva для профилирования текста РКИ, т.е. выявления характеристик текста. Известно, что учебные тексты, адресованные изучающим русский язык как иностранный, адаптированы, т.е. изменены «под читателя». Адаптация текста почти всегда предполагает изменение синтаксиса и лексики, сокращения и преобразования [Первухина 2014: 99]. Параметрический анализ текста оригинала и его адаптированного варианта помогает не только выявить изменения, производимые для того, чтобы текст стал понятен читателем, но и высвечивает спектр предикторов сложности текста. Известно, что первые попытки аналитики текстовых документов производились уже XVII в., когда католическая церковь ввела требование отслеживать долю нерелигиозных публикаций [Krippendorff 2004]. Современные инструменты для анализа текста и больших языковых данных многочисленны и имеют весьма широкий функционал [см. Karpiche; Research Software]. Недавний информационный взрыв повлек за собой новые методы разработки инструментов для анализа веб-страниц, блогов, книг, чатов и средств массовой информации [Neuendorf 2002]. При этом анализаторы обучающих текстов, по признанию экспертов, весьма востребованы разработчиками учебных и тестовых материалов, но при этом немногочисленны [Криони 2008]. Очевидно, что в качестве причин такого рода положения следует рассматривать, во-первых, отсутствие типологии учебных текстов, ранжированных по жанрам и уровням сложности, а во-вторых, небольшой размер учебного текста, не позволяющий осуществлять контент-анализ и профилирование методами, разработанными для больших объемов неструктурированных текстовых данных. Именно поэтому существующие анализаторы учебных текстов для русского языка, RuLingva (<https://rulingva.kpfu.ru/>) и Текстометр (<https://textometr.ru/>), продолжают

наращивать и расширять свой функционал. Анализаторы для учебных текстов на английском языке весьма многочисленны [English.com].

Автоматизированным анализом текста в представленном исследовании именуем основанный на использовании компьютерных методов анализ, имеющий целью установление его типа, жанра и регистра. Основная функция автоматических профайлеров учебных текстов – оценка соответствия текста заданной категории читателей [Solnyshkina 2024].

Рассмотрим возможности текстового анализатора RuLingva для использования его в учебном процессе. В качестве материала использованы адаптированные вторичные учебные тексты «Ионыч» (А. П. Чехов) и «Записки молодого врача» (М. А. Булгаков), а источниками послужили учебники РКИ [Николаева 2015; Антонова 2019].

В настоящее время RuLingva выполняет автоматический лингвистический анализ и рассчитывает метрики почти 80 параметров текстов на русском языке (см. Рис. 1а, 1б), включая количество предложений, словоформ, слов, слогов, лексическое разнообразие (отношение слов/словоформ), средняя длина предложения, индексы лексического разнообразия (TTR) и читабельности, связность, абстрактность, морфологические параметры и т. д.

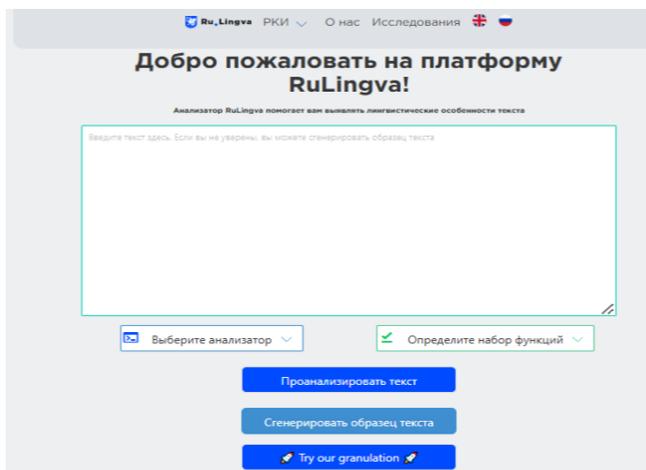

Рис. 1а. Стартовый интерфейс RuLingva

Параметр	Значение
Количество токенов	494
Количество лемм	268
Лексическое разнообразие	0.54
Количество предложений	31
Средняя длина предложений	15.94
Количество слогов	1038
Средняя длина слов (в слогах)	2.1
Индекс Флеш-Кинкейда	10.03

Рис. 1б. Результаты анализа на платформе RuLingva

Отдельный интерес представляет формула читабельности учебных текстов, разработанная на основе формулы уровня Флеша-Кинкейда [Solovuev 2019].

Читабельность (рус.) = $208,7 - 2,6 \times SLS - 39 \times SDS$, где SLS – средняя длина предложения в словах, а SDS – средняя длина слова в слогах.

Формула читабельности ранжирует тексты по классам, т. е. в зависимости от года обучения, необходимого для прогнозирования доступности текста для среднестатистического читателя. Например, если рассчитанная читабельность составляет 7,5, текст адресован школьникам 7 или 8 классов, а если значение находится в диапазоне от 8,0 до 9,0, то – школьникам 8 и 9 классов и т. д.

RuLingva также позволяет осуществлять «грануляцию», т.е. рассчитывать метрики на предложение, абзац, документ или 1000 словоформ, а также сохранять данные в формате таблицы Excel (Рис. 2).

Результаты анализа					
№	Параметр	Документ	Абзац	Предложение	Нормализация на диапазон токенов [100 ▼]
Описательные параметры					
1	Количество словоформ	550	22.92	18.33	100
2	Количество лемм	311	12.96	10.37	56.55
3	Количество слогов	1217	50.71	40.57	221.27
4	Количество предложений	30	1.25	1	5.45
5	Среднее количество слов в предложении	18.33			
6	Среднее количество слогов в слове	2.21			
7	Среднее количество букв в слове	5.21			
8	Однословные слова	153	5.54	4.43	24.18
9	Двусловные слова	172	7.17	5.73	31.27
10	Трехсловные слова	113	4.71	3.77	20.55
11	Четырехсловные слова	52	2.17	1.73	9.45
Параметры читабельности					
12	Индекс Флеша-Кинкейда (SIS)	7.38			
13	Индекс Флеша-Кинкейда (O)	12.16			

Рис. 2а. Результаты анализа рассказа «Ионыч»

Результаты анализа					
№	Параметр	Документ	Абзац	Предложение	Нормализация на диапазон токенов [100 ▼]
Описательные параметры					
1	Количество словоформ	496	22.55	16	100
2	Количество лемм	268	12.18	8.65	54.03
3	Количество слогов	1045	47.50	33.71	210.69
4	Количество предложений	31	1.41	1	6.25
5	Среднее количество слов в предложении	16			
6	Среднее количество слогов в слове	2.11			
7	Среднее количество букв в слове	4.98			
8	Однословные слова	123	5.59	3.97	24.80
9	Двусловные слова	168	7.64	5.42	33.87
10	Трехсловные слова	98	4.45	3.16	19.76
11	Четырехсловные слова	44	2	1.42	8.87
Параметры читабельности					
12	Индекс Флеша-Кинкейда (SIS)	5.93			
13	Индекс Флеша-Кинкейда (O)	10.11			

Рис. 2б. Результаты анализа адаптации рассказа «Ионыч»

Как видим, читабельность данных текстов различается более, чем на два уровня: 7,36 в оригинале и 5,93 в адаптированном варианте. В целом результаты анализа дескриптивных параметров в значительной степени различаются (см. Рис. 2а, 2б).

Функция «Классификация слов по уровням» содержит информацию о количестве слов, классифицированных в соответствии с Обще-европейской шкалой уровней владения языком (A1–C2), а также отсутствующих в лексических минимумах.

Как видим, адаптированный вариант имеет значительно большую долю слов уровней A1, A2, B1, но меньше слов уровней B2, C1, C2. Несколько меньше в адаптированном варианте и слов, отсутствующих в лексических минимумах: 10.36, ориг. – 6.85, адап. (Рис. 3а, 3б).

RuLingva представляет и визуализацию долей лексики различных уровней сложности (см. Рис. 4а, 4б).

Каждое слово в тексте получает соответствующий тэг, позволяющий при подготовке к занятию или разработке предтекстовых упражнений осуществить замены на слова более низкого/высокого уровня

сложности или элиминировать слова, которые могут вызвать определенные сложности (Рис. 5а, 5б).

Уровень	Количество токенов	Количество лемм	Кумулятивная доля токенов	Кумулятивная доля лемм
A1	340 (61.82%)	131 (42.12%)	340 (61.82%)	131 (42.12%)
A2	23 (4.18%)	16 (5.14%)	363 (66.00%)	147 (47.27%)
B1	52 (9.45%)	48 (15.43%)	415 (75.45%)	195 (62.70%)
B2	53 (9.64%)	47 (15.11%)	468 (85.09%)	242 (77.81%)
C1	23 (4.18%)	19 (6.11%)	491 (89.27%)	261 (83.92%)
C2	2 (0.36%)	2 (0.64%)	493 (89.64%)	263 (84.57%)
UNL	57 (10.36%)	48 (15.43%)	550 (100.00%)	311 (100.00%)

Уровень	Количество токенов	Количество лемм	Кумулятивная доля токенов	Кумулятивная доля лемм
A1	348 (70.16%)	144 (53.73%)	348 (70.16%)	144 (53.73%)
A2	23 (4.64%)	16 (5.97%)	371 (74.80%)	160 (59.70%)
B1	53 (10.69%)	47 (17.54%)	424 (85.48%)	207 (77.24%)
B2	31 (6.25%)	28 (10.45%)	455 (91.73%)	235 (87.69%)
C1	6 (1.21%)	6 (2.24%)	461 (92.94%)	241 (89.93%)
C2	1 (0.20%)	1 (0.37%)	462 (93.15%)	242 (90.30%)
UNL	34 (6.85%)	26 (9.70%)	496 (100.00%)	268 (100.00%)

Рис. 3а. Ранжирование лексики в рассказе «Ионыч» по уровням A1-C2

Рис. 3а. Ранжирование лексики в адаптированном рассказе «Ионыч» по уровням A1-C2

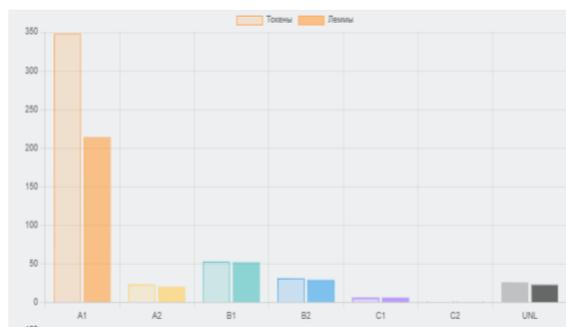
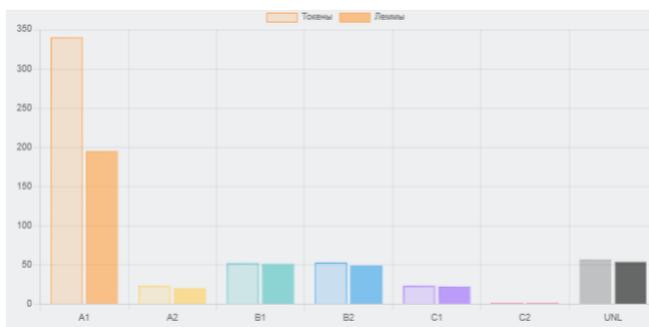

Рис. 4а. Диаграмма ранжирования лексики рассказе «Ионыч»

Рис. 4б. Диаграмма ранжирования лексики в адаптированном рассказе «Ионыч»

(UNL) Иван (A1) Петрович (A1) и (A1) поцеловал (B1) ее (A1) в (A1) лоб (A2). - Вы (A1) очень (A1) кстати (B2) пожаловали (C1), - обратился (B1) он (A1) опять (B1) к (A2) гостю (A1), - моя (A1) благоверная (UNL) написала (A1) Большой (UNL) роман (A1) и (A1) сегодня (A1) будет (A1) читать (A1) его (A1) вслух (B1). - Жанчик (UNL), - сказала (A1) Вера (A1) Иосифовна (UNL) мужу (A1) Старцеву (UNL) представили (B2) Екатерину (A1) Ивановну (UNL), восемнадцатилетнюю (UNL) девушку (A1), очень (A1) похожую (B1) на (A1) мать (A1), такую (B1) же (B1) художавую (C1) и (A1) милovidную (C1). Выражение (C1) у (A1) нее (A1) было (A1) еще (A1) детское (A1) и (A1) талия (C1) тонкая (B1), нежная (B2); и (A1) девственная (UNL), уже (A1) развитая (B2) грудь (B1), красивая (A1), здоровая (A1), говорила (A1) о (A1) весне (A1), настоящей (B2) весне (A1). Потом (A1) пили (A1) чай (A1) с (A1) вареньем (B2), с (A1) медом (B2), с (A1) конфетами (B1) и (A1) с (A1) очень (A1) вкусными (A2) печеньями (A2), которые (A1) таяли (C1) во (A1) рту (B1). С (A1) наступлением (B2) вечера (A1), мало-помалу (UNL), сходились (C1) гости (A1), и (A1) к (A2) каждому (A1) из (A1) них (A1) Иван (A1) Петрович (A1) обращал (B1) свои (A1) смеющиеся (A2) глаза (A1) и (A1) говорил (A1) : Здравствуйте (A1) пожалуйста (A1).

Петрович (A1) и (A1) поцеловал (B1) её (A1) в (A1) лоб (A2). - Вы (A1) очень (A1) кстати (B2) пришли (A1), - обратился (B1) он (A1) опять (B1) к (A2) гостю (A1), - моя (A1) жена (A1) написала (A1) большой (A1) роман (A1) и (A1) сегодня (A1) будет (A1) читать (A1) его (A1) вслух (B1). - Жанчик (UNL), - сказала (A1) Вера (A1) Иосифовна (UNL) мужу (A1), Старцеву (UNL) представили (B2) Екатерину (A1) Ивановну (UNL), восемнадцатилетнюю (UNL) девушку (A1), очень (A1) похожую (B1) на (A1) мать (A1), такую (B1) же (B1) худую (B1) и (A1) милую (B1). Лицо (A1) у (A1) неё (A1) было (A1) ещё (A1) детское (A1) и (A1) талия (C1) тонкая (B1), нежная (B2), и (A1) красивая (A1) здоровая (A1) грудь (B1) говорила (A1) о (A1) весне (A1), настоящей (B2) весне (A1). Потом (A1) пили (A1) чай (A1) с (A1) вареньем (B2), с (A1) медом (B2), с (A1) конфетами (B1) и (A1) с (A1) очень (A1) вкусным (A2) печеньем (A2). Вечером (A1) начали (A1) приходить (A1) гости (A1), и (A1) к (A2) каждому (A1) из (A1) них (A1) Иван (A1) Петрович (A1) обращал (B1) свои (A1) весёлые (A1) глаза (A1) и (A1) говорил (A1) : Здравствуйте (A1) пожалуйста (A1).

Рис. 5а. Разметка лексики по уровням сложности

Рис. 5б. Разметка лексики по уровням сложности

Особого внимания заслуживают списки слов, отсутствующие в стандартизированных лексических минимумах, маркированные аббревиатурой UNL (см. Рис. 6).

Слова, отсутствующие в списках А1-С2	
rinse-nez (1)	▶ rinse-nez
бакен (1)	▶ бакенами
баловница (1)	▶ баловница
благоверная (2)	▶ благоверной ▶ благоверная
большинский (1)	▶ большинство

Рис. 6. Лемматизированный список

Частотный профиль слова демонстрирует и визуализирует пользователю информацию о частотности слова в лексических списках-минимумах РКИ и словаре Шарова [Ляшевская 2009].

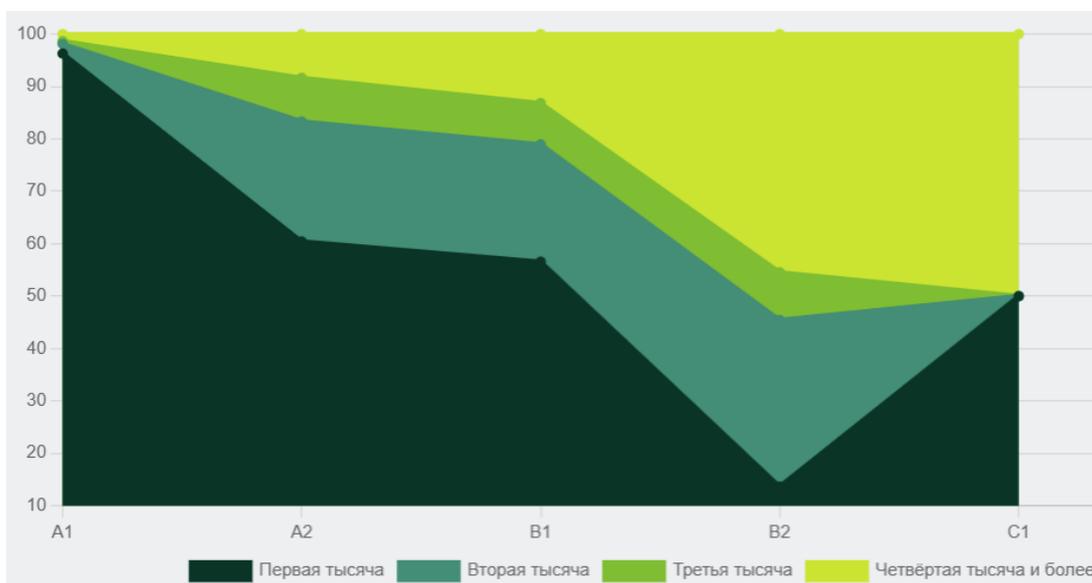

Рис. 7. Доли слов разной частотности в тексте «Записки молодого врача» (РКИ А2)

Заслуживающим внимания является конкордансер, программное обеспечение, выполняющее операцию поиска словоформы и отображающее все зарегистрированные в тексте случаи ее употребления [Захаров 2011]. Конкордансер позволяет расширять левый и правый контексты слова в пределах одного предложения.

Например,

отелло (1)	<ul style="list-style-type: none"> ▼ Отелло • Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы постараемся вести себя так, что он ничего не заметит.
------------	--

Рис. 8. Контекст слова Отелло в рассказе «Ионыч»

Конкорданс как один из инструментов учебной и исследовательской деятельности весьма может быть использован для сравнения дистрибуции слова, анализа ключевых слов, анализ частотности слов и словосочетаний, идиом, а также для создания списков слов.

RuLingva также позволяет выгружать текст с полной морфологической разметкой и группировать слова из текста по частям речи (Рис. 9).

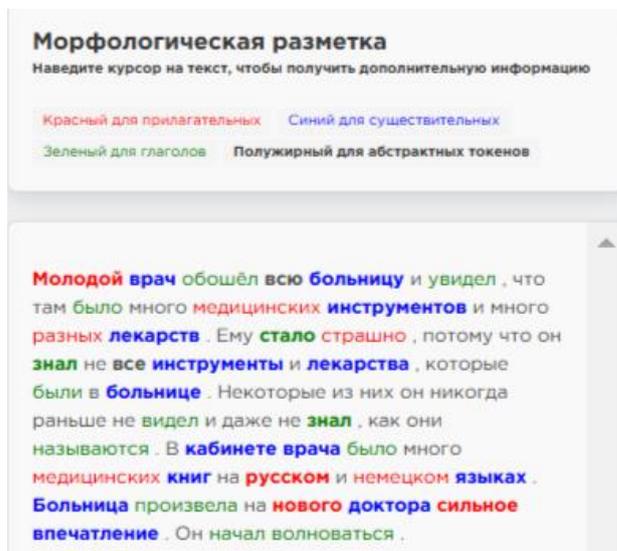

Рис. 9. Морфологическая разметка

Результаты многочисленных исследований показали, что RuLingva позволяет классифицировать типы текстов (например, информационные и учебные) с помощью ограниченного списка параметров. Действующий функционал RuLingva может применяться в различных областях, включая поисковые системы, где автоматическая классификация текста имеет первостепенное значение. Ее также могут использовать специалисты по текстовой аналитике, преподаватели, разработчики тестов, а также авторы учебников и журналисты.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант 24-78-10129 «Когнитивная и лингвистическая сложность текста».

Литература

Антонова В. Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина. 14-е изд. СПб.: Златоуст, 2019. 256 с.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учеб. для студентов гуманитарных вузов / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. Иркутск: ИГЛУ, 2011.

Криони Н. К. Автоматизированная система анализа сложности учебных текстов / Н. К. Криони, А. Д. Никин, А. В. Филиппова // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2008. Т. 11. № 1. С. 101–107.

Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (дата доступа: 14.11.2024)

Николаева Ю. В. А. П. Чехов. Ионыч / Ю. В. Николаева. Златоуст; Санкт-Петербург, 2015.

Первухина С. В. Виды адаптации текста / С. В. Первухина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 1. С. 97-100.

English.com URL: <https://www.english.com/gse/teacher-toolkit/user/textanalyzer> (дата доступа: 14.11.2024)

Kapiche. URL: <https://www.kapiche.com/blog/text-analytics-tools> (дата доступа: 14.11.2024)

Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology / K. Krippendorff. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.

Neuendorf K. A. The Content Analysis Guidebook / K. A. Neuendorf. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.

Research Software. URL: <https://www.qresearchsoftware.com/how-to-automatically-code-unstructured-text-data-in-q> (дата доступа: 14.11.2024)

Solnyshkina M. I. Linguistic profiling of text genres: adventure stories vs. textbooks / M. I. Solnyshkina, R. V. Kupriyanov, G. N. Shoeva // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 1. С. 115–132.

Solovyev V. Prediction of Reading Difficulty in Russian Academic Texts / V. Solovyev, M. Solnyshkina, V. Ivanov, I. Batyrshin // Journal of Intelligent & Fuzzy Systems. 2019. Vol. 36. Issue 5. Pp. 4553–4563.

Теганюк Валерия Викторовна
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
УДК 811.1

**Семантический анализ французско-канадских,
французских и английских фразеологических единиц
с компонентом-зоонимом «кот/кошка»**

*семантика, фразеологическая единица, зооним,
первичная знаковая функция, вторичная знаковая функция,
фразеосемантическое поле*

Целью настоящего исследования является выявление универсального значения компонента-зоонима «кот/кошка» во фразеологических единицах (далее – ФЕ) в картине мира французско-канадского, французского и английского языков, а также определение уникальных значений данного зоонима, свойственных только одному языку. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: классификация ФЕ с компонентом-зоонимом «кот/кошка» на фразеосемантические группы; определение типа семантической связи между компонентами ФЕ, выявление семантической окраски данного компонента.

Исследование актуально, т.к. помогает лучше понять языковую картину мира носителей данных языков сквозь призму ее отражения ФЕ с зоонимом «кот/кошка». Методы, применявшиеся в работе: метод сплошной выборки, метод семантического анализа, контекстологический метод, квантитативный метод. Научную базу исследования составили статьи по смежным тематикам. Практической базой послужили современные фразеологические словари французско-канадского, французского и английского языков.

Несомненным является факт взаимосвязи между языком и культурой народа. В языке нашли свое отражение особенности быта, традиции, исторические факты народа. Исследование фразеологического фонда наилучшим образом помогает понять менталитет носителя языка, т.к. в нем отражены национальные особенности культуры. ФЕ с компонентами-зоонимами присущи всем языкам. Зооним понимается нами не только как имя нарицательное, обозначающее животное, но и как переносное, метафорическое значение, которое проецируется на человека [Махмуди 2023: 149]. Зоонимы помогают человеку более точно передать те явления, которые ему сложно идентифицировать и

описать. Они являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира, в которой наиболее ярко проявляется антропоцентричность языка [Николаева 2022: 42].

Кот, кошка – животные, издавна живущие рядом с человеком и выполняющие важные функции по отпугиванию мелких грызунов. Человек подмечал основные характеристики кошки – живучесть, независимый характер, неторопливость, но быстроту реакции, что также нашло свое отражение во фразеологическом фонде.

Рассмотрим основные значения ФЕ с компонентом-зоонимом «кот/кошка» в сопоставляемых языках:

1. Живучесть: фр. *les chats ont la vie dure*, англ. *a cat has nine lives* ‘кошки живучи’, *a cat with nine lives* ‘живучий человек’.

2. Символ несчастья, неудачи: фр. *il ne faut pas éveiller le chat qui dort* ‘не буди лиха, пока лихо тихо’; англ. *the cat among the pigeons* ‘источник бед, переполоха’ (букв. кот на голубятне), *a cat in the meal* ‘скрытая опасность’.

3. Ласковый характер: фр. *être câlin [caressant] comme un chat* ‘быть ласковым как кошка’, *elle est chatte* ‘она ласковая как кошечка’.

4. Неблагодарность: фр. *ingrat comme les chats* ‘в высшей степени неблагодарный’.

5. Любовь к сладкому: фр. *gourmand [friand] comme un chat* ‘большой сластёна’.

6. Незначительное количество: фр.-кан.: *pas un chat* ‘ни души’; фр. *il n'y a pas (là) de quoi fouetter un chat* ‘это (дело) выеденного яйца не стоит’, *on n'y trouverait pas un seul chat* ‘хоть шаром покати’.

7. Состояние беспокойства, тревоги: фр.-кан.: *vif comme un chat* ‘бдительный, начеку’, *inquiet comme une chatte qui pisse dans le son* ‘тревожный’; англ. *nervous as a cat* ‘очень нервный’, *see how the cat jumps* ‘быть начеку, держать нос по ветру’.

8. Неопрятный вид: англ. *feel like smth. the cat has brought in* ‘не ловко себя чувствовать’ (особенно из-за грязной или неопрятной одежды).

9. Неосторожные действия: фр.-кан.: *faire le tour du chat* ‘споткнуться, упасть’; англ. *skin the cat* ‘кувыркаться’.

10. Обозначение чего-л. неизвестного, непонятного: фр.-кан. *acheter un chat dans un sac* ‘купить кота в мешке’, *une chatte n'y retrouverait (reconnaitrait) pas ses petits* ‘путаница, черт ногу сломит’ (букв. кошка не найдет своих котят); фр. *acheter chat en poche* ‘купить кота в мешке, купить что-либо за глаза’; англ. *all cats are grey in the dark* ‘ночью все кошки серы’.

11. Символ коварства, хитрости: фр.-кан. *sournois comme un chat* 'лицемер'; фр. *jouer avec sa victime comme un chat avec une souris* 'играть со своей жертвой, как кошка с мышью'; англ. *a single cat* 'человек, кажущийся хуже, чем он есть', *an old cat* 'сварливая старуха'.

12. Чувство вины: фр. *le chat aime le poisson, mais il n'aime pas à mouiller la patte*, англ. *all cats love fish but fear to wet their paws* 'и хочется, и колется', *the cat did it* 'это не я' (букв. это сделал кот).

13. Описание плохих взаимоотношений: фр. *s'accorder comme chien et chat* 'ладить как кошка с собакой'; англ. *to lead a cat and dog life* 'жить как кошка с собакой'.

14. Больное горло: фр.-кан., фр. *avoir un chat dans sa gorge* 'охрипнуть'.

15. Плохая память: фр.-кан. *avoir une mémoire de chat* 'иметь короткую память'; фр. *mettre qch dans l'oreille d'un chat* 'забыть что-л. сказать'.

16. Чувство ревности: фр.-кан. *jalouse comme une chatte* 'ревнивая (о женщине)'.

17. Внешняя характеристика человека: фр.-кан. *avoir le dos rond comme un chat* 'горбатый, с круглой спиной'; фр. *mine de chat fâché*.

18. Болтливость: англ. *able to make a cat speak* 'кому угодно развяжет язык' (о крепком спиртном), *has the cat got your tongue* 'ты что, язык проглотил?', *the cat is out of the bag* 'тайное стало явным'.

19. Риск, проявление инициативы: англ. *bell the cat* 'отважиться, рискнуть'.

20. Что-либо отличного качества: англ. *the cat's meow* 'высший сорт!' (восклицание), *cool cat* 'классный парень'.

21. Смех, улыбка: англ. *enough to make a cat laugh* 'хоть кого насмешит', *grin like a Cheshire cat* 'улыбаться во весь рот'.

22. Проливной дождь: англ. *it is pouring cats and dogs* 'льет как из ведра' [Гак 2005; Кунин 2005, DesRuisseaux 2007].

Таким образом, значения ФЕ с компонентами-зоонимами могут совпадать в трех сопоставляемых языках (обозначение неизвестного, коварство); совпадают во французско-канадском и французском языках, но отсутствуют в английском языке (незначительное количество, боль в горле, плохая память, внешняя характеристика человека), совпадают во французско-канадском и английском языках, но отсутствуют во французском языке (состояние тревоги, неосторожные действия), совпадают во французском и английском языках, но отсутствуют во французско-канадском (живучесть, символ неудачи, недружелюбная обстановка); значения являются уникальными во французско-канадском языке (чувство ревности), во французском языке (ласковый

характер, неблагодарность, любовь к сладкому), в английском языке (болтливость, проявление инициативы, смех, дождь).

Сделаем следующие выводы из полученных результатов:

1. Компонент-зооним «кот/кошка» встречается в 14 французско-канадских ФЕ, 81 французской ФЕ и 53 английских ФЕ, что позволяет сделать вывод о его высокой продуктивности.

2. Компонент-зооним «кот/кошка» имеет большое количество значений, отмечающих характер, внешность, поведение кошки и спроецированных на человека.

3. Значения ФЕ с данным зоонимом могут быть универсальными (встречаются в трех сопоставляемых языках), частично универсальными (встречаются в двух языках, но отсутствуют в третьем) либо полностью уникальными, присущими отдельному языку.

4. Зооним «кот/кошка» выполняет преимущественно первичную знаковую функцию, т.е. обозначает животное.

5. Вторичная знаковая функция выполняется этим зоонимом реже, чаще всего со значением «человек», «тип».

6. ФЕ с зоонимом «кот/кошка» антропоцентричны и имеют преимущественно отрицательную коннотацию.

Литература

Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь: более 50000 выражений / под ред. В. Г. Гака. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 1624 с.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд., испр. / А. В. Кунин. М.: Живой язык, 2005 (ОАО Тип. Новости). 942 с.

Махмуди А. Ф. А. Сопоставительный анализ зоонима «кот/кошка» в русских и персидских пословицах и фразеологизмах / А. Ф. А. Махмуди, Х. Голами // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-2(85). С. 148-153. DOI 10.24412/2500-1000-2023-10-2-148-153. EDN TLYVII.

Николаева Н. В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Николаева. Чебоксары, 2022. 302 с.

DesRuisseaux Pierre. Dictionnaire des expressions québécoises / P. DesRuisseaux. Montréal, Bibliothèque québécoise, 2007. 480 p.

Основные принципы разработки учебного пособия по русскому языку как иностранному

концептуальные принципы, русский язык как иностранный

Одним из актуальных вопросов обучения русскому языку иностранных студентов в медицинских вузах является проблема учебно-методического обеспечения учебного процесса, нехватка учебных пособий, в которых находили бы отражение концептуальные принципы методики преподавания. Правильно разработанное учебное пособие является основой получения необходимых знаний, условием формирования языковой, профессиональной и коммуникативной компетенций. Содержание учебного пособия должно быть нацелено на усвоение профессионально ориентированной информации, способствовать применению полученных знаний в сфере будущей профессии, а также помочь иностранным студентам адаптироваться в социокультурной среде.

Основополагающие принципы подготовки учебных пособий в свое время были объектом исследования многих ученых. Так, исследователи А. Л. Бердичевский и А. В. Голубева делятся опытом подготовки учебника русского языка как иностранного в контексте межкультурной коммуникации и анализируют концептуальные принципы, которые были положены в основу учебника [Бердичевский 2015: 30].

Е. В. Дзюба, А. Э. Массалова подчеркивают значимость психолого-педагогических, социокультурных и методических основ преподавания русского языка как неродного / иностранного [Дзюба 2017: 41].

В процессе разработки учебного пособия по русскому языку как иностранному для обучающихся в медицинском вузе из Индии мы руководствовались нижеследующими принципами.

Принцип социокультурной адаптации. Особую значимость приобретает принцип социокультурной адаптации обучающихся, культурно-ценностный аспект разработки учебного пособия. Казахстан для студентов из Индии является уникальной страной. Культура, обычаи-традиции, менталитет, базовые ценности казахского народа в корне отличаются от культуры, обычаев-традиций индийского народа, поэтому вопрос аккультурации иноязычных обучающихся стоит наиболее

остро. Язык и культура – два тесно взаимосвязанных понятия, которые нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Культура находит непосредственное отражение в языке народа. В данном случае учебное пособие по русскому языку как иностранному играет важную роль посредника в процессе аккультурации иноязычных обучающихся и должно включать информацию о национально-культурных, общечеловеческих и семейных ценностях казахского народа, нравственных нормах и здоровом образе жизни.

Наряду с этим, учебный материал должен содержать информацию о культуре, обычаях-традициях, базовых ценностях родного народа обучающихся. Проводя параллель между двумя культурами, мы мотивируем обучающихся к восприятию культуры страны изучаемого языка, усвоению фоновых знаний, воспитываем уважительное отношение к своей культуре и к культуре другого народа.

Принцип опоры на родной язык обучающихся. Обучение должно осуществляться с опорой на родной язык обучающихся. На начальном этапе обучения в процессе анализа грамматических конструкций необходимо проводить параллель с родным языком. Поэтому в учебное пособие включены тексты, диалоги, задания на английском языке. При этом необходимо учитывать интерферирующее влияние родного языка. С этой целью необходимо анализировать аналогичную информацию в родном языке обучающихся.

Принцип равномерного развития видов речевой деятельности. Дидактический материал в пособии должен быть представлен с учетом равномерного развития четырех видов речевой деятельности. Предложенные тексты предусматривают различные виды чтения в зависимости от уровня обучения. Так, на начальном этапе обучения можно предложить тексты для ознакомительного чтения. Целью данного вида чтения является понимание содержания текста. Целью поискового чтения является получение ответа на конкретный вопрос. Поэтому читающий в результате прочтения текста должен найти определенную информацию. Изучающий вид чтения текста тоже должен быть использован на продвинутом этапе обучения, так как предполагает более тщательное изучение читаемой информации.

Аудирование – вид речевой деятельности, благодаря которому можно эффективно развивать и письменную, и устную речь обучающихся. Степень и уровень формирования аудитивных навыков могут быть обусловлены речевым потенциалом, особенностями мыслительной деятельности, подготовленностью иноязычных обучающихся.

Тексты, предназначенные для аудирования, должны соответствовать определенным требованиям. Содержание текста должно быть

актуальным и представлять интерес для современной молодежи. Изложение текста должно быть доступным, количество незнакомых слов ограниченным, объем аудиотекста должен соответствовать уровню знаний студентов. Особое внимание необходимо уделить просодическим характеристикам озвучиваемых текстов: громкость, дикция, темп речи, тембр голоса, интонация и др.

Комплекс заданий для развития такого вида речевой деятельности как письмо должен быть детально продуман, так как именно письмо является наиболее сложным видом речевой деятельности и показателем грамотности обучающихся. Способность излагать правильно свои мысли в устной форме не значит, что обучающийся также изложит свои мысли в письменной форме. Письменные задания должны быть направлены на формирование грамматических и орфографических навыков, соблюдение правильного порядка слов в предложении, согласование частей речи в роде, числе, падеже и др.

Для эффективного развития навыков речевой деятельности «говорение» в учебное пособие можно включить речевые ситуации на различные темы, которые дают возможность проиграть свои полученные роли в конкретной ситуации, что позволяет обучающимся понять изнутри особенности данного процесса, определить тактику и стратегию речевого поведения в моделируемой деятельности. Выполнение ситуационных задач наряду с развитием дискурсивных навыков обучающихся ориентировано на формирование логического, критического мышления, умения обосновать, аргументировать свою позицию, умения анализировать, выявлять причинно-следственные связи. В качестве речевых ситуаций обучающимся можно предложить следующие задачи:

1. Познакомьтесь со своим сокурсником и договоритесь пойти с ним в библиотеку университета.

2. Расскажите о членах своей семьи другу из Казахстана, с которым Вы познакомились по интернету.

3. Вы хотите принять участие в конкурсе выразительного чтения. Прочитайте стихотворение «Семья -- моё богатство», поделитесь своими впечатлениями.

4. Вам предстоит участвовать в конкурсе рассказов. Составьте 5–6 предложений с описанием климата Индии.

5. Ваш друг – студент из Индии. Расскажите ему о правилах пользования книгами в библиотеке. Какие еще библиотеки есть в нашем городе?

Принцип профессиональной ориентированности содержания. Согласно данному принципу, учебный материал должен быть нацелен

на формирование профессиональной компетенции будущих специалистов. На начальном этапе обучения постепенно должны вводиться терминология и соответствующие дефиниции специальности. На продвинутом этапе предусмотрена работа с профессионально ориентированными текстами. Например: «*Строение человеческого тела*», «*Здоровое питание*», «*Общая медицина*», «*Анатомия*», «*Здоровый образ жизни*», «*Моя профессия – врач*», «*В аптеке*», «*В поликлинике*», «*В больнице*», «*Витамины*» и др.

Принцип от простого к сложному. Указанный принцип соблюдается непосредственно при распределении учебного материала по темам, предполагает градацию дидактического материала по уровням сложности, предусматривает логическую последовательность в предъявлении нового материала, представлении фактов, понятий, теоретической информации.

Задания к тексту необходимо выполнять в логической последовательности: от менее сложных к более сложным. Следовательно, задания можно разделить на предтекстовые, внутритекстовые и послетекстовые. Предтекстовая работа носит установочный характер и обычно ориентирована на подготовку обучающихся к восприятию содержания текста. Задания снимают лексические трудности, способствуют пополнению словарного запаса. Задания в рамках послетекстовой работы имеют творческий характер, предполагают ответы-суждения оценочного, полемического свойства.

Таким образом, выбор методических и дидактических принципов разработки учебного пособия по русскому языку как иностранному зависит от цели обучения, уровня владения языком обучающихся, а также профессиональной сферы деятельности будущих специалистов.

Литература

Бердичевский А. Л. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного / А. Л. Бердичевский, А. В. Голубева. Санкт-Петербург, 2015. С.30-32.

Дзюба Е. В. Психолого-педагогические, социокультурные и методические основы преподавания русского языка как неродного / иностранного / Е. В. Дзюба, А. Э. Массалова. Екатеринбург, 2017. С.41.

Анализ семантических особенностей глаголов состояния в китайском и русском языках

*семантические особенности, китайский и русский языки,
глаголы состояния*

В современных исследованиях предметом внимания становятся грамматические единицы, в том числе и части речи, их семантика и функционирование [Юсупова 2021, 2: 252]. Глагол – одна из важнейших частей речи в русском языке, изучение глаголов является необходимым условием для овладения реальным языком и важным инструментом для повседневного общения и выражения эмоциональных и двигательных состояний.

Семантика – дисциплина лингвистического характера, изучающая план содержания языка в целом, а также значение отдельных языковых единиц и их функции в речи [Карпухин 2011: 220] Глаголы состояния в русском языке выступают как отдельная лексико-грамматическая группа. Эмоциональные состояния – один из факторов, сопровождающих жизнь каждого человека, и успех общения зависит от взаимопонимания эмоциональных переживаний. В статье мы проанализировали семантические особенности глаголов состояния в китайском и русском языках, которые изучались многими лингвистами, например, А. П. Евгеньев, Н. И. Шапилова, М. В. Никитин, Ю. А. Апресян и др.

Глаголы эмоционального состояния предназначены для выражения внешнего проявления характеристики, а характеристика глаголов эмоционального состояния – это воплощение эмоций и чувств, например: 胆怯 – робеть бояться, 高兴 – радоваться, 喜欢 – выражать нравиться, 爱 – любить, 恨 – недолюбливать, 难受 – страдать, 同情 – сострадать, 讨厌 – пренебрегать, 害怕 – опасаться, 忍让 – терпеть, 羡慕 – завидовать, 丧气 – унывать, 怀疑 – сомневаться; подозревать, 想念 – скучать, 佩服 – восхищаться 想念 – скучать, 发怒 – злиться и так далее.

Эти глаголы эмоционального состояния часто используются в повседневном общении и стали важной частью словарного запаса русского языка.

Глаголы эмоционального состояния сильно отличаются в русском и китайском языках. Некоторые русские глаголы эмоционального состояния не имеют эквивалента в китайском языке, например: 闷闷不乐

– хандрить, 垂头丧气 – унывать, 畏首畏尾 – ужасаться, 兴高采烈 – ликовать, 怒气冲冲 – гневаться, 无精打采 – томиться и др.

Многие китайские глаголы также не имеют соответствующего значения в русском языке, например: 焦思 – буквально гореть от тоски, 吼怒 – буквально гневаться рыча, 黯然神伤 – буквально погрузиться в печаль, 羞恼成怒 – буквально Прийти в раздражение от возмущения, 哑然失色 – буквально Измениться в лице во время смеха, 极为悲痛 – посыпать пеплом главу.

В китайском языке особенностью глаголов эмоционального состояния является то, что они могут сочетаться с наречиями «很, 非常 – очень, 最 – больше всего, 有点有些 – немного, несколько», что оттенки состояния могут быть описаны по их интенсивности. Эта особенность сближает форму и характер употребления глаголов эмоционального состояния с прилагательными [Яхонтов 1957: 181]

Глаголы эмоционального состояния обычно не используются многократно, например: «Дети, вы должны уважать своих старших и учителей – 孩子们, 你们需要尊敬尊敬长辈和老师! Мы должны посочувствовать ее родителям – 我们不得不同情同情她的父母。»

Глаголы эмоционального состояния могут обозначать состояния, охватывающие длительный период времени, и в основном используются в непрерывном смысле. Эти глаголы могут использоваться в сочетании со словами длительного действия «Пять лет я любил эту девушку. 几年来我一直崇拜你», но не со словами, относящимися к конкретному моменту.

Глагольная частица «着» существует как глагольный суффикс, обозначающий непрерывное или длительное состояние действия, и «着» часто используется в сочетании с некоторыми глаголами физического состояния: сидеть – 坐, бегать – 逃跑, жить – 生活, лечить – 治疗, спать – 睡觉, поголодать – 饿, оживать воскресать – 复苏, болеть – 生病, дурманить – 迷糊, дремать – 打瞌睡, знобить – 发冷, изморить – 疲惫不堪 и т.д. В предложении вы можете использовать структуру «объект + глагол + 着», например «Дедушка лежит на диване. 爷爷在沙发上躺着».

Но глаголы эмоционального состояния в китайском языке такого рода обычно не могут быть сформированы в континуум путем добавления «着», но они могут добавлять «了» и слова длительности, чтобы указать на ограниченную продолжительность состояния «Я уважал тебя полжизни. 我尊敬你尊敬了半辈子。 Она боялась змеи на мертвом дереве. 她害怕死了树上的蛇。 Она была обманута им, поэтому долгое время ненавидела его. 她被他欺骗了, 所以憎恨了他很久» [Тань 2002: 896]

Семантика является важнейшим разделом языкознания, так как позволяет понять природу и закономерность функционирования человека. Семантические особенности глаголов эмоционального состояния в русском и китайском языках являются сложной темой, поскольку эти глаголы отражают эмоциональный подтекст русской речи. Глаголы эмоционального состояния также являются важными словами в языке и речи; они позволяют выразить чувства и эмоции, испытываемые человеком, в языке, выводя их во внешний план.

Литература

Юсупова З. Ф. Основы функционально-семантического направления в лингвистике в их отношении к преподаванию русского языка как содержание проблемного семинара для магистрантов / З. Ф. Юсупова // Мир русского слова. 2021. № 2. 252 с.

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Аошуан Тань. М: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

Карпухин С. А. Семантика русского глагольного вида / С. А. Карпухин. 2-е издание, исправленное и дополненное. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 2011. 220 с. EDN WLCALN.

Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. Л: Изд-во ЛГУ, 1957. 181 с.

Stylistic features of metalepsis in English and Azerbaijani languages

metaphors, metalepsis, synonymous, typological linguistics

The term “metalepsis” comes from the Greek word meaning the replacement of one concept by another. Some rhetoricians believe that metalepsis can be called a kind of euphemism. Euphemisms and metalepsis are based on the principle of naming one concept by another, but there is a difference between them. In metalepsis, the replacement of synonymous semantics with words plays a more active role. In euphemisms, the main principle is to avoid vulgar words, different names appear depending on national mental characteristics. On the other hand, metalepsis is based on metaphor, whereas euphemisms are emotionally expressive carriers of meaning and are based on indirect expression of meaning.

Metalepsis is an older variant of metonymy and has unique characteristics compared to euphemisms. This stylistic tool is formed according to the principles of naming. Their style is associated with the emotional semantics of the so-called replaced concept. Jennet considers metalepsis to be a kind of euphemism [ЖЕНЕТТ 1998]. According to the principle of general replacement, euphemisms can also be explained as a kind of metonymy, despite some peculiarities between them. But in metalepsis, imagery prevails, the principle of its formation is not only in substitution, but also in imagery; this is a metaphorical transfer. Euphemisms are based on neutral hyphenation.

Metalepsis represents the “relationship” between the narrator and the subject and the events in question. Metalepsis demonstrates the transition from one level of storytelling to another. At the same time, there is a transition from one discursive situation to another. If someone, speaking about something in Azerbaijani, says: “Səndən bir yaş böyüyəm”, the synonymous model of “age // spring” is very active in the semantics of historically skeptical expressions “one summer, one winter,” etc. In ancient Chinese, age means fresh green grass. Later, it became associated with the cycle of the year in the minds of pastoralists and farmers and became a substitute for the semantics of the “year” in the modern sense. When we talk about something in discourse, we return to the situation of “spring”, “winter”, “holiday” and so on in a metaleptic form. Therefore, metalepsis transfers are

characterized by the speaker's transition from one situation to another in the course of discourse:

1. Dedin, durnalarla gələrəm mən də,
Durnalar qayıtdı sən gəlməz oldun.
Saraldı yarpaqlar çöldə, çəməndə,
Payız fəsli çatdı sən gəlməz oldun [Gülgün].

2. Hər köçə güman var
Gün keçər, Ay dönər
Gözlərində mavi göy gələr yar
Qayıdanda durnalar [Vəziroğlu].

In this example, the semantics of “Durnalar qayıdanda” – spring, “durnalarla gələrəm” – spring is based on metalepsis.

In English: metalepsis “to the grave” (qəbr evinə qədər), “ten harvests” (on məhsul ili), “coffin” (ölü) is characterized by the introduction of another discursive situation by the interlocutor into a new situation. This is not a violation of the incentive situation, but the establishment of a certain level of association with it.

Metalepsis in English and Azerbaijani plays an important role in establishing the intended meaning of speech more correctly, reliably and vividly. Then the researcher turns to metalepsis, which is more effective, irreplaceable and accurate in revealing the situation under consideration. In addition to these features, it increases the aesthetic value of the text in such a situation. By aesthetic value we mean the new effect of a living language and the attractiveness of it, as well as the poetry of metalepsis in speech.

Usually, the name metonymy implies the replacement of one of the linguistic units of a two-component structure with another and the resulting rhetorical and grammatical-semantic effect. However, in literary texts there are such facts that, as in metalepsis, one can indirectly express an idea here. This is not just a substitution, it is a rhetorical substitution. Because such substitutions lead to a high rhetorical effect:

“The expeditions were often out of meat, and scant of clothes, but they always had the furniture and other requisites for the mass; they were always prepared, as one of the quaint chroniclers of the time phrased it, to ‘explain hell to the savages’ [Twain 2020].

In this example, “explain hell to savages” expresses the semantics of “they were ready to cross the most difficult paths”.

In fact, there is also a transfer here; in this associative transfer, not only the name is transmitted, but also the idea as a whole. Thus, a semantic association is created between the idea and the main idea. Mark Twain mentions this association with reference to the opinion of some chronicler. Another example:

“An article in the New Orleans 'Times-Democrat' based upon reports of able engineers, states that the river annually empties four hundred and six million tons of mud into the Gulf of Mexico—which brings to mind Captain Marryat's rude name for the Mississippi—the Great Sewer. 'This mud, solidified, would make a mass a mile square and two hundred and forty-one feet high” [Twain 2020]. The same principle is assumed in the above example, but unlike the previous example, this is a metaphorical metonymy. Such diffuse rhetorical techniques are used in literary texts. This is a metonymy in terms of naming, but a metaphor in terms of comparison. In general, metonymy is more noticeable than metaphoricity. Apparently, metonymies of this type are rarely explored in rhetoric.

In such cases, sometimes the interpretation of the problem becomes difficult. Because the boundaries of metonymy go beyond the traditional explanation that we have learned.

References

Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2 / Ж. Женетт. М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998, 944 с.

Gülgün M. Durnalar qayıtdı / M. Gülgün // [https://portal.azertag.az](https://portal.azertag.az/node) node

Twain M. Life on The Mississippi Complete / M. Twain. Ankara, Platanus Publishing, 2020. 406 p.

Vəziroğlu B. Taleyimdən keçən gün / B. Vəziroğlu <https://sozmusiqi.wordpress.com>

Семантическая эволюция русских заимствований в персидском языке

*лексическое заимствование, семантические изменения, русский язык,
персидский язык*

Изменения в значении любого слова при переходе из одного языка на другой неизбежны. Когда иностранное слово появляется в другом языке, оно проходит процесс адаптации, называемый семантической ассимиляцией. Этот процесс заключается не только в переносе значения слова, но и может привести к существенным изменениям в его семантике. «Семантическая адаптация, или семантическая переработка, иноязычного слова – это приспособление его семантической структуры к системе заимствующего языка. Лексическое значение новозаимствованного слова формируется, уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические связи со словами принимающего языка» [Маринова 2012: 213]. Заимствованные из русского языка слова в персидском языке подвергаются различным семантическим изменениям, отражающим особенности функционирования лексики в новом языковом контексте. К наиболее распространенным семантическим процессам относятся:

1. Сужение значений слова.

Сужение значения заимствованных слов происходит вследствие метонимического переноса, при котором слово, переходя в новую языковую среду, теряет часть своей семантической структуры, сохраняя только часть значений, релевантную для новой языковой ситуации. Например, лексема автомат *آفتامات* ['āftāmāt] в русском языке имеет следующее значение: '1. аппарат (машина, прибор, устройство), после включения самостоятельно выполняющий ряд заданных операций. 2. индивидуальное автоматическое стрелковое оружие с надевающимся штыком ножом' [Ожегов 2010: 30]. Но в персидском языке это слово используется только в значении 'автоматическое устройство регулирования потока электроэнергии в двигателе автомобиля, пропускающее электричество между генератором и аккумулятором' [Амид 1996: 39]. Среди других слов этой группы можно назвать слова *бак, артист, отряд, касса, полоса* и т.д.

2. Расширение значений слова.

Иногда после перехода в персидский язык слова приобретают больше значений, чем они имели в русском языке. Семантическое расширение – это процесс, в ходе которого слово обрастает семантическими производными и начинает более широкое понятие.

Лексема *сигарета* в русском языке обозначает ‘папиросу без мундштука’ [Ожегов 2010: 1670]. Это слово в языке-реципиенте имеет три значения: ‘1. сигара. 2. бумажные гильзы, в которые насыпают табак для курения. 3. узкая катушка с тонкой ниткой, которая используется для шитья’ [Моин 2009, 2: 2912]. Также такие слова, как *музыкант*, *казак*, *инспектор* и *бастуон* включены в эту группу.

3. Консервация значений слова

Многие слова сохранили семантику в начале вхождения в принимающую систему. Рассмотрим несколько примеров сохранения значения. Слово *ассигнация* в русском языке, согласно словарю С. И. Ожегова, – это ‘бумажный денежный знак, использовавшийся в России с 1769 по 1849 год’ [Ожегов 2010: 30]. В персидском языке это слово используется так же, как и в русском: бумажный денежный знак [Моин 2009,1: 271]. Термин *Балалайка* بالالايكا [bālālāykā] обозначает ‘трехструнный щипковый музыкальный инструмент треугольной декой’ [Ожегов 2010: 34]. В персидском языке зафиксировано значение термина – ‘Музыкальный трехструнный инструмент, в виде гитары, на котором играют пальцами’ [Амид 1996: 208]. У этой группы самое большое количество российских заимствований.

4. Атипичные семантические изменения слова

Иногда значение слова полностью меняется, без видимой связи с первоначальным. Например, в русском языке глагол *сосать* описывает процесс всасывания какой-либо жидкости. В персидском же языке слово *ساسات* [sāsāt], этимологически связанное с русским глаголом, претерпело атипичное семантическое изменение. Вместо сохранения динамического значения, оно стало существительным с абстрактным, но конкретизированным предметным значением ‘клапан, расположенный рядом с карбюратором автомобиля’ [Амид 1996: 623]. Связь между процессом всасывания и конкретным автомобильным клапаном не очевидна и требует дополнительных исследований для полного понимания механизмов этого семантического сдвига.

Анализ 201 русского заимствования в персидском языке показывает, что наибольшее количество семантических изменений – 56% – относится к заимствованиям без семантических изменений. У 6% слов наблюдается семантическое расширение, у 38% – сужение значения и у 2% – атипичное изменение значения.

Литература

Амид Х. Персидский словарь Амида / Х. Амид. Тегеран: Амир-кабир, 1996. 1288 с. (на перс. яз.)

Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е. В. Маринова. М.: Наука, 2012. 296 с.

Моин М. Словарь персидского языка: в 6 т. / М. Моин. Тегеран: Намен, 2009. (на перс. яз.)

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: А Темп, 2010. 942 с.

Хмелевский Михаил Сергеевич¹
Савченко Александр Викторович²
Кузнецова Ирина Владимировна³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

² Государственный университет Чжэнчжи

³ Чувашский государственный педагогический университет

им. И. Я. Яковлева

УДК 811.161; 811.163

**«Поскреби русского – найдешь татарина»:
о тюркизмах, ставших концептуальными в культуре славян**

*славяне, славянская культурология, тюркизм, тюркизм, концепт,
заимствование*

Известная и расхожая в русском языке пословица, вынесенная в заглавие настоящей статьи, может быть распространена как на весь славянский мир, так и на многочисленные тюркские народы, которые в тот или иной исторический период длительное время сосуществовали вместе как в политическом, так и в культурологическом, а как следствие – и в языковом плане. Трехвековое так называемое «татаро-монгольское иго» на восточнославянских и частично западнославянских землях, а также пятивековое господство Османской империи на территории, населенной южными славянами на Балканах, естественно, не могли не отразиться на мировоззрении, культуре и укладе жизни славянских народов, что нашло отражение в их языке в виде заимствований, обозначающих реалии повседневной жизни.

Заимствованиям из тюркских языков в славистике посвящено немало научных лингвистических работ, однако редко можно встретить исследования, которые обращены к культурологическому аспекту. Так, многие тюркизмы, вошедшие в лексический состав русского, украинского, сербского и др. славянских языков, давно не воспринимаются их носителями как инородные, а наоборот, уже считаются «своими» и даже более того – некоторые из них в настоящее время являются национальными символами и представляют собой концепты (resp. дискурсивные понятия), ставшие частью славянского этнического самосознания.

Так, например, многие русские фамилии представителей аристократических династий имеют тюркское происхождение, как, например: Апраксины, Аракчеевы, Дашковы, Шереметевы, Булгаковы, Годуновы, Строгановы, Куракины, Салтыковы, Годуновы, Юсуповы, Карамзины,

Аксаковы [Баскаков 1993: 54]. Княжеская, а позднее и королевская династия Карагеоргиевичей, правившая в Сербии, а затем в Югославии в 1-ой половине XX в., родоначальник которой – Карагеоргий (настоящее имя – Джордже Петрович) – стал символом борьбы сербов против Османской империи и носит фамилию с тюркским компонентом *кара* (турецк. 'черный'). Фамилия легендарного предводителя украинского казачества П. Сагайдачный, образ которого вошел не только в историю, но и в украинский фольклор, возводится к тюркскому корню *sadag* (монг. *sagadag*) – 'чехол для лука со стрелами, колчан' [Фасмер 1996, 3].

Отметим, что непосредственно и сам топоним *Балканы*, обозначающий родину современных южных славян и часто сопровождаемый такими эпитетами, как болг. *роден Балкан*, сербск. *наш (драги, лепи) Балкан*, по своему происхождению является тюркизмом (тюркск. *balkan* – 'горы, поросшие лесом, горный хребет'), которым османы называли эти территории во времена вторжения на территории современной Болгарии и Сербии в XIV– XV вв.

Продолжая тему имен собственных, нельзя не упомянуть тюркскую по происхождению лексему *майдан*, ставшую прецедентной для славянского мира. В тюркские языки она пришла из арабского, где изначально имела значение 'поле', 'открытая площадка, главная торговая площадь в городе' [Фасмер 1996 : 559], а также в переносном значении – 'арена, фронт, поле битвы', т.к. именно на главной площади города традиционно проводились разного рода состязания и спортивные мероприятия [Кузнецова 2018 : 118], или место народных собраний для дискуссий и решения актуальных вопросов. В этом значении в качестве компонента данная лексема выступает в таких сербских фразеологизмах, как *добити мејдан / добити на мејдану* – 'выиграть соревнование / победить в поединке'. Однако если говорить о концептуальной в культурологическом смысле наполненности данного слова в сербском сознании, то в первую очередь вспомним название древней крепости в центре Белграда, ставшей не только главной достопримечательностью сербской столицы, но и концептуальным маркером сербской национальной самоидентичности – *Калемегдан* (турецк. *kale* – 'крепость', а *megdan* – 'площадь, поле', т.е. букв. «замковая площадь» [Хмелевский 2015, 60/1: 79]. Как мы видим, тюркский по происхождению топоним в сознании южных славян – сербов – уже давно не воспринимается чужим, а наоборот, становится символом исторического присутствия славян на берегах Дуная, обозначая их национальную и культурную идентичность.

В украинский язык это слово попадает из тюркских языков через кыпчако-половецкий, т.е. куманский язык, который был широко распространен на территории Киевской Руси с XII века, а также через татарский – в значении ‘большое незастроенное место в селе или городе, площадь’ [Грачев 2016 : 121]. Если украинская лексема *площа* обозначает любую городскую площадь, то *майданом* в Центральной Украине, а также в казацких селах Подонья, Поволжья и Приуралья традиционно называли место, площадь, расположенную у церкви, где жители собирались для решения общественных и вопросов или частных споров (ср. с русским понятием *новгородское вече*).

Говоря о тюркизмах в топонимике, вспомним ставшими концептуальными в культуре и сознании восточных славян топонимы, в частности: один из главных символов Москвы – *Арбат* (тюркск. *arba at*, т.е. ‘пригород, предместье’) или овечья в сознании каждого русского ассоциациями с исконной родной поволжской идентичностью и культурой – город *Самара* происходит от тюркск. *samar* – ‘мешок’ [Фасмер 1996] (ср. значение этого тюркизма в сербском языке: *самара* – ‘седло’).

Значительное количество тюркизмов номинируют распространенные реалии повседневной жизни, в частности, традиционные в русской культуре различные предметы быта и обстановки, например: *сундук, деньги, чемодан, барабан* и многие другие. Символами украинской этнической культуры являются укр. *козак, бандура, шаровари, сурма* и многие другие, ставшие неотъемлемой частью национальной самоидентичности. Обращаясь к южнославянской самобытности, подчеркнем, что основную часть блюд национальной кухни, являющихся гордостью современной самобытной сербской кулинарной культуры и ее символами, в действительности имеют в своем происхождении тюркские наименования: *ракија, бурек, ћевапи, кајмак, ајвар* и т.п.

Подводя итог, отметим, что лексика тюркского происхождения составляет значительный пласт лексики в современных славянских языках. Многие из таких лексем уже перестали восприниматься славянами как чужеродные, а даже являются маркерами национальной идентичности и важными этнокультурными дискурсивными понятиями.

В настоящей статье нами было вкратце затронуто такое глубокое явление, как мировоззренческая трансформация инородных вкраплений в славянских языках из тюркских, их историческое переосмысление и становление культурологическим маркером для славянского самосознания и менталитета.

Литература

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1993. 278 с.

Грачев М. А. Талан на майдан / М. А. Грачев // Русская речь. 2016. №2. С. 120–122.

Кузнецова И. В. Устойчивые сравнения с компонентом-турцизмом религиозной тематики в языках народов бывшей Югославии / И. В. Кузнецова // Никоновские чтения: сборник научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2018. С. 116–120.

Хмелевский М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии / М. С. Хмелевский // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2015. 60/1. P. 79–86.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М.: Азбука-Терра, 1996. 864 с.

Cognitive linguistics: Achievements and problems. Evaluation of Cognitive Linguistic Skills in English

cognitive linguistics, metacognitive, memory, evaluation, mental thinking

Introduction.

Language as a cognitive mechanism that encodes and transforms information is the subject of cognitive linguistics. The intricate connection between language and thought is the subject of cognitive linguistics. The foundation for studying how people interact with language has been laid by the field of neuropsychology.

R. Ableeva, J. Piaget (1977) noted that the goal of cognitive linguistics, like that of other cognitive sciences, is to gather information from brain activity [Ableeva 2010; 1: 38; Piaget 1977; 7: 112]. Additionally, cognitive linguistics and other cognitive sciences share a common focus: the study of understanding. The final decades of the XX century saw the resolution of linguistic problems. This time frame is also associated with publications in the field of cognitive linguistics. With its methodologies, modern cognitive linguistics investigates a broad topic of cognition. For this purpose, English language assessment must take a serious approach to linguistic problems about the theoretical and empirical underpinnings of cognition. Cognitive linguistics has established itself as an important field within modern linguistics. Its inception and rapid development are key features of contemporary linguistic studies.

To effectively harness the collaborative insights from psychology, semiotics, information theory, neurolinguistics, artificial intelligence, philosophy, and anthropology, cognitive linguistics is applied in the context of English language instruction. To achieve this, it is essential to consider different perspectives when defining cognitive-linguistic skills and to utilize effective assessment methods.

Developing cognitive-linguistic skills.

Cognitive linguistics has emerged as a significant field within modern linguistics, marked by its rapid development and importance in contemporary linguistic studies.

To effectively leverage insights from various disciplines – such as psychology, semiotics, information theory, neurolinguistics, artificial intelligence, philosophy, and anthropology – cognitive linguistics is applied in the

context of English language instruction. It is crucial to explore different perspectives when defining cognitive-linguistic skills and to implement effective assessment methods. Dörnyei Z. (2009) correctly argued that language assessment reflects age-related factors and that research in language learning plays a crucial role in various areas of cognitive development associated with the learner's age. These areas include critical periods, sensitive periods, memory, attention, and metacognition [Dörnyei 2009, 4: 275].

J. R. Anderson, H. Li, C. V. Hunter, P. W. Lei stated that cognitive and metacognitive processes are central to teaching English, as they pertain to the mental activities of learners. Various cognitive factors significantly impact English language acquisition. These factors include memory, forgetting, recall, attention, awareness, the context in which learning occurs, and the language environment [Anderson 1982, 2: 369; Li 2016 5: 391].

Gaining knowledge of cognitive linguistics is essential for effective learning. The development of these skills has made it possible to study semantic dictionaries and identify primary semantic elements. In terms of students' cognitive activity, this leads to a strengthening of memory mechanisms and promotes healthy mental thinking. As a result, students systematically develop skills in recognition, explanation, answering questions, reasoning, and more. These findings are reflected in the categories outlined by American cognitive scientists.

Cognitive linguistic assessments are designed to measure thinking abilities, including memory, language, reasoning, and perception. These assessments provide valuable insights into a person's skills across various areas and allow researchers to monitor how these abilities change over time. The test required participants to answer a text comprehension question, which was based on four different types of sentence structures. To foster lexical competence while aligning with the cognitive approach, it is important to establish a systematic set of exercises. In this context, an exercise represents a fundamental unit of learning and should not be broken down into smaller parts. When discussing the cognitive-communicative aspect of grammar instruction, it is crucial to acknowledge the interplay between communication and cognition, especially regarding how knowledge is shared through communication.

Evaluating cognitive-linguistic skills.

Psychologist Carl Jung's theory of cognitive functions identifies four cognitive factors in language acquisition: sense, intuition, thinking, and understanding (Figure 1). Memory is known to play a significant role in language acquisition, varying in influence from higher to lower levels. J. M. Royer, Ch. A. Cisero, M. S. Carlo emphasize that cognitive assessment creates a comprehensive picture of learners' language abilities across

various skills, enabling researchers to monitor changes over time [Jung 1977, 3: 157; Royer 1993, 7: 205].

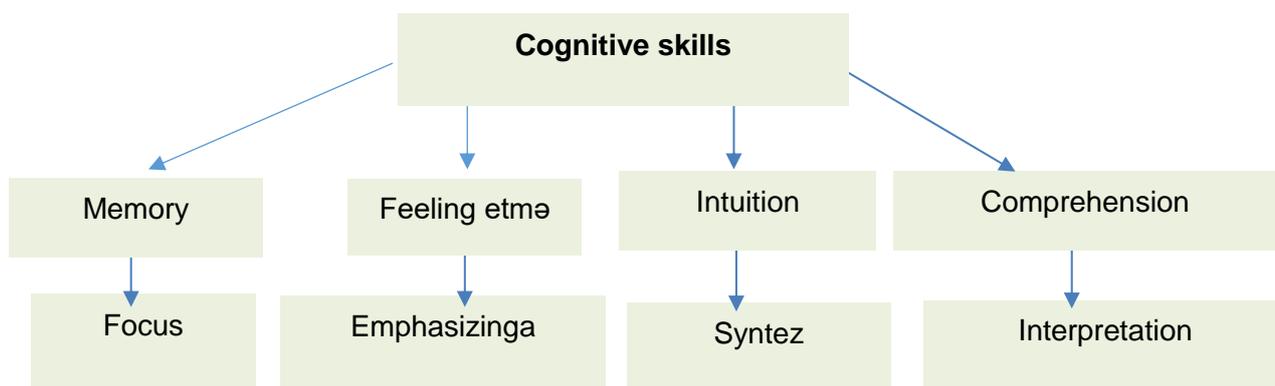

Figure 1. Evaluating cognitive-linguistic skills

Evaluating learners' cognitive abilities involves assessing various aspects such as their focus on subjects, perception, reasoning, emotional processing, learning, synthesis, organization, and the manipulation of stored information. It also includes memory storage, retrieval, and metacognition. According to cognitive theorists like J. Piaget, L. Vygotsky, J. M. Royer, Z. Ullah, A. Lajis, M. Jamjoom, A. H. Altalhi, J. Shah, F. Saleem, cognitive competence extends beyond just manipulating and strategizing information. It encompasses the mastery, self-regulation, and transfer of cognitive skills to construct knowledge and comprehend the environment [Piaget 1977, 6: 112; Ullah 2019, 8: 53; Vygotsky 1978; 9: 94]. The primary aim of cognitive skills assessment is to capture the outcomes of learning, thereby enhancing the understanding of experiences and information. To achieve these goals, the following tasks have been proposed: 1. Selecting appropriate measurement procedures for assessing students' cognitive skills. 2. Implementing formative assessment methods. 3. Evaluating the effectiveness of the applied procedures.

Conclusion.

In modern times, in the teaching of a foreign language, students should be able to obtain information from the processes of globalization taking place in the world, and should have the ability to express their attitude on various issues correctly, adequately, and creatively in the specialized language. Effective use of socio-political vocabulary in the discourse proves the increased attention to this field. The study suggests that the effective use of journalistic discourse should be taken into account during the study of socio-political texts. Specialists working in the field of English language should be able to reflect its linguistic, communicative, social and social political content in the speech process.

References

Ableeva R. Dynamic assessment of listening comprehension in second language learning. Unpublished Ph. D dissertation / R. Ableeva. The Pennsylvania State University, 2010. Pp. 34–67.

Anderson J. R. Acquisition of cognitive skills / J. R. Anderson // *Psychological Review*. 1982. 89(4). Pp. 369-406. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.89.4.369>

Dornyei Z. Motivation and Motivating in the Foreign Language Classroom / Z. Dornyei // *The Modern Language Journal*. 1994. Vol. 78. Pp. 273-284. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.1994.tb02042.x>

Jung C. G. Two Essays on Analytical Psychology / C. G. Jung. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2nd ed. 1977. P. 157.

Li H. The selection of cognitive diagnostic models for a reading comprehension test / H. Li, C. V. Hunter, P. W. Lei // *Language Testing*. 2016. Vol. 33. Pp. 391–409. <https://doi.org/10.1177/0265532215590848>

Piaget J. The Development of Thought: Equilibration of Cognitive Structures / J. Piaget. UK, Oxford: Blackwell, 1977. Pp. 112–165.

Royer J. M. Techniques and Procedures for Assessing Cognitive Skills / J. M. Royer, Ch. A. Cisero, M. S. Carlo // *Review of Educational Research*. 1993. Vol. 63. Issue 2. Pp. 201-243. <https://doi.org/10.3102/00346543063002201>

Ullah Z. A Rule-Based Method for Cognitive Competency Assessment in Computer Programming Using Bloom's Taxonomy / Z. Ullah, A. Lajis, M. Jamjoom, A. H. Altalhi, J. Shah, F. Saleem // *IEEE Access*. 2019. Vol. 7. Pp. 64663-64675. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2916979>

Vygotsky L. S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Process / L. S. Vygotsky. Harvard University Press, Cambridge, Mass, USA, 1978. Pp. 94–165.

Неологизмы китайского происхождения в русском языке XIX века (на материале «Описания Пекина» Н. Я. Бичурина)

неологизм, китайская лексика, Н. Я. Бичурин

Культурные обмены и культурные контакты между странами ведут к языковым контактам, а языковые контакты порождают новые предметы, понятия и явления, и в результате появляются неологизмы.

Неологизм – это слово или словосочетание, которое является новым для языка в определенный период. В «Словаре иностранных слов» неологизм определяется как «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового явления» [СЛТ 1976: 33]. Новым может быть слово, которое никогда ранее не встречалось в письменной и устной речи, или слово, приобретающее иное значение в ходе определенных событий или ситуаций.

Рассмотрим неологизмы китайского происхождения в русском языке XIX века. Материалом исследования послужили записки Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853), который известен как Иакинф, архимандрит русской православной церкви, основатель русской синологии, долгое время живший в Китае. В его «Описании Пекина» отмечается значительное количество неологизмов, обозначающих китайские явления действительности. Они и способы их создания и явились предметом наших наблюдений.

В произведениях много новых слов, созданных для перевода, выражения и объяснения фактов китайской жизни. Нами отмечены следующие способы создания новых слов.

1) Н. Я. Бичурин буквально переводил китайские иероглифы и имитировал структуру словосочетаний, т.е. использовал калькирование. Например: слово *Троецарствие* состоит из слов *три* и *царство* по образцу китайской лексики 三國, 三 означает *три*, а 國 – *царство*. Это слово относится к периоду истории древнего Китая, длившегося с 220 по 280 годы. Оно используется в настоящее время и становится узальным.

2) Суффиксальное словообразование при создании новых слов. Так при соединении суффикса *-изм* и производящей основы образуется слово со словообразовательным значением 'характер действия, направление мысли, стиль и мысли'. Слово *даоизм* // *даосизм*

обозначает 'китайское традиционное учение', сочетающее религию и философию, активно развивающееся в XIX веке.

При помощи суффиксального способа словообразования были образованы производные *Маньчжурскій, Монгольскій, Шаманскій, Тангутскій* и *Ламаскій*, а также: *Туркистанцы, Горкинцы, Люцюсцы* и *Сіамцы*.

3. В «Описании Пекина» широко применялись фонетические переводы китайских слов, т.е. транскрипция. Н.Я.Бичурин разработал первую систему китайско-русской транскрипции, он составил таблицу русского начертания китайских звуков. Эта система позднее была несколько видоизменена и получила название *Палладица*. Все эти китайские слова, которыми изобилует его труд, являются именами собственными, включая города, здания, реки, имена людей и т. д.

Приведем некоторые примеры: *Кхунъ-цзы* – Конфуций; *Цзи-цзинъ-ченъ* – Кремль находится в середине Императорского города; *Ву-мынь* – южные Кремлевские ворота; *Вынь-юань-гэ* – Царская библиотека; *Чень-хуанъ-міао* – храм Покровителю города.

В XIX веке, когда русский язык испытывал сильное западно-европейское влияние и рецепция китайских прототипов была весьма ограничена, Н. Я. Бичурин был одним из первых, кто вводил модели для обозначения новых китайских реалий; он внес значительный вклад, создав множество неологизмов, чтобы представить Китай более полно и всесторонне, и часть этой лексики используется и по сей день. Изучение китайской лексики в трудах Н. Я. Бичурина помогает понять процесс и способы ввода китайского языка в русский в XIX веке, а также развитие иноязычной лексики в русском языке.

Литература

Бичурин Н.Я. Описание Пекина с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 году. Переведено с китайского монахом Иакинфом / Н. Я. Бичурин. СПб. 1829. 150 с.

Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1976.

Чэнь Пэйцзюнь. Стилль научных трудов Н. Я. Бичурина: Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение: дис. ... канд. филол. наук / Пэйцзюнь Чэнь. СПб. гос. ун-т, 2019. 274 с.

Особенности работы с профессиональным текстом на занятиях с иностранными студентами

*имя прилагательное, профессиональный текст, китайский студент,
нефтегазовый профиль*

По мере углубления сотрудничества между Китаем и Россией все больше китайских студентов выбирают специальности, связанные с добычей нефти и газа. Эти студенты должны не только овладеть базовыми языковыми навыками русского языка, но и освоить профессиональную терминологию и ее использование, чтобы в будущем успешно общаться в профессиональной среде. В существующих исследованиях по преподаванию русского языка больше внимания уделяется методам обучения общей лексике и синтаксису [Яровенко 2019: 61–67; Косарева 2019: 52–55; Артемова 2014: 245–247], однако сравнительно мало работ посвящено детальному изучению частей речи в составе терминов нефтегазовой сферы, особенно прилагательных.

Прилагательные играют важную роль в области нефтегазовой отрасли на русском языке. Они не только описывают характеристики материалов, но и активно используются в профессиональных научных публикациях, являясь неотъемлемой частью профессиональной коммуникации. В реальных проектах в сфере нефти и газа китайским студентам часто приходится работать с носителями русского языка. Способность точно воспринимать и использовать эти прилагательные может существенно повысить их способность эффективно общаться в профессиональной среде.

Профессиональный текст – это письменный материал, созданный для определенной области или профессии, который посвящен изучению знаний, технологий или процессов в конкретной дисциплине или индустрии. Такие тексты обычно используются в работе, исследованиях или обучении, и должен учитывать особенности области. В нефтяной сфере профессиональный текст, как правило, посвящен вопросам добычи, производства, транспортировки нефти и газа, а также связанным с этим технологическим аспектам, например, научно-исследовательским статьям, материалам научных конференций и учебным пособиям.

В процессе преподавания мы заметили, что у студентов при чтении профессиональных текстов часто возникают две основные трудности: первая – это лексика, вторая – синтаксические структуры.

Китайским студентам трудно понимать русские прилагательные в статьях на темы нефтегазовой отрасли, многие из этих прилагательных имеют четкое значение. Например, слова «взрывоопасный» и «огнеопасный» в русском языке различаются, однако студенты, опираясь на китайское мышление, часто воспринимают оба этих термина как «опасный», не замечая тонких различий. Основная причина этой проблемы заключается в том, что у студентов отсутствует профессиональный словарный запас.

В китайском и русском языках существует значительная разница в словесной структуре и образовании частей речи, особенно в образовании прилагательных. В русском языке профессиональные прилагательные часто образуются с помощью суффиксов. В китайском языке такой морфологической структуры нет, и слова обычно образуются посредством словосочетаний или других грамматических средств. Из-за этого различия студентам сложно понимать значения профессиональных прилагательных, которые содержат суффиксы и встречаются в статьях.

Кроме того, в области нефтегазовой промышленности структура предложений в русском языке значительно сложнее, чем в повседневной речи, особенно когда речь идет о технических описаниях и характеристиках оборудования. Профессиональный текст в этой сфере часто содержит сложносочиненные и сложноподчиненные предложения для передачи многослойной информации. В таких предложениях может быть несколько зависимых частей, которые соединяются с помощью относительных местоимений, таких как «что» или «который». Например, *Важным элементом НПС является узел учета нефти на потоке, который размещают на пути движения нефти из резервуара к нефтепроводу между подпорной и магистральной насосными* [Тетельмин 2024:174].

В научных текстах о нефти и газе при описании нефтегазового оборудования или материалов для определения существительного часто используются несколько прилагательных, что удлиняет предложение. Например: *Высококачественное взрывоопасное горючее вещество*. Учащиеся должны понимать значение всех прилагательных и знать их конкретное отношение к существительным.

Для решения проблем китайских студентов в процессе обучения мы также разработали вспомогательные решения. Мы использовали изображения или видео, чтобы помочь учащимся понять конкретное

значение прилагательных во время преподавания лексики. Например: при преподавании слов «нефтяной» и «газовый» мы использовали изображения нефтедобывающего оборудования и газопроводов, чтобы помочь обучающимся воспринять различные объекты и способы их использования.

Мы сравниваем прилагательные со схожим значением в русском и китайском языках, чтобы помочь учащимся понять различия в выражениях прилагательных на двух языках. Например, учащиеся склонны переводить слово «огнеопасный» буквально как «пожароопасный», и мы разъяснили учащимся смысл таких слов и их правильное использование. В процессе обучения мы помогаем студентам классифицировать и систематизировать часто используемые профессиональные прилагательные, укреплять их память с помощью словарных списков, а также поощряем студентов создавать свой профессиональный словарь. Мы предлагаем учащимся регулярно просматривать эти словарные слова и использовать их в упражнениях. Например, мы просим учащихся как можно чаще использовать термины из словаря во время дискуссий в классе, чтобы увеличить частоту их использования.

При чтении научных текстов о нефти и газе мы выбираем типичные сложные предложения и помогаем учащимся постепенно разбирать иерархическую структуру предложений, понимать значение каждого предложения по отдельности и прояснять взаимосвязь между ними, чтобы помочь учащимся более интуитивно понять структуру предложения. Например: *пластовое давление – это давление, которое устанавливается на забое скважины перед началом разработки нефтеносной площади* [Тетельмин 2024: 23]. 1) Мы просим студентов найти главное предложение: *пластовое давление – это давление*. 2) Учащимся необходимо найти придаточное предложение: *которое устанавливается на забое скважины после перед началом разработки нефтеносной площади*. 3) Мы объяснили студентам взаимосвязь между придаточными и главными предложениями и дали упражнения, помогающие развить способность анализировать сложные предложения.

Благодаря вышеуказанным методам обучения вырос уровень освоения китайскими студентами русских прилагательных из области нефти и газа. Также улучшилась способность студентов анализировать предложения при чтении научных текстов, что значительно повысило точность перевода.

Литература

Артемова Л. А. Интерференция и методы её предупреждения при обучении китайских студентов русским прилагательным / Л. А. Артемова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5(40). С. 245–247.

Косарева Л. А. О грамматической точности в преподавании русского языка как иностранного / Л. А. Косарева // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2019. № 30. С. 52–58.

Тетельмин В. В. Нефтегазовое дело. Полный курс. Том 2: учебник / В. В. Тетельмин. 3-е изд. Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. 400 с.

Яровенко Т. В. Изучение Имени Прилагательного на уроках русского языка как иностранного / Т. В. Яровенко // Педагогика и просвещение. 2019. № 1. С. 61–67.

«Полёт в космос» как лингвокультурный концепт

*лингвокультурный типаж, космонавт, классификация, методика изучения,
понятийные характеристики, образные характеристики,
ценностные характеристики*

По мере того, как развивалась теория лингвокультурных концептов, возникла и получила широкое распространение теория лингвокультурных типажей. Основоположник данной теории – В. И. Карасик [Карасик 2004]. Лингвокультурный типаж отличается от лингвокультурного концепта. Концепт отражает лингвокультурную специфику, в том числе мировидение, мировоззрение и языковую картину мира. А под лингвокультурным типажом понимается совокупность образов конкретного человека, поведение которого влияет на лингвокультуру. Лингвокультурный типаж характеризуется ассоциативностью, типичностью и символичностью [Резник 2013].

Понятия «языковая личность», «стереотип», «роль», «речевой портрет» тесно связываются с термином «лингвокультурный типаж». В. И. Карасик рассматривает языковую личность как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, соответствующих поведенческих реакций» [Карасик 2024]. Разница между языковой личностью и лингвокультурным типажом заключается в том, что языковая личность связана с целостным пространством культуры и языка, а лингвокультурный типаж обозначает только некоторые особенности отдельной социальной группы в системе социума. По мнению В. И. Карасика, лингвокультурные типажы по сути своей являются стереотипами. Но стереотип – это отношение к определенным действиям, событиям, людям и т.д. Так как лингвокультурный типаж – обобщение типизируемой личности, несомненно, он будет заключать в себе определенные стереотипы. Речевой портрет является одной из разновидностей лингвокультурного типажя, он представляет собой систематическое описание определенной этносоциальной группы.

Классификация лингвокультурных типажей остается нерешенной проблемой. Исследователи опираются на разные критерии. По признаку принадлежности к разному социуму В. И. Карасик выделяет этнокультурные лингвокультурные типажы, которые относятся к

определенному этносу, и социокультурные лингвокультурные типажи, которые принадлежат к определенным социальным группам. К этнокультурному типу лингвокультурных типажей относятся русский интеллигент, американский супермен, английский рыцарь, английский сноб, американский президент, русский европеец и китайский врачеватель. А к этнокультурному типу принадлежат футбольный фанат, домохозяйка, чиновник, хакер, школьная учительница, звезда Голливуда, гламурная стерва, человек богемы, богемная девушка. Кроме вышеуказанных двух основных типов лингвокультурного типажа, В. И. Карасик также подразделяет лингвокультурные типажи на функциональные и реальные, которые включают в себя исторический и современный типы. Исторические типажи – декабрист, рыцарь и т.д. А хакер и топ-менеджер являются современными типажами.

В. И. Карасик обобщает методику моделирования лингвокультурного типажа. Во-первых, необходимо дать понятийное описание для изучаемого лингвокультурного типажа, обращаясь к разным словарям. Во-вторых, необходимо определить лингвокультурную специфику изучаемого типажа. В-третьих, необходимо обобщить характеристики данного типажа.

По данной модели нами был проанализирован лингвокультурный типаж «космонавт».

Чтобы выявить понятийные характеристики лингвокультурного типажа «космонавт», мы обратились к этимологии. Слово «космонавт» происходит от греческих слов *κόσμος* и *ναύτης*. Слово *κόσμος* означает мир, упорядочность и вселенную. А слово *ναύτης* – мореплаватель, спутник и мореход.

Лингвокультурный типаж «космонавт» имеет следующие значения: (1) Человек. (2) Специалист. (3) Занимающийся космической деятельностью. (4) Управляющий разными космическими аппаратами. (5) Осуществляющий космический полет.

Образные характеристики «космонавт» отличаются следующими признаками: 1) человек невысокого роста; 2) человек с хорошим образованием; 3) человек с волевым характером; 4) человек, прошедший подготовку.

(1) внешность: Отбор начался в октябре 1959 года и проходил исключительно в воинских частях истребительной авиации. К нему привлекались военные летчики в возрасте не старше 35 лет, ростом от 165 до 175 см и весом, не превышающим 75 кг.

(2) образование: Они должны были иметь хорошую общеобразовательную подготовку, достаточно высокие технические знания и быть всесторонне физически развитыми.

(3) качества: Кроме того, предъявлялись требования к морально-волевым качествам кандидатов.

(4) подготовка: тренировки на перегрузку, подготовка к пребыванию в невесомости, адаптации к невесомости, испытание в барокамере, проверяться в сурдокамере, лётная и парашютная подготовка, испытание на центрифуге, надевать скафандры, тренировки на МКС, пробы на выживаемость и т.д.

Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «космонавт» заключаются в выражении оценки людьми поведения космонавтов, в данной статье описываются следующие образы:

1. Символика образа космонавта в языке (ключевые слова и фразеологические обороты)

(1) Гагаринская улыбка, эффект Джанибекова

(2) Давление – как у космонавта!

(3) кратер Гагарин (на Луне)

2. Образ космонавта в публицистических текстах (газеты и другие публикации)

12 апреля 1961 г. Юрий Алексеевич Гагарин осуществлял первый полет в космос, что вызвало большой резонанс в мире. Космонавт стал главным персонажем в прессе. Тема космоса активно обсуждалась в газетах «Правда», «Труд», «Вечерняя Москва», «Известия» и «Комсомольская правда». Например:

(1) «...Неукротимые замыслы – вот они, в исполнении! Просто сдал человек экзамены сразу за все поколения... за двадцать взрослых веков...», – писал в Известиях русский поэт – Лев Яковлевич Халиф.

(2) «Человек в космосе! Капитан первого звездолета – наш, советский! Великая победа разума и труда. Мир рукоплещет Юрию Гагарину», – так называлась первая полоса Комсомольской правды.

(3) «...Это – больше чем подвиг, больше чем осуществленная мечта, это – высшее торжество гордого разума и рук советского человека!», – писал Михаил Жаров, народный артист СССР в газете «Труд».

(4) «...Он приблизил к нам свет далеких светил...», – писала К. Котельникова – Герой Социалистического Труда в газете «Вечерняя Москва».

Советская газета играла важную роль в жизни человека, она передавала самую новую и свежую информацию людям. Советская пресса подчеркивала высокий патриотизм космонавтов.

3. Образ космонавта в художественной литературе (поэзия, проза).

4. Образ космонавта в культуре (кинофильмы, мультфильмы, документальные фильмы).

5. Образ космонавта в информационно-коммуникационной сети Интернет (современные статьи и комментарии к блогам).

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Гнозис, 2004. 390 с.

Резник В. А. Лингвокультурный типаж в системе смежных понятий / В. А. Резник // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №2-2. С. 482.

Шакурова Муслима Магесумовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
УДК 811.512.145 (075.2)

**Казан лингвистика мәктәбенең фәнни-методик мирасы
(1970–1980 еллар)**

*Казан лингвистика мәктәбе,
фәнни-методик мирас, Д. Г. Тумашева, З. М. Вәлиуллина, М. З. Зәкиев,
Б.М. Мифтахов, сүз төркемнәре, татар теле синтаксисы*

1970–1980 еллардан алып бүгенгә көнгә кадәр гыйльми эш алып бару белән беррәттән, бик күп вакытларын һәм көчләрен татар телен укытуга багышлаган, урта мәктәпләр өчен программалар һәм дәреслекләр, методик кулланмалар һәм дидактик материаллар төзүдә актив катнашкан бер төркем галимнәр, методистлар бар: Д. Г. Тумашева, З. М. Вәлиуллина, Б. М. Мифтахов, М. З. Зәкиев, Ф. С. Сафиуллина, С. М. Ибраһимов һ.б. («V–VI классларда морфология укыту өчен ярдәмлек» (1964, Д. Г. Тумашева), «V–X классларда язма эшләрне үткөрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасы» (1966, Б. М. Мифтахов), «Татар теле: Синтаксис. 7–8 нче сыйныфлар өчен дәреслек» (1973, М. З. Зәкиев, С. М. Ибраһимов), «Татар теле. 5 нче класс өчен дәреслек» (1984, Д. Г. Тумашева, З. М. Вәлиуллина, Ф. С. Фасеев). Шуннысын да әйтеп үтәргә кирәк: әлеге галимнәр язган мәктәп һәм вуз программалары, дәреслекләр – укыту тәҗрибәсенә нигезләнеп эшләнгән, аларның күпъеллык гыйльми тикшеренүләре ул. Әлеге дәреслекләр бүген дә ничәмә-ничә буынны тирән белемле, грамоталы белгечләр итеп тәрбияләүдә классик өлге булып торалар [Шәкүрова 2012: 114].

Гыйлемле, талантлы һәм бөтен гомерен, барлыгын фәнгә багышлаган галимнәр арасында галим-методистлардан Д. Г. Тумашева, Б. М. Мифтахов, М. З. Зәкиевләр дә бар. 1964 елда Д. Г. Тумашеваның «V–VI классларда морфология укыту өчен ярдәмлек»ендә сүзләрне төркемләү, сүз төркемнәре арасында мөнәсәбәт, төрле сүз төркемнәре, сүзләрнең ясалыш төрләре, морфология дәресләрендә орфография мәсьәләләре һәм «Фигыль» кебек кыен темаларга аңлатма, белешмә материал, таблицалар бирелгән. Бу хезмәттә автор дәреслек белән эшләүнең яңа алымнарын барлый, грамматиканы гамәли яктан кулланырга өйрәтә, сүз төркемнәре белән бәйләп, укучыларның сүз байлыгын арттыру күнегүләрен, эш төрләрен күрсәтә

[Тумашева 1964: 66]. Әлеге ярдәмлек бүген дә укытучылар, студентлар, аспирантлар өчен кыйммәтле чыганак булып тора.

1984 елда Д. Г. Тумашева (З. М. Вәлиуллина, Ф. С. Фасеевлар белән берлектә) «Татар теле. 5 нче класс өчен дәреслек» һәм методик кулланма (З. М. Вәлиуллина белән берлектә) бастырып чыгара. Укучылар V класста грамматиканың бер бүлгеге булган морфологияне өйрәнәләр [Тумашева 1984: 80]. Авторлар татар теле дәресләренең төп максаты итеп «белемнәрне системага салу, тирәнәйтү, яңа мәгълүмат бирү, укучыларның сөйләм һәм язу культурасын үстерү»не куялар, ижади характердагы ысуллар белән эшлиләр, һәр дәреснең планын, дәрес эшкәртмәсен җентекләп тикшерәләр.

Татар телен өйрәнү, аның укыту методикасын үстерү өлкәсендә 1970–80 елларда Бәйрәм Мифтах улы Мифтахов та киң эшчәнлек җәелдереп җибәрә. Ул 1966 елда татар теле һәм әдәбияты укытучылары өчен «V–X классларда язма эшләрне үткөрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасы» дигән кулланма чыгара. Бу хезмәттә автор татар теле һәм әдәбияты дәресләрендә язма эшләрнең төр жанрларына, аларны үткөрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасына җентекләп туктала: язма эшләрне формалаштыру; язма эшләрне тикшерү тәртибе; диктантлар, изложениеләр, сочинениеләрне яздыру, тикшерү, бәяләү; язма эшләрне анализлау һәм хаталар өстендә эшләү; хаталарны төзәтеп язу тәртибе [Мифтахов 1966: 107]. Бүгенге көн программаларынан аермалы буларак, ул һәр чиректә җәяләр эчендә дүрт контроль диктант яздырырга тәкъдим итә, мәсәлән, VI сыйныфта 10 (4), VII сыйныфта 8 (4) һ.б.

Б. М. Мифтаховның «V–X классларда язма эшләрне үткөрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасы»нда язма эшләргә анализ ясау методикасы, укучылар җибәргән хаталар һәм аларны бетерү юллары җентекләп эшләнгән. Авторның «Язма эшләрне анализлау һәм хаталар өстендә эшләү» бүлгеге көндә эшләүче яшь укытучылар өчен бик тә файдалы булып иде. Б.М. Мифтахов сызык белән сызыкчага кадәр аерырга өйрәтә: «Билгеле булганча, сызык тыныш билгесе, ә сызыкча я сүзләрне аеру, яки юлдан юлга күчерү билгесе итеп кулланыла. Боларны бер-берсе белән бутамасыннар өчен, сызыкны – **Ш** хәрефе киңлегендә, ә сызыкчаны – **Н** хәрефенең эчке киңлегендә озынлыгында куярга күнектерергә кирәк» [Мифтахов 1966: 97].

Шулай итеп, Б. М. Мифтахов «V–X классларда язма эшләрне үткөрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасы» дигән кулланмасында хаталарга бик җентекләп анализ ясый, аларны төзәтү юлларын күрсәтә [Мифтахов 1966: 101–106]. Ләкин бу хезмәттә авторның әледән-әле *буенча* бәйләк сүзгә белән төзелгән сүзтөзмә һәм

жөмлэләрне кирәгеннән артык күп куллануы күзгә ташлана: *сүзлек өстендә эшләү, язма эшләрне анализлау һәм хаталар өстендә эшләү, изложениеләр өстендә эшләү, стилистик хаталар өстендә эшләү* һ.б.

1968 елда Б. М. Мифтахов «Татар теле синтаксисын уку методикасы» дигән китап чыгара. Әлеге хезмәт берничә өлештән тора: синтаксис методикасының гомуми мәсьәләләре, синтаксис укуны планлаштыру, синтаксис дәрәсләре, синтаксис материалын өйрәнү. Автор мәктәптә синтаксисны уку методикасының дидактик һәм психологик нигезләре, дәрәс төрләре турында бай мәгълүмат бирә, уку ысулларын һәм алымнарын жентекләп тикшерә, тел дәрәсләрендә бигрәк тә төрле схемалар, таблицалар, карточкалар белән эшләү юлларын күрсәтә.

1970 елда Б. М. Мифтаховның «Татар теле орфографиясе һәм пунктуациясенең кыен очраklары» исемле кулланмасы сорау һәм җавап формасында басылып чыга. Автор татар теле орфографиясе һәм пунктуациясенең кыен очраklарына туктала: алынма сүзләргә кушымчалар ялгау, татар телендә исем һәм фамилияләрнең язылышы, кушма сүзләр, сыйфат дәрәжәләре, кисәкчәләрнең дәрәс язылышы һ.б.; факультатив тыныш билгеләре, пунктуациянең кыен очраklарын тикшерә (өтер, сызык, нокталы өтер кую кагыйдәләре, аерымланган хәлләр, аныклагычлар янында тыныш билгеләре һ.б.), файдаланылган әдәбият исемлеген күрсәтә.

1980 еллар уртасында Б. М. Мифтахов 6 нчы класс өчен татар теле дәрәслеге, дидактик материаллар (йомшаграк, уртача һәм көчле балалар өчен карточкалар, биремнәр һәм сораулар) чыгара. 1989 елда М. З. Зәкиев редакциясендә Б. М. Мифтаховның 6 нчы класс өчен «Татар теле» дәрәслеге басылып чыга. Бүгенге көнгә кадәр татар мәктәпләрендә гади жөмлә синтаксисы һәм пунктуациясен нигездә шушы китапка нигезләнеп өйрәнәләр: яңа теманы өйрәнәр алдыннан сораулар бирү, теоретик материал гадиләштереп, схема, таблицаларга салып, укучылар өчен аңлаешлы итеп бирелгән; иҗади характердагы күнегүләр, диалоглар да урын алган. Ләкин бу китапта һәр дәрәстә диярлек кечкенә күләмле сочинениеләр язарга кушылган биремнәрнең күп булуы гына күзгә ташлана, мәсәлән, *13 нче күнегү («Көзгә көн»), 26 нчы күнегү («Безнең республика»), 29 нчы күнегү («Экскурсиядә»), 31 нче күнегү («Көтүлектә»)* һ.б. [Мифтахов 1989: 134]. Шуниси мөһим: Б. М. Мифтахов гади жөмлә синтаксисын өйрәнүне күбрәк яңа белемнәрне иҗади юл белән үзләштерүгә нигезли, укучыларның мөстәкыйль танып-белү эшчәнлеген үстерүнең төрле юлларын тәкъдим итә.

Мирфатыйх Зәки улы Зәкиев – татар теле синтаксисы, тел һәм халык тарихы буенча берничә монография, мәктәпләр һәм югары уку йортлары өчен күпсанлы программалар, дәреслекләр авторы, галим-методист. Бу эштә ул 60 еллардан алып, бүгенге көнгә кадәр актив катнаша. 1974 елда аның «VII–VIII классларда татар теле» дигән кулланмасы чыга. Әлеге кулланма (һәр дәреснең планы, сәгатьләргә бүленеше, бәйләнешле сөйләм үстерү сәгатьләре, факультатив дәресләргә үрнәк темалар һ.б.) яңа дәреслек белән эш итүне җиңеләйтү максатыннан язылган. Автор элекке дәреслекләрдән бик күпкә аерылып торган 7–8 нче класслар өчен «Татар теле» дигән яңа дәреслек төзи: VII сыйныфта «Туры һәм кыек сөйләм», «Кушма жөмлө синтаксисы» өйрәнелә, VIII сыйныфта тел гыйлеме бүлекләрен кабатлау, «Сөйләм культурасы һәм стилистика», «Тел турында гомуми мәгълүмат» карала. Мәсәлән, төзәтелгән сигезенче басмасында (Татар теле, 1980) теоретик мәгълүмат бай, системага салып бирелгән: схемалар, таблицалар бик уңышлы эшләнгән, ижади характердагы күнегүләрнең билгеле бер эзлеклелектә бирелүе күзгә ташлана, һәр тема ахырында «Белемегезне тикшерегез» дигән эш төре урнаштырылган [Зәкиев 1980: 98].

1988 елда М. З. Зәкиевнең «Татар теле. 7–8 класслар өчен дәреслек. Унберенче басма»сы басылып чыга. Дәреслектә үзгәрешләр бик күп: коммуникатив һәм тәрбияви максатка ярашлы кызыклы текстлар урын алган, теоретик мәгълүмат төгәлләштерелгән, «Сүз төзелеше һәм ясалышы» дигән яңа бүлек өстәлгән, күнегүләр саны арткан. Галим дәреслек белән бергә укытучылар өчен һәрвакыт методик кулланма да яза. Мәсәлән, авторның «7–8 нче классларда татар теле дәресләре: Укытучылар өчен методик кулланма»сында (1989) татар телен укытуның максатлары, дидактик принциплары һәм ысуллары турында кирәкле мәгълүмат, дәрес эшкәртмәләре бирелә, гомумиләштерү алымнары күрсәтелә [Зәкиев 1989: 57].

М. З. Зәкиев тарафыннан төзелгән татар теле дәреслекләре һәм программалар, методик кулланмалар (С. М. Ибраһимов һәм Ф. С. Сафиуллиналар белән берлектә төзегәннәре дә бар) бүген дә ничәмә-ничә буынны тирән белемле, грамоталы белгечләр итеп тәрбияләүдә үрнәк булып торалар. М. З. Зәкиевнең «Татар халкы теленең барлыкка килүе» (1977), «Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе: Укытучылар һәм студентлар өчен кулланма» (1984) һ.б. хезмәтләре фикер тирәнлеге, фән логикасы, искиткеч зур фактик материалга нигезләнүе белән татар тел белемендә югары бәяләнә.

Нәтижәләр ясасак, 1970–80 еллардан алып Д. Г. Тумашева, Б. М. Мифтахов, М. З. Зәкиевләр укытучыны телнең бөтен мөмкинлекләрен күзаллап, грамматик конструкцияләрдән файдаланырга өйрәтәләр, морфологияне синтаксик яссылыкта карап, кагыйдәләрне системага салып укыталар.

Әдәбият

Зәкиев М. З. Татар теле. 7–8 нче класслар өчен дәреслек / М. З. Зәкиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 191 б.

Зәкиев М. З. 7–8 нче классларда татар теле дәресләре / М. З. Зәкиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 144 б.

Мифтахов Б. М. V–X классларда язма эшләренә үткәрү, тикшерү, бәяләү һәм анализ ясау методикасы / Б. М. Мифтахов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1966. 168 б.

Мифтахов Б. М. Татар теле. 6 нчы кл. өчен дәреслек. Яңартылган унынчы басма. / Б. М. Мифтахов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 134 б.

Тумашева Д. Г. V–VI классларда морфология укыту өчен ярдәмлек / Д. Г. Тумашева. Казан: Татар. кит. нәшр., 1964. 96 б.

Тумашева Д. Г., Вәлиуллина З. М. 5 нче класста татар теле дәресләре: Укытучылар өчен методик кулланма / Д. Г. Тумашева, З. М. Вәлиуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 108 б.

Шәкүрова М. М. Татар телен укыту методикасының фәнни мирасы (XVIII гасыр ахыры – XX гасыр) / М. М. Шәкүрова. Казан: Ихлас, 2012. 144 б.

**Совмещённый контекст имени существительного view
в современном английском дискурсе**

*совмещённый контекст, эмоционально-ассоциативная аура слова,
диффузность значений*

Каждое слово имеет свойственный, т.е. типичный, контекст, позволяющий семантизировать слово, дифференцировать его омонимы и лексико-семантические варианты (ЛСВ). Типичный контекст слова, по наблюдениям психолингвистов, ускоряет обработку слова [Church 1990, 1: 23] благодаря так называемой эмоционально-ассоциативной ауры или присущим ему ассоциациям [Church 1989: 75]. «Аура» слова трактуется учеными как комплекс эмоций и ассоциаций, связанных не столько с самим словом, сколько с концептом, стоящим за ним [Лихачёв 1997: 282]. Немаловажная роль в формировании эмоционально-ассоциативной ауры слова принадлежит его контексту, окружению слова как на локальном уровне, т.е. уровне предложения, так и на глобальном уровне – уровне текста или дискурса [Елькина 2019: 143].

В случаях, когда типичные контексты двух слов или двух лексико-семантических вариантов слова используются в одном предложении, имеет место совмещённый контекст (англ. concurrent context) или наложение контекстов (англ. context overlap) [Zhuang 2018: 587]. Совмещённый контекст имеет двойственную природу, создавая эффект многослойности, вызывая ассоциации с различными значениями, и таким образом усиливая глубину интерпретации текста. Происходит это благодаря тому, что совмещённый контекст содержит маркеры, характерные для двух или более лексико-семантических вариантов (ЛСВ) или двух слов. Как подчёркивает Д. Н. Шмелёв, диффузность значений позволяет ЛСВ полисемантического слова проявляться совместно, если они тематически связаны [Шмелев 2008: 77]. Основой для понимания наложения контекстов являются изменяющиеся в динамике дискурса связи ЛСВ многозначного слова. Совмещённый контекст способен активировать в сознании языковой личности информацию о двух референтах (иногда более, чем двух) или их признаках. Причем сами признаки могут быть как эксплицитно выражены, так и частично или полностью закрыты [Bar 2004, 5: 618]. Понятие совмещённого контекста связано и с понятием совмещённой информации [Ortiz-Tudela 2023:

265] или двух одновременно протекающих информационных потоков, увеличивающих когнитивную нагрузку читающего или слушающего [Fazal 2022: 157]. Происходит это потому, что в совмещённом контексте несколько концептуальных рамок, связанных с определённым словом, накладываются друг на друга и создают сложные смыслы. Способы и механизмы активации такого рода текстов объясняет теория резонанса [Everett 2012: 9].

Представленное исследование осуществлено на материале авторского исследовательского корпуса функционирования лексемы *view* общим объемом 8889 слов и имеет целью продемонстрировать случаи совмещенного контекста при одновременной актуализации двух ЛСВ английского существительного *view*: ЛСВ 2 *ability to see something or to be seen from a particular place*, *англ.* способность видеть что-либо или быть увиденным с определенного места, обзор и ЛСВ 3 *a sight or prospect, typically of attractive natural scenery, that can be taken in by the eye from a particular place*, *англ.* вид или перспектива, как правило, привлекательных природных пейзажей, которые могут быть увиденны глазами с конкретного места.

Рассмотрим наложение контекстов существительного *view*. Например, КА2368¹. *But now rows of pillars extended to the north and south for a dozen miles. The **view** to east (ЛСВ 2 или 3 с тяготением к ЛСВ 2) and west was more **restricted** – columns of water stood directly before them in many places, and a second row of pillars **blocked the view** (ЛСВ2) through the gaps.* Как видим, совмещенный контекст в данном предложении реализован в одновременной актуализации сем ЛСВ 2 «ограничение», «размеры» (*restricted view*, ограниченный обзор и *blocked the view* заслонить обзор) и ЛСВ3 «вид», «красивый», «достойный внимания». Аналогичное окружение находим и в КР98: *From that door there was a **wide view** East and South and West.* КРП98. С площадки открывался **широкий обзор** на Восток, Юг и Запад.

Глагол *to block* (англ. блокировать, заслонять) в левом контексте ЛСВ 2 зафиксирован в Исследовательском корпусе более 50 раз. Например, КА1329. *<...> the hairdresser to stand in front of the coffee table, **blocking** the avatar's **view** of the Peking ravioli I'd ordered from room service.* Маркером, демонстрирующим потенциальную возможность *view* соотносится в данном предложении с ЛСВ 2, является и глагол

---

¹ Все иллюстрации функционирования лексемы *view* в Исследовательском корпусе маркированы соответствующим кодом, включающим указание на источник и номер. КР214 имеет в качестве источника Параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка, поэтому имеет перевод на русский язык, выполненный профессиональными переводчиками.

restrict, являющийся типичным для ЛСВ 2. Например, КБ1240. <...> corridor, part bar, part dance-floor, with the stage in one corner, ensuring **restricted** view from virtually everywhere. КБП1240. <...> коридор, частично бар, частично танцпол, со сценой в одном углу, что обеспечивает ограниченный обзор практически отовсюду. С другой стороны, близость слов *view* и *east* в предложении позволяют предположить, что в данном случае реализован ЛСВ 3. Аналогичные примеры с **east** в правом контексте характерны для ЛСВ 3. Например, КА421: They *had sweeping views to east* and west, good pasturage for the cattle, trout streams nearby. КАП421. У них была широкая панорама, восток и запад (вид на восток и запад), хорошие пастбища для скота, ручьи с форелью поблизости.

Совмещённые контексты выявлены более чем в 7 % всего объема Иллюстративного корпуса существительного *view* и во всех случаях демонстрируют типичность синкретичности значения многозначного слова и диффузность значений ЛСВ. Таким образом, исследование проливает свет на проблематику связей ЛСВ многозначного слова, раскрывая глубинные механизмы семантики. Лексико-грамматическое окружение каждого из ЛСВ многозначного слова и соответствующие им ассоциации слова играют ключевую роль в создании совмещенных контекстов.

Литература

Елькина Е. Е. Типология контекстов и принципы контекстного подхода в междисциплинарных научных исследованиях / Е. Е. Елькина, О. В. Кононова, Д. Е. Прокудин // Когнитивно-информационные технологии в цифровой экономике. 2019. Т. 15, № 1. С. 142–153.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. Москва: Academia, 1997. С. 280–287.

Abu ul Fazal M. Investigating cognitive workload in concurrent speech-based information communication / M. Abu ul Fazal, S. Ferguson, Z. Saeed // International Journal of Human-Computer Studies. 2022. Vol. 157. Article 102728.

Bar M. Visual objects in context / M. Bar // Nature Reviews Neuroscience. 2004. Vol. 5. Issue 8. Pp. 617–629.

Church, K. W. Word Association Norms, Mutual Information, and Lexicography / K. W. Church, P. Hanks // Computational Linguistics, 1990. Vol. 16(1). Pp. 22–29.

Church K. Parsing, word associations and typical predicateargument relations / K. Church, W. Gale, P. Hanks, D. Hindle // Proceedings of the International Workshop on Parsing Technologies. Carnegie Mellon University: Pittsburgh, 1989. Pp. 103–112.

Everett D. L. Language: The cultural tool / D. L. Everett. New York: Vintage Books, 2012.

Ortiz-Tudela J. Concurrent contextual and time-distant mnemonic information co-exist as feedback in the human visual cortex / J. Ortiz-Tudela, J. Bergmann, M. Bennett, I. Ehrlich, L. Muckli, Y. L. Shing // Neuroimage. 2023. Vol. 265. Article 119778.

Zhuang Y. Quantifying context overlap for training word embeddings / Y. Zhuang, J. Xie, Y. Zheng, X. Zhu // Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Brussels, Belgium: Association for Computational Linguistics, 2018. Pp. 587–593.

Системно-семантический аспект глаголов речи или говорения в русском языке

русский язык, глаголы говорения, глаголы речи, классификация

В составе русской глагольной лексики уже давно изучаются и выделяются такие группы глаголов, как глаголы движения, речи, мышления, восприятия, чувства, звучания.

В общей системе функциональных стилей русской лексики (в нашем исследовании – русских глаголов) важнейшее место занимает весьма продуктивная и большая лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) глаголов говорения.

В 70-е и 80-е годы XX века на основе системно-семантического подхода были представлены многочисленные классификации лексико-семантической группы глаголов говорения. Наше исследование посвящено различиям в классификация ученых-лингвистов 70-х и 80-х годов XX века.

З. В. Ничман считает, что обычно под глаголами говорения понимаются глаголы, которые называют процессы речевой деятельности. Каждый глагол говорения обязательно должен иметь смысловой признак «владеть устной речью, пользоваться устной речью» [Ничман 1966: 28]. В данную группу входят глаголы, обозначающие владение речью, факт произношения, процесс выражения мысли, речевой контакт между адресантом и адресатом для обмена информацией; использование речи как средства устного воздействия на субъект [Кочеткова 1980: 122].

Преимственность научных знаний позволила расширить теоретические представления о глаголах речи [Васильев 1971: 38–310; Апресян 1974: 119–133]. Классификация Л. М. Васильева опиралась на характеристику денотата процесса речи и учитывала синтагматические свойства глагольной лексики и парадигматические связи внутри лексико-семантической группы глаголов речевой деятельности. Автор уделял особенное внимание месту глаголов данной ЛСГ в структуре лексического объединения, учитывая при этом особенности типовой ситуации речи.

Обратим внимание на классификацию М. А. Кормилициной и Г.В. Кочетковой. В их классификации ядерные глаголы «говорить и

сказать» относятся к подгруппе глаголов с общим значением говорения [Кормилицына 1983: 63–94].

Вид глагола как грамматическую категорию и его связи с семантикой глагольного слова детально рассмотрела Н. С. Авилова, развивавшая идеи В. В. Виноградова, а также идеи П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова и других русистов, чьи грамматические труды считаются классическими [Авилова 1976: 113–115, 128].

Э. В. Кузнецовой рассмотрены особенности парадигматической и синтагматической организации глагольных групп, отношения семантического и формального варьирования в рамках лексических подклассов (подгрупп), а также функционирование глаголов отдельных групп в различных стилях речи [Кузнецова 1989].

Отметим, что Л.М. Васильев представил и одну из наиболее полных классификаций глаголов данной ЛСГ. Ядро ЛСГ глаголов речи, по мнению Л.М. Васильева, составляют основные лексико-семантические варианты глагола *говорить*.

Литература

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. М.: Наука, 1976. 328 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. М.: Наука, 1974. 367 с.

Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л. М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола. Уфа: Изд-во Башкирского госуниверситета, 1971. С. 38–310.

Кормилицына М. А. Глагол / М. А. Кормилицына, Г. В. Кочеткова // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С. 63–94.

Кочеткова Т. В. О лексико-семантическом классе глаголов говорения в русской разговорной речи / Т. В. Кочеткова // Поэтика и стилистика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 121–127.

Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. Иркутск, 1989. 180 с.

Ничман З. В. Лексическая классификация безобъектных глаголов речи в русском языке / З. В. Ничман // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, Западно-сибирское книжное изд-во, 1966. С. 28–37.

СОДЕРЖАНИЕ

Агеева А.В., Корепанова П.Д. Заимствование и ассимиляция глуттонической лексики во французском языке.....	3
Адилова А.С. Об одном типе интертекстуальности (на примере произведений Дардманда и К. Шангытбаева)	7
Aliyeva G.M. Metaphorical concepts in Turkic languages (based on the Azerbaijani and Turkish Ashug poetry).....	12
Алиева К.Н. Поэтико-символический аспект черного и красного цветов (на материале произведения Низами Гянджеви «Семь красавиц» и поэзии Анны Ахматовой).....	17
Аллахвердиева В.Э. Этические концепты в языковой картине мира.....	22
Asgarova B.A. Word order as a syntactic and text phenomenon in Azerbaijani and English languages.....	26
Балаева Р.Г. Методы эффективного изучения культуры народов России на уроках страноведения.....	29
Батыршина Г.Г. К. Насыйриның «Русча-татарча сүзлеге»ндә сүзләрне тәржемә итү принциплары.....	31
Брендина А.М. Оценочно-экспрессивный анализ текста по делам об оскорблении.....	35
Вагапова А.А. Анализ магноцеллюлярной теории патогенеза дислексии у детей младшего школьного возраста.....	38
Валеева Р.Р. Перевод и оригинал: методика сопоставления.....	42
Ван Лиянь, Гатауллина А.Г. Особенности употребления устойчивых сочетаний в заголовках СМИ.....	45
Варламова М.Ю. К вопросу о семантических дериватах в пределах наименований лица в современном русском языке.....	50
Габдреева Н.В., Ван Юйцун Типы лексических соответствий: плюсы и минусы при изучении РКИ.....	54
Гадимова Д.А. Чешские экзотизмы: язык, культура и идентичность.....	57
Галиева Н.Ф. Природа эмоций и проблема их выражения в татарском языке (на примере современной татарской прозы).....	62

Гусейнова М.В. Текст как основное средство межкультурной коммуникации при обучении РКИ.....	66
Данияр А.А. Natural scientific and humanitarian discourse in the written heritage of «Vaburnama».....	69
Джагаспанян Р.Н. Лексико-фразеологическая семантика образа народного героя в русской и узбекской литературе: на материале романов Х. Тухтабаева «Золотая голова мстителя» и В. Шукшина «Я пришел дать вам волю».....	73
Jafarova U.A. The concept of “beauty” in Azerbaijani and English phraseology and paremiology.....	76
Зиннатуллина Г.Ф. Гаяз Исхакый эсэрләрндә фразеологик берәмлекләрнең семантикасы.....	80
Иботова Н.К. Языковые особенности поэзии Чолпона.....	85
Иванова О.А. Специфика обработки идиом детьми с сенсорной и сенсорной алалией.....	88
Костай Д.Т. Когнитивно-семантический анализ концепта «количество» в английском и казахском языках.....	91
Кочурова С.В. Композиты с заимствованным компонентом в немецком языке: морфологическая классификация.....	96
Mammadova A.A. Text and discourse: Using vocabulary in political discourse in English.....	100
Микаилова И.А. К проблеме коммуникативно-ориентированного обучения русскому языку как иностранному.....	104
Миних М.М. Сферы-источники прецедентных феноменов в речи студентов-филологов: коммуникативный подход.....	108
Nazarova A.T. Some factors influencing the speech culture of the Azerbaijani language.....	112
Нуржанова З.М. Национальная картина мира в методике преподавания РКИ.....	116
Ню Цзе. Влияние китайских заимствований на современный русский язык: активные процессы словотворчества.....	120

Османов Д.Д., Мардиева Л.А. Функционально-стилевой синкретизм текста на упаковке.....	123
Оспанова Ф.А. General characteristics of using the audio-and visual methods in the university English classroom.....	127
Романов А.А., Абросимова-Романова Л.А. <i>Угрожать, просить, настаивать</i> : прагматическая специфика иллокутивного потенциала дискурсивных практик обыденно-бытовой коммуникации со значением «убеждающий уговор».....	134
Salmanova Sh. M. Discussions on the ways of word formation in agglutinative languages.....	139
Солнышкина М.И., Андреева М.И., Воронин К.В. Функционал RuLingva для анализа текстов РКИ	143
Теганюк В.В. Семантический анализ французско-канадских, французских и английских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «кот/кошка».....	150
Фазылова А.И., Топанова М.С. Основные принципы разработки учебного пособия по русскому языку как иностранному.....	154
Хань Фан. Система заданий по изучению глаголов эмоционального состояния на занятиях с иностранными студентами.....	158
Hasanova M. M. Stylistic features of metalepsis in English and Azerbaijani languages.....	161
Хематзадех Ф. Семантическая эволюция русских заимствований в персидском языке.....	164
Хмелевский М.С., Кузнецова И.В., Савченко А.В. «Поскреби русского – найдешь татарина»: о тюркизмах, ставших концептуальными в культуре славян	167
Huseynova F.M. Cognitive linguistics: Achievements and problems. Evaluation of Cognitive Linguistic Skills in English	171
Хэ Юань. Неологизмы китайского происхождения в русском языке XIX века (на материале «Описания Пекина» Н. Я. Бичурина).....	175
Чжан Бинь. Особенности работы с профессиональным текстом на занятиях с иностранными студентами.....	177

Чжао Чуньлин. «Полёт в космос» как лингвокультурный концепт.....	181
Шакурова М.М. Казан лингвистика мәктәбенең фәнни-методик мирасы (1970–1980 еллар)	184
Шарифуллина Э.А. Совмещённый контекст имени существительного view в современном английском дискурсе.....	189
Шейхи Х.Г. Systemic-semantic aspect of verbs of speech or speaking in the Russian Language.....	193

Научное издание

**В.А. БОГОРОДИЦКИЙ
И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА**

**Труды и материалы
Международной научной конференции**

Казань, 18–20 ноября 2024 г.

Том 2

Подписано в печать 12.12.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Arial».

Усл. печ. л. 11,63. Тираж 40 экз. Заказ № 30/7.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)